

Александр Конторович
«ЧЕРНЫЕ КУПОЛА»
Выстрел в прошлое

Продолжение бестселлеров
«ЧЕРНЫЕ БУШЛАТЫ»
«ЧЕРНАЯ ПЕХОТА»
«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

Новый разведрейд нашего современника в 1941 год

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 1437.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2011

ФАНТАСТИКА № 7 (221)

ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

45 Евгений ЛУКИН

ПРИБЛУДНЫЕ

У кого не дрогнет сердце при виде дворовой кошки, шмыгающей в подвал... Однако все аналогии оставим на совести автора.

3 Николай ГОРНОВ

БРИЛЛИАНТОВЫЙ ЗЕЛЁНЫЙ

Вы боялись в детстве мазать царапины зеленкой? И правильно: антисептические свойства этого средства сомнительны.

27 Алексей МОЛОКИН

ДЕНЬ ЯЙЦА

Сегодня - праздник, завтра - национальная идея.

141 Анжела и Карлхайнц ШТАЙНМЮЛЛЕР

ПЕРЕД ПУТЕШЕСТВИЕМ

Это только репетиция, которую назначили организаторы тура. И назначили не зря...

155 Оливье ПАКЕ

УМЕРЕТЬ СТО РАЗ, СТО РАЗ ПОДНЯТЬСЯ

Из роботов делают актеров. А жизнь лицедеев-людей превращена в подмости.

177 Кейт ВИЛЬХЕЛЬМ

ТВОРЦЫ МУЗЫКИ

Рутинное задание сулило журналисту одну лишь скуку. О том, что в результате изменится его жизнь, он и помыслить не мог.

197 Генри СТРАТМАНН

КОГДА ЕЁ НЕ СТАЛО

Прилипчивый мотивчик, досаждавший герою Марка Твена, спустя столетие приобрел размах мирового бедствия.

221 Джейсон СЭНФОРД

МИЛЛИСЕНТ ИГРАЕТ В РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

Здесь неоплатный долг перед Родиной выражается вполне конкретными цифрами.

125 Сергей НЕКРАСОВ

ГИНЗБУРГ И ПУСТОТА

Экранизация «главного романа конца 90-х» имела непростую съёмочную судьбу и получилась спорной. Однако критик твердо занял сторону режиссера.

130 Аркадий ШУШПАНОВ
НОВЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

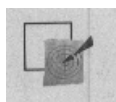
Современная российская детская кинофантастика - миф или реальность?

139 Тимофей ОЗЕРОВ
УРОКИ МИФОЛОГИИ

Поход в кино длиной в полугодие.

127 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Голливуд ни в чем не уступает российским чиновникам: способен потратить на пустые и нелепые проекты даже самые запредельные бюджеты.

242 Глеб ЕЛИСЕЕВ

МЕЛОДИИ СФЕР

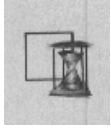
А для того, чтобы их услышать, нужно... читать.

248 РЕЦЕНЗИИ

Наши рецензенты не отбирают книги по жанровой принадлежности. Для них важен лишь один принцип - литературного качества.

264 КУРСОР

Киберпанк имеет отличный шанс возродиться в новой экранной ипостаси: знаменитый режиссер «Куба» готовится снимать «Нейроманта».

253 Валерий ОКУЛОВ

ПЕРВОПРОХОДЕЦ, НЕ ИСКАВШИЙ ТИТУЛОВ

Он стал отцом-основателем жанра НФ-очеркистики и вернул читателям автора «Человека-амфибии».

259 Вл. ГАКОВ

РАЗНОЦВЕТНАЯ СУДЬБА

Писательница, славная не только книгами, но и тем, что придумала главную жанровую награду.

267 ПЕРСОНАЛИИ

Европа et Америка.

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

БРИЛЛИАНТОВЫЙ ЗЕЛЁНЫЙ

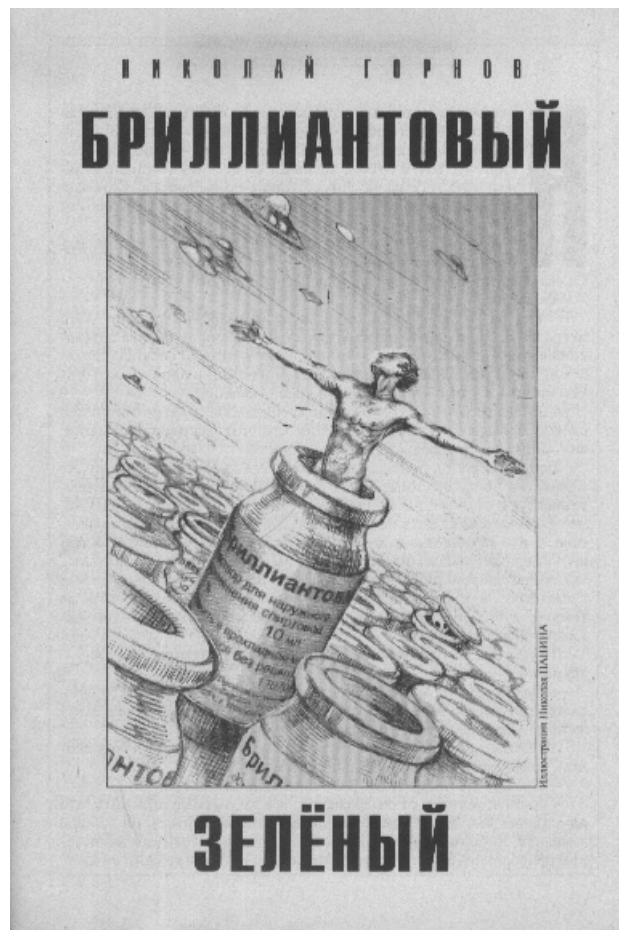

Иллюстрация Николая ПАНИНА

На самом деде его зовут Сергей, но всем он представляется как Светозар. Вы его легко узнаете. Это я вам гарантирую. Всегда розовощекий, робкий, улыбающийся смущенно, он придвигается левым боком, зажимает собеседника в самый дальний угол, откуда уж совсем никак не вырваться, украдкой протягивает руку и говорит, понизив голос до заговорщицкого шепота:

- Очень приятно. Зовите меня Светозар. Я занимаюсь прикладной уфоистикой.

Самые начитанные тут же нервно переспрашивают:

- Уфологией?

- Нет-нет, - начинает протестовать Светозар. - Уфология - это псевдонаука, как справедливо отмечает Комиссия по борьбе с фальсификацией научных исследований при президиуме Российской академии наук. Я же являюсь специалистом в области уфоистики. Причем именно в части ее прикладного использования.

А после крепкого и сухого рукопожатия он обязательно оглянется, словно проверяя, не подслушивал ли кто этот разговор, имеющий, как минимум, среднюю степень секретности.

Любую секретность Светозар обожает. А ко всему обыденному, не имеющему никакого смысла для специалистов по засекречиванию,

относится с откровенным презрением. Вещей, предметов и явлений, не любимых и даже ненавидимых Светозаром, столь большое количество, что их бесполезно даже пытаться перечислить. Почему-то особо сильные приступы раздражительности вызывают у него официальные источники информации. Ему совершенно не важно, в каком виде они существуют - в форме единичного пресс-релиза, вырвавшегося из темных глубин органов власти, или в виде массовой газеты, - он одинаково ненавидит их все.

Но еще более странной мне всегда казалась нелюбовь Светозара к трамваям.

- Почему мы не можем поехать на трамвае, он же пустой? - бывало, удивлялся я, когда замерзал на пустой зимней остановке в окружении неработающих примороженных фонарей.

Но Светозар в ответ только хмурился. А если снисходил до пояснений, то они всегда были предельно краткими:

- Потому что он красный. Ты что, сам не видишь?

А когда я, закипая от раздражения, все же пытался выяснить, что изменилось бы, будь трамвай, например, зеленого цвета, он вообще замолкал. Либо говорил с усмешкой: мол, зеленых трамваев не бывает в природе, поэтому такие предположения лишены всякого смысла.

И в этом с ним трудно не согласиться. Зеленых трамваев мне не доводилось видеть в нашем относительно большом городе ни разу...

Разными оттенками серой секретности Светозар тщательно раскрашивает и свою личную жизнь. На все вопросы о трудовой деятельности он либо отвечает невпопад, либо отделяется ничего не значащим набором слов типа: «Моя работа носит системный и многозадачный характер». Не любит Светозар и расспросов о личной жизни. Семейное положение всегда характеризует одной и той же фразой, отточенной до остроты бритвы: «Женат и любим!». К себе в гости никого и никогда не приглашает. Мне понадобилось несколько лет знакомства (дружба - это слишком пафосное слово), чтобы я смог узнать, где он вообще живет. А до этого все наши многочисленные встречи происходили у меня дома или на ничейной территории.

Зато сведениями о детстве Светозар делится охотно, явно гордясь своим статусом коренного петербуржца. Обычно он говорит, что родился первого октября одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года в Купчине, в спальном районе города Ленинграда, в семье вузовских преподавателей. Отец его был намного старше матери, всю жизнь отработал в Ленинградском технологическом институте, защитил там докторскую диссертацию, получил звание профессора и после пятидесятилетнего юбилея возглавил кафедру. Мать при жизни отца преподавала в нескольких высших учебных заведениях Ленинграда русскую литературу второй половины XIX века, а перед пенсией, когда уже осталась одна, работала экскурсоводом.

Особо терпеливым Светозар может сообщить, что дом его детства стоит восьмым по счету на улице, названной именем венгерского революционера Белы Куна. А если находится в особо приподнятом настроении, то обязательно добавит, что по материнской линии он связан пуповиной с городом Алексеевка Белгородской области, где проживали в доисторические времена его дед и бабка, а сейчас обитают какие-то троюродные племянники и племянницы по фамилии Шаповаловы.

На улице Белы Куна, по уверению Светозара, прошли все его школьные и студенческие годы. Мне он однажды признался, что в детстве и юности был нелюдим, друзьями обзаводился трудно, поэтому, мол, много читал, особенно классиков (с такой мамой не читать Чехова и Достоевского невозможно), а потом нашел себе отдушину в спорте и рок-музыке. Поступив без особых проблем на исторический факультет Ленинградского университета, заужал «Блэк Саббат», «Лед Зеппелин», «Эй-си Ди-си», «Джудаст Прист», а культовый «Дип Пепл» полюбил так, что к пятому курсу ухитрился собрать все их альбомы, отстегивая портовым спекулянтам бешеные по тем временам деньги - от пятидесяти до семидесяти рублей за один лейбл.

Как он зарабатывал деньги - история умалчивает. Видимо, помогало еще одно студенческое увлечение - фотография. К тому же он немного занимался спортом (греблей, волейболом и легкой атлетикой), но никаких достижений в этой сфере за собой не числит, поскольку в те годы почти все занимались чем-нибудь. Лично мне, рожденному не на окраине Питера, а в самом центре Среднего Урала, эти немногочисленные автобиографические экзерсисы опостытели быстро, я скачал с сайта Кремля биографию третьего президента России, ткнул Светозара носом в блеклую распечатку и очень вежливо поинтересовался: не знаком ли он, случаем, со своим земляком?

- Нет, не знаком, - со вздохом ответил Светозар, глядя мне куда-то в левое ухо.

- Ну а почему? - не отступал я. - Вроде бы вы ровесники, выросли в соседних домах, учились, видимо, в одной школе, читали тех же писателей, слушали одинаковую музыку и даже девичьи фамилии ваших матерей созвучны - Шапошникова и Шаповалова. И как же тебе ни разу не удалось встретиться с юным Димой Медведевым?

- Сам удивляюсь, - смутился Светозар. Потом дернулся, как от удара током, привычно огляделся по сторонам, приблизил потрескавшиеся от мороза губы к моему уху, понизил голос до шепота и жарко пробормотал: - Хочешь верь, хочешь нет. Как хочешь, в общем. Я сам только недавно... Тогда-то меня и торкнуло. Провел, в общем, расследование, а потом увлекся и с исторических наук полностью на уфоистику переключился. Только ты никому. Лады? Еще как бы рано. В

смысле, есть некоторые пробелы в моей стройной теории. Но ты, считай, молодец - первый фишку просёк.

- Могила! - торопливо поклялся я, опасаясь, что пересказ неизвестной мне теории займет не один час, а к тому времени перестанет ходить общественный транспорт. И тогда первую половину ночи мне придется, как обычно, утихомиривать Светозара, укладывая его на раскладушку, которая с трудом помещается в кухне, а вторую половину - препираться по этому поводу с женой.

* * *

Вообще, своих теорий у Светозара всегда много. Любых. На все случаи жизни. Он фонтанирует своими теориями, скажем прямо, без остановки. Как-то, помнится, ввязался в диспут на сайте патриотов-почвенников, пропагандирующих имперский образ жизни, и буквально на моих глазах родил теорию о том, что человека по фамилии Сталин не существовало в природе. Просто большевики-агрегаторы трансформировали под собственные нужды традиционные верования славянских кузнецов с целью претворения в жизнь технологического рывка и развития сталелитейной промышленности. Когда правительству кремлевских мечтателей в огромных количествах требовалась высококачественная броневая сталь для производства танков, превосходящих английские и германские образцы бронетехники, очень вовремя подвернулся подходящий вариант эпонимического мифа.

В ответ на возмущенные отклики Светозар соорудил двумя пальцами на клавиатуре моего потрепанного ноутбука гору наукообразных подробностей. Мол, богоподобных персонажей, эпонимов, которым поклонялись и приписывали разные достижения, имели не только славянские, но и другие варварские племена. Мифическим героем был и Ромул, которому приписывают основание города Рима, и Чех - прародитель чешского народа. И если проследить генезис сталинизма (культы Сталина), то окажется, что большевики ничего оригинального не придумали, а банально стырили отовсюду понемногу.

Черты античных богов (Зевса, Гефеста, Марса) в образе Сталина не увидит только тупой. В человеческих жертвоприношениях, позже названных «сталинскими репрессиями», усматривается прямая параллель с культом ацтекского бога войны Вицлипуцли, который тоже неустанно сражался с Тьмой, и ему требовались новые силы, чтобы продержаться следующий пятидесятидвухлетний цикл. Кроме того, уместна параллель и с шумерами, ведь главным храмом Сталина была ступенчатая пирамида - зиккурат, выстроенная на Красной площади и официально исполнявшая роль центра империи. А мифологическая

созидательность славянского божества - Сталин строил города, фабрики, заводы, поднимал сельское хозяйство - роднит его с Прометеем, который, как известно, принес людям огонь и обучил их ремеслам...

Кончилась дискуссия тем, что у моего ноутбука рухнула система, похоронив под собой жесткий диск. Приятель, промышлявший некогда сисадминингом, клялся, что это простое совпадение, но я склоняюсь к версии трояна, заброшенного почвенниками непосредственно в мой почтовый ящик. Хорошо еще, что в историческую роль русского народа Светозар встречал редко. В основном ему хватало достижений современной астрофизики и космологии. В ранней молодости Светозар где-то прочел о значительном количестве научных открытий в этой сфере, сделанных почти случайно, и навсегда проникся идеями детерменизма, согласно которым шанс оставить свой след в истории есть у любого дилетанта.

Как минимум двадцать раз мне пришлось выслушать от Светозара нравоучительную историю про детектор GEO-600, на котором физики семь лет ловили гравитационные волны, создаваемые сверхмассивными космическими объектами, и все эти семь лет боролись со странным фоновым шумом необъяснимой природы в диапазоне от трех тысяч до полутора тысяч герц. А когда они потеряли всяческое терпение и собрались уже свой прибор зачехлить, вовремя подоспела гипотеза американца Крейга Хогана из Национальной лаборатории имени Ферми, заявившего на весь белый свет, что фоновый шум - это вовсе не паразит, мешающий прогрессу, а самый важный результат семилетнего эксперимента, прямое доказательство гипотезы голографического строения Вселенной.

Вообще-то основные положения голографического принципа были сформулированы относительно давно. К ним приложил руку знаменитый квантовый физик Дэвид Джозеф Бом, который считается соратником Эйнштейна. Именно Бом предположил, что наш мир устроен как голограмма, то есть даже самый малый пространственно-временной фрагмент содержит в себе весь порядок Вселенной. Бом уверял, что все индивидуумы взаимосвязаны не в результате непосредственного влияния, которое они могут оказывать друг на друга, а в силу того, что все они подвержены влиянию общих фундаментальных законов. Но широкую известность голографический принцип получил после публикаций работ Нобелевского лауреата по физике Герарда т'Хоофта. Голландец задумался над чем-то вроде энтропии черных дыр, а потом почему-то решил, что Вселенная на самом деле дискретна и представляет собой совокупность пространственно-временных гранул, являясь трехмерной границей четырехмерного пространства.

Я не знаток боковых трендов астрофизики, поэтому вынужден

опираться на знания, полученные от Светозара, а он считает, что здесь уместна аналогия с обычным растровым изображением. Издалека любая растровая картинка выглядит сплошной, а вблизи рассыпается на мелкие точки. И этот господин Хоган прославился именно тем, что подсчитал размеры растровых точек, из которых состоит, по его мнению, пространство-время. А потом выдвинул предположение, что фоновый шум, который все время фиксировался детекторами GEO-600, является на самом деле флуктуациями на границах этих квантов пространства-времени.

Легко представить, как мне надоели все эти гранулы и кванты, если я даже с теорией Большого Взрыва не до конца разобрался, но остановить Светозара не менее трудно, чем десятитонный дорожный каток, летящий под горку. Когда он рассказывает свои поучительные истории, в глазах у него светится такая неприкрытая гордость за науку, словно он сам сидел все семь лет возле детектора GEO-600, а дорогостоящий прибор приобрел на последние сбережения и поставил на своем дачном участке, где любой здравомыслящий человек стал бы выращивать картошку или помидоры.

Долго вдохновляла Светозара и гипотеза об инфляционной вселенной. Говоря шершавым языком плаката, видимая нами Вселенная, согласно этой гипотезе, вовсе не бесконечна, а является лишь одним из множества других миров, существующих в каком-то гораздо большем по размеру и многомерном Нечто. Представить себе это Нечто, наполненное некоей густой «пенной», где буквально каждый пузырек - это чья-то уникальная вселенная, мне всегда было трудно, но Светозару идея жизни в «пузырьке» нравилась одно время безумно. Он часто и подолгу всматривался в звездное небо, рассуждал о том, какой микроскопической, жалкой и нелепой выглядит человеческая жизнь с точки зрения Природы, и строил планы, как однажды придумает нечто такое, от чего весь ученый мир захлопает в ладоши или замрет от удивления.

Как-то Светозар даже примчался ко мне ранним утром, хрипло дыша, словно за ним гналась вражеская конница, чтобы с порога заявить о своем очередном гениальном прозрении.

- У этих «пузырей» должна быть бурная история взаимодействий, - объявил он гордо. - «Пузыри» обязательно должны сталкиваться между собой. А если они сталкиваются, то в результате их столкновения должны оставаться следы. Представляешь, какие это будут космические синяки?

- И что? - равнодушно поинтересовался я, кутаясь в домашний халат и украдкой борясь с зевотой. - Слушай, сейчас семь часов утра. В такую рань я даже завтракать не стал бы, а тем более не стану слушать твои космические откровения.

- Дастишфантастиш! - искренне расстроился Светозар. - Но вообще-

то ты прав. Извини. Я всю ночь не спал, так сильно думал, что голова чуть не взорвалась. А поделиться было не с кем. Еле дождался, когда автобусы начнут ходить. Хочешь, на колени встану? Тогда ты меня простишь?

Кающийся Светозар - зрелище в наших широтах столь же экзотическое, как и кающаяся Мария Магдалина в исполнении Эль Греко, поэтому не простить Светозара было бы с моей стороны полным свинством. Я только скривился для порядка и пробормотал:

- Ты это... потише в свой бубен бей, а то жена еще спит...

Мне тогда даже в голову не могло прийти, что очень похожая гипотеза через пару лет заинтересует ученых с высокими степенями, и они на деньги налогоплательщиков сразу бросятся ее проверять. И обнаружат, кстати, что реликтовое излучение, считавшееся, в принципе, хаотичным и однородным, на самом деле таковым не является. А группа австралийских астрофизиков пойдет еще дальше. Австралийцы введут снимки, полученные с американского космического зонда WMAP, в специальную программу, которая должна выявлять аномалии в распределении микроволнового излучения, и эта программа обнаружит сразу несколько странных образований, похожих на кольца. Физики тут же объявят, что эти кольцевые паттерны не могли возникнуть иначе, чем в результате столкновения нашей Вселенной с другими вселенными.

Конечно, мнения астрофизиков сразу разойдутся. Небольшую часть этого немногочисленного научного сообщества новое открытие порадует. Но большинство скажет, что кольцевые паттерны - обман зрения. Мол, на карте реликтового излучения, как и на любой другой замысловатой картинке, можно при желании увидеть хоть лик Бога, хоть изображение дьявола с рогами. Но австралийские физики тоже не сдадутся без боя и заявят, что аномалии распределения температуры на карте реликтового излучения нашлись программным способом, без вмешательства человека, следовательно, они существуют объективно. Потом все договорятся подождать снимков микроволнового фона с более высоким разрешением от космического аппарата «Планк», чтобы провести новый эксперимент. Но если кольцевые паттерны обнаружатся опять, то окажется, что над Светозаром я потешался напрасно.

* * *

Как ни странно, но темы, представлявшие для Светозара профессиональный интерес, мы почти не затрагивали. Я и сейчас не могу взять в толк, чем уфоистика принципиально отличается от уфологии. Если трактовать оба термина буквально, то особой разницы

между ними как бы и нет. Уфоистика - это «совокупность явлений неопознанных объектов». Уфология - «учение» о них же. Но по этому поводу Светозар со мной спорить не хотел. Только смотрел с неприкрытой грустью, как на младшего брата по разуму. Правда, однажды все же взялся меня просветить. Так я впервые оказался на заседании городского отделения Всемирного уфологического общества, которое использовало в своих целях планетарий в бывшем Дворце пионеров, переименованном в годы первоначального накопления капитала в Дом детского творчества.

- Тебе точно все это интересно? - в последний раз сурово поинтересовался Светозар.

Я кивнул. Главное в таких случаях было не улыбаться. А тактику тотальной серьезности в общении со Светозаром я к тому времени уже освоил на отлично.

- Постарайся не открывать рот, - предупредил Светозар. - Как зайдем, так и начинай сразу молчать. Даже если смертельно захочется отлить. Эти уфологи - народ совершенно непредсказуемый...

Народ под куполом планетария действительно собрался весьма пестрый. И хотя заметной невооруженным глазом непредсказуемости я не приметил, тем не менее послушно присел на последний ряд скрипучих стульев и постарался затеряться, используя в целях маскировки складки местности и широкую спину брюнетки средних лет в битой молью лисьей горжетке. На председательском месте восседал мужчина по фамилии Жуков, одетый в изумрудно-зеленую рубашку и желтый вязаный жилет. На вид ему было слегка за пятьдесят. Светозару он точно не обрадовался. Но коротко кивнул, выпучив глаза.

- Вижу, что уже все собрались, - произнес Жуков тихо, но весомо. - Перед тем как начать, я должен сказать несколько слов об истории создания моей книги «Оглянись - они рядом». История эта, прямо скажем, трагическая. Несколько лет назад по воле случая я познакомился с профессиональным уфологом Сергеем, сотрудником весьма известного журнала. Не стану называть его фамилию, многие из вас, думаю, читали его статьи, в которых содержится масса поразительных фактов и выводов. Скажу только, что Сергею было уже давно за сорок, он побывал во многих загадочных местах, в том числе на Урале, Байкале, Алтае, Мадагаскаре, острове Пасхи, при этом на меня он произвел впечатление человека эрудированного и вменяемого. Как и любой журналист, владеющий сенсационным материалом, Сергей не мог не писать свои статьи и не выступать с докладами по уфологии, хотя и имел, по его словам, массу неприятностей из-за своей профессиональной деятельности...

Жукова никто не перебивал, хотя общий смысл его долгого вступления легко сводился к одной банальной мысли, что все неприятности уфологов связаны вовсе не с преследованиями со

стороны властей или каких-то секретных спецслужб, а с препятствиями, которые прогрессивному человечеству чинят сами внеземные гости, не желающие распространения достоверной информации о себе. Всякие там мифы и легенды Древней Греции - пожалуйста. Летающие тарелки, лемуры, этруски, атланты, Шамбала, Бермудский треугольник - сколько угодно. А правду говорить - ни-ни. Ни под каким соусом. Потому как достоверная информация вынуждает пришельцев вносить коррективы в свои эксперименты, и не в меру любопытного журналиста, например, могут по этой причине даже устранить физически.

Нет, наши инопланетные гости вовсе не изверги, они сначала предупреждают, затем, если не помогли предупреждения, пугают. Ну а карают только в исключительных случаях. Только если не смогли взять на испуг. Сергея, мол, и предупреждали не раз, и пугали. Поэтому он мог поведать какие-то факты кулуарно - это не возбранялось, но не выступал со своими гипотезами публично и не публиковал их в средствах массовой информации. В итоге Сергей все равно погиб. При обстоятельствах, понятно, загадочных и не до конца выясненных...

- Размышляя о его странной и очень неожиданной смерти, я до сих пор ощущаю определенный дискомфорт, - как бы нехотя признался Жуков. - И тогда я осознал: нельзя оставлять людей один на один с неведомой силой. Нужно разделить ответственность на всех. Или хотя бы сделать такую попытку. С этой целью я и создал свою книгу. Я не знаю, насколько реален риск. Быть может, мои гипотезы лишь позабавят пришельцев, и тогда мы с вами, уважаемые коллеги, будем в полной безопасности. Но если я хоть немного приблизился к раскрытию их тайны, тогда в опасности и я, и вы, поскольку сейчас вы прослушаете мой доклад и тоже овладеете запретной информацией. Поэтому предупреждаю сразу: если кто-то боится, пусть уходит сейчас, потому что инопланетяне узнают о нашем собрании обязательно. Как? Ответ на этот вопрос прост. Среди нас - здесь и сейчас - наверняка присутствуют их эмиссары. По крайней мере, один эмиссар - это точно...

После этих слов несколько человек из первого ряда обернулись и зашарили обжигающими взглядами по задним рядам стульев. Мне почему-то не захотелось взваливать на себя неподъемное бремя инопланетного эмиссара, и я невольно пригнулся еще ниже.

- В самом деле, где же им быть еще, этим эмиссарам, как не здесь, на заседании нашего отделения Всемирного уфологического общества? - продолжил председатель после короткой паузы. - Ведь именно здесь и генерируются самые сумасшедшие идеи. Как знать, может, одна из них окажется верной...

Жуков вещал еще полтора часа, изображая из себя скромного пророка, но ничего нового так и не добавил. Даже наоборот. К концу

заседания я так заскучал, что все его гипотезы в одно мгновение журавлиным клином вылетели из моей головы. Я хотел уже только одного - выбраться из-под купола планетария на свежий воздух.

- Теперь-то ты понял? - хмыкнул Светозар.

- Что именно? - осторожно уточнил я.

- Как что? - удивился Светозар. - Ты же сам хотел узнать, чем уфология отличается от уфоистики...

Мне искренне не хотелось расстраивать Светозара, и я промолчал.

- Шутишь? - забеспокоился он. - Уфологи - они же деревянные, как солдаты Урфина Джуса. Только и умеют, что языками работать. Собираются на своих собраниях и болтают, болтают без конца и без смысла, как анонимные алкоголики. Ждут гору, которая родит им мышь. А уфоистика - это наука. Со всеми этими индукциями-дедукциями, анализом-синтезом...

Я закивал, но как-то, видимо, неубедительно, чем расстроил Светозара окончательно. И единственный раз за все годы нашего знакомства я увидел Светозара расстроенным не на шутку. Всю дорогу, пока мы возвращались пешком через центр, он размахивал руками и вываливал на меня какие-то малопонятные факты и причины, из-за которых долгие годы не утихают споры между различными школами исследователей внеземных объектов, рассказывал о принципах фиксации свидетельских показаний, возмущался по поводу слишком большого количества типов и подтипов летательных аппаратов.

- Проблема в том, что на сегодняшний день они наличествуют в любых формах и цветах радуги - летающие кубы, треугольники, шестиугольники, конусы, сферы, объекты, напоминающие гигантских металлических насекомых и медуз. Фактически есть уже все, - кипел Светозар. - Есть объекты с колесами, крыльями, антеннами, куполами, иллюминаторами и без оных, есть транспортные средства с колесами и без, есть вертолеты, самолеты, встречаются даже гигантские сигары со множеством иллюминаторов, извергающие из хвоста огонь, и летающие тарелки. Не имеем мы только одного - базовой модели инопланетного транспортного средства, которое бы регулярно появлялось в разные годы в разных местах. И это подталкивает нас к двум неизбежным выводам: либо все свидетели откровенно врут, либо существует некая сверхцивилизация, способная создавать не поддающееся никакой систематизации количество разнообразных машин и механизмов...

- И к какому выводу склоняешься ты? - поинтересовался я, когда Светозар ненадолго затих.

- Ну уж! - фыркнул он. - Первый выбирают чиновники. Второй - уфологи. Моя задача, как истинного ученого, - третий путь. Похоже, все описанные «твердые» объекты - это лишь приманка. В смысле,

временная трансмогрификация. А все реально встречавшиеся землянам объекты внеземного происхождения - они аморфны. Я вообще не удивлюсь, если когда-нибудь мы узнаем, что они еще и живые. Мне кажется, это ключ...

- От чего? - заинтересовался я, тогда еще не знавший таких слов, как «трансмогрификация». - Извини, твою последнюю мысль я не совсем понял...

- А-а, забудь, - рассмеялся Светозар. - Заболтал я тебя, как настоящий уфолог...

На этом мы тогда и расстались. А следующая моя встреча с уфологами произошла уже без Светозара.

* * *

Проверку по факту исчезновения Светозара органы внутренних дел провели как-то быстро и небрежно. С участковым уполномоченным Терещенко, подписавшим постановление об отказе от возбуждения уголовного дела, мне довелось встретиться только раз. Вернее дважды, но когда мы с ним топтались у квартиры Светозара, ожидая пока слесарь из управляющей компании взломает замок, поговорить нам не удалось. А спустя неделю участковый сам пришел ко мне домой. Кажется, это было в субботу. Майор Терещенко был предельно вежлив и отказался пройти даже в кухню. Попросил у жены табурет и расположился в прихожей.

- Вы знали, что ваш э-э-э...

- Друг, - подсказал я.

- Да, конечно, друг. Вы знали, что он был уволен из органов по ранению?

Не дождавшись ответа, участковый стал что-то быстро записывать, пристроив пачку бумаги на своей виниловой папке цвета гнилых оливок.

Я прокашлялся, чтобы хоть как-то скрыть свое удивление.

- В смысле?

- В смысле трудился в Федеральной службе охраны. Почти десять лет. А вы что, об этом не знали?

- Нет, не знал, - еще больше удивился я. - Даже не догадывался...

- А о том, что ваш друг состоит на учете в психоневрологическом диспансере, вы тоже не догадывались?

Я оглянулся, пытаюсь понять, слышит ли наш разговор моя жена, и перешел в наступление сам:

- А какое, собственно, это имеет отношение к факту его исчезновения?

- Косвенное, - вынужден был согласиться майор Терещенко,

продолжая что-то быстро записывать. - Вы знали кого-то из его близких родственников? Можете сказать, где они проживают?

- Что вы там все время пишете? - не выдержал я. - Мы еще и поговорить не успели, а у вас целый роман получился.

- Не обращайтесь внимания, - отмахнулся участковый. - Продолжайте. Мне нужно знать все. Где вы познакомились со своим другом, когда, при каких обстоятельствах, о чем говорили, часто ли виделись, не имел ли он привычки отлучаться из дома надолго, не предупредив ни соседей, ни вас?

Я хмыкнул.

- Емкий у вас вопрос...

- А вы вспоминайте частями, - успокоил участковый. - Не спешите. У меня лично время есть. Главное, в час уложиться...

В принципе, за этот час я поведал майору Терещенко почти все, что смог. И о нашем первом знакомстве со Светозаром, и о наших долгих спорах, и о его поездках по стране. Светозар действительно уезжал часто. Бывало, что и надолго. Причем в дорогу его мог позвать совершенно непонятный мне повод. Он мог месяцами спокойно изучать в интернете подробные рассказы многочисленных контактеров о встречах с внеземными объектами по всей нашей необъятной стране, а мог сразу собраться, разглядев в разделе «Курьезы» короткое и совершенно безобидное объявление типа: «Вчера в поселке Мусорный Бредятинского района Новочебоксарской области видели НЛО. Почти половина поселка наблюдала его рано утром, когда выгоняла коров. Светящийся шар несколько минут висел над недостроенным кафе «Полюшко-поле», потом поднялся в небо и исчез в восточном направлении. Кого интересуют подробности - пишите, спрашивайте, я отвечу».

В некоторых поездках Светозар задерживался на месяц. В иных - на пару месяцев. Рекорд он поставил в Республике Тыва, на самой границе с Монголией, в восьми километрах от населенного пункта Кунгуртук, на высоте в тысячу триста метров над уровнем моря. Там, посреди небольшого озера Тере-Холь, где на глиняном островке торчат развалины древней крепости Пор-Бажын, он задержался почти на полгода. Кто построил эту крепость и когда именно - доподлинно неизвестно. Известно только, что Пор-Бажын имеет форму правильного квадрата, занимает четыре гектара и содержит фортификационные сооружения, центральную площадь, склады и даже древний дворцовый комплекс. В этих развалинах Светозар и жил. Прятался за стенами непонятного возраста, достигавшими когда-то в высоту двадцати пяти метров, а в толщину - девяти.

Вот только Светозар никогда раньше не уезжал, не предупредив об этом меня. Мало того, я даже ориентировочно знал, когда его ждать. И если он вдруг задерживался дольше расчетного времени, как в

Республике Тыва, то всегда находил способ сбросить эту новость мне на мобильный...

- То есть у вас нет версий, где в данный момент может находиться ваш э-э-э... друг? - сделал вывод майор Терещенко.

- Никаких, - кивнул я. - Поэтому и обратился к вам. Я вообще опасаюсь...

- Чего вы опасаетесь? - оживился участковый.

- Даже не знаю, - признался я. - А если он попал в беду?

- У него были враги? Он был должен кому-то значительную сумму?

- Да не было у него никаких врагов! - не выдержал я. - И денег у него тоже не было. У нас каждый день людей убивают - и у каждого убитого есть враги, по-вашему? Иногда, знаете ли, убивают и просто так. По дурусти. А если его, например, похитили террористы и держат сейчас в заложниках?

- Ясно, - отступил участковый. - Вы только не горячитесь. Будем искать вашего друга. Это же наша работа, в конце концов...

Я последовательно поставил подпись на каждом листке, исписанном крупным почерком участкового, майор сложил пачку бумаги вдвое, небрежно запихнул ее в свою зеленую виниловую папку, надвинул на брови потертую форменную ушанку, попрощался и растворился в вечернем тумане. С тех пор я участкового Терещенко не видел. А спустя две недели в окружном УВД мне вручили под расписку постановление об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления. Нет трупа, как пояснил дежурный, нет и дела.

Можно, как мне объяснили, объявить в розыск, да и то осторожно. Как раз в прошлом месяце был случай: встретил мужчина красивую девушку на улице и умчался с ней на крыльях любви в город Мирный, где вознамерился проживать долго и счастливо до конца дней своих. А жена его тем временем устроила всему областному УВД кордебалет. За два месяца прошла все инстанции, рыдала белугой, уверяла всех, что не мог ее дражайший Анатолий сбежать с другой женщиной.

- Этот вариант исключен, - заверил я.

- Все так говорят, - усмехнулся дежурный.

- Но я все-таки хотел бы поговорить с майором Терещенко лично, - не сдавался я. - Он на месте?

- Терещенко? - Дежурный поднял взгляд к потолку. - Это какой Терещенко?

- Участковый, который ко мне домой приходил. А что, его сейчас нет?

- И не было никогда, - огорошил меня дежурный. - У нас майоры в участковых никогда не ходили. Капитаны были. Майоры - нет. А вы фамилию, извините, не напутали? Может, вам участковый Тараскин нужен?

Дежурный кивнул в сторону доски почета.

- Та-рас-кин, - прочитал я под фотографией совершенно незнакомого мне молодого мужчины в узких погонах с россыпью мелких звезд. - Нет, спасибо, Тараскин мне точно не нужен...

Серое небо над зданием окружного УВД уже расчертили осадки. Я огляделся по сторонам, глубоко вдохнул сизый дым над черной дорогой, натянул на голову вязаную шапку и медленно побрел вдоль скользкой обочины, не обращая внимания на яростно сигналившие маршрутки и автобусы. Постепенно темнело, зажигались желтые фонари, я все шел и шел. И не мог совершенно ни о чем думать. А дома просто рухнул на диван.

- Ты не заболел? - сразу забеспокоилась жена.

- Нормально, - отмахнулся я. - Устал на работе.

- Тебе письмо принесли заказное, - сообщила жена. - Без обратного адреса.

Я вяло пощупал замятый по краям конверт, попытался прочесть штамп отправителя, размытый до состояния полной нечитабельности, и осторожно надорвал край. Внутри был небрежно оторванный клочок бумажных обоев, весь исписанный по белой стороне корявым почерком Светозара. Заголовок сверху гласил: «Типология: исследовательские зонды и внеземные биологические объекты». Дальше, видимо, следовал перечень всех этих объектов.

«Серые - наиболее распространенный подвид. Без волос, с большими глазами и маленькими головами. Очевидцы дают противоположные данные. Одни категорически относят всю группу к агрессивному подвиду, другие - наоборот. Биологические объекты сивой кобылы. Рептилоиды. Агрессивная группа. По частоте встреч - на втором месте. Третья категория по частотности: инсектоиды. Примитив. Все очевидцы единокоры - ведут себя непонятно. Малые группы: космические карлики (!), черные люди (страх смерти), нордические красавицы (неудовлетворенное либидо), трубчатоносые, ухкрылые, остроухие (максимальный размер - порядка четырех метров). Минимальное число контактов: косоглазые, криворотые, кровососущие (занял тысячу рублей и исчез). Кодекс контактера: при похищении следует вести себя достойно, помня о том, что вы являетесь представителем высокоразвитой цивилизации. Самая сильная защита - добрые намерения и мысли. Агрессивные группы от добрых намерений отступают. Позитивные - учат жизни, чтобы и земляне могли войти в сообщество внеземных цивилизаций...»

- А кто принес письмо? - осторожно поинтересовался я у жены, предварительно спрятав клочок плотной бумаги на полке среди книг. Мои поиски Светозара энтузиазма у нее не вызывали.

- Наша почтальонша. Круглая такая тетенька. Она у нас на участке недавно работает. А что? - удивилась жена. - Я думала, это «письмо счастья» из пенсионного фонда, вот и расписалась за тебя. Что-то не

так? Ужинать будешь?

- Нет-нет, все как раз так, как и должно быть, - успокоил я жену. - Просто удивился, что поздно принесли...

* * *

С письмом я провозился почти месяц. Изучал каждую букву, переставлял слова, менял местами фразы, обшарил все специализированные ресурсы в интернете, где пользователи обменивались сведениями о внеземных объектах, держал кусок обоев над различными химикатами, в том числе опасными для здоровья соединениями хлора, сканировал с большим разрешением, увеличивая текст до размеров плаката. Я даже рентгеновским аппаратом пытался это письмо просвечивать. Но все безрезультатно. Ничем не помог и знатный уфолог Жуков, к которому я примчался в первую же субботу. У замороженного пионерского фонтана ждал его почти час. Я пришел раньше назначенного времени, а он слегка опоздал.

Сначала Жуков отшатнулся, меня не узнавая, и даже просветлел лицом.

- Да-да, припоминаю, вы мне звонили. Ну, давайте эту вашу штуку...

Я протянул ему обрывок обоев. Жуков неспешно нацепил очки, отступил к фонарю, несколько минут внимательно изучал документ на просвет, потом долго читал текст, пару раз хмыкнул и вернул мне бумажку со словами:

- Почерк узнаю...

- И что это может быть?

- Да что угодно. - Жуков вяло улыбнулся. - Это может быть и банальностью, и очевидным бредом, и даже каким-то сигналом. Вы давно, извините, знакомы со Светозаром?

- Смотря как расценивать слово «давно», - уклончиво ответил я. Когда не знаешь, в какую сторону может завести тебя беседа, лучше не рисковать. - С моей точки зрения, уже достаточно долгое время. С вашей точки зрения, наше знакомство, вполне вероятно, можно считать и мимолетным.

- Вы умны, - удовлетворенно качнул двойным подбородком Жуков. - Это похвальное качество...

- Этот текст вообще имеет какой-то смысл? - нагло перебил его я.

- Конечно. - Жуков опять кивнул, как бы прощая мне мою наглость. - Любой текст, созданный не природой, а разумным существом, всегда имеет смысл. Вся проблема в том, что смысл может не совпадать с ожиданиями даже самого создателя текста, а уж тем более с ожиданиями его читателей.

- Светозар исчез, - признался я. - Почти три месяца назад. А на

прошлой неделе я получил от него это письмо без обратного адреса. Вполне вероятно, он пытается мне что-то сказать. Но я не могу ничего понять. Сплошные загадки. Вы мне поможете?

Жуков снял очки, спрятал их во внутренний карман пиджака и замер, разглядывая неоновые отблески витрины ресторана «Иртыш».

- Собственно, я не удивлен, - медленно произнес он. - Жизнь любит преподносить нам загадки. Увы, не на все из них можно найти ответы. Вот вы знаете, например, почему зеленку используют только в республиках бывшего СССР?

- Зеленку? - удивленно переспросил я. - Какую зеленку? При чем тут зеленка?

- К слову пришла. Исключительно в качестве примера.

- Если в качестве примера, то не знаю, - пробормотал я.

Жуков хмыкнул.

- Видите, над такой банальностью вам даже в голову не приходило задуматься. Вот и с этой бумажкой я советую поступить аналогичным образом. То есть не думать о ней. А еще лучше - выбросить. И впредь не забивать себе голову всякими глупостями. Прощайте, молодой человек!

О зеленке я не думал ровно неделю. А потом расцарапал коленку об острую алюминиевую кромку на дверце кухонного шкафа. Жена, примчавшаяся на мой призывный рев, не глядя выхватила из аптечки пузырек с зеленым раствором. Я даже охнуть не успел, как моя коленка уже распространяла вокруг себя ярко-зеленое свечение.

- Почему ты обработала порез зеленкой, а не йодом? - с подозрением поинтересовался я, внимательно изучая этикетку на пузырьке, гласившую, что пятипроцентный раствор бриллиантового зеленого следует применять только наружно.

- Это мне вместо спасибо? - фыркнула жена. - Вот и лечи тебя после этого...

Ночью поврежденная коленка стала саднить, я долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок и тщательно старался не думать о бриллиантовом зеленом, уже застрявшем в левом полушарии, как ржавый гвоздь в заборе. А разве не странно, действительно, что этот спиртовой раствор зеленого цвета был первым лекарством в моей жизни. Да и не только в моей. Зеленкой у нас исторически смазывают пупки всем новорожденным с целью не допустить проникновения в организм младенца внутрибольничных инфекций. Без зеленки не обходится ни одна наша домашняя аптечка. А почему? Неужели ничего лучше за это время не смогли придумать? Почему дети и старики соглашались смазывать раны и царапины только зеленкой, ничего другого не признавая в принципе? Что вообще такое - этот бриллиантовый зеленый? Откуда он взялся, кто его нашел, и почему, черт подери, нашу зеленку не признают нигде, кроме стран бывшего

СССР?

История зеленки, признаюсь, меня увлекла. К тому же я попутно открыл для себя много нового. Раньше, например, я не знал, что практически до середины XIX века в просвещенной Европе каждая десятая роженица умирала от родильной горячки, хотя в то время роды принимали уже никакие не повивальные бабки, а дипломированные врачи. Не знал, что лишь один врач-акушер Игнац Земмельвейс из Вены попытался понять причину такой высокой смертности. В то время врачи подолгу практиковались на трупах и часто бегали принимать роды сразу из прозекторской, в лучшем случае вытерев руки носовым платком. И когда умный венский врач Земмельвейс, прежде чем подходить к роженицам, стал выдерживать руки в растворе хлорной извести, то смертность среди его рожениц сократилась практически в семь раз.

Однако коллеги новомодной идеей Земмельвейса не прониклись. Не убедило врачебное сообщество и самоубийство некоего немецкого акушера Михаэлиса, не сразу решившегося проверить гипотезу осмеянного коллеги на практике. А когда смертность среди пациенток Михаэлиса тоже снизилась в разы, он наложил на себя руки, не выдержав мук совести. Плохо, кстати, закончил свою карьеру и сам Земмельвейс. Он угодил в лечебницу для душевнобольных, где вскоре и умер. А убил врача тот же сепсис, от которого умирали пациентки всех родильных отделений до его блестящего озарения. Но зерна сомнений, которые посеял венский акушер, к тому времени уже дали свои плоды. А вскоре по Европе распространилось и открытие Луи Пастера, после которого все врачи взяли на вооружение антисептики.

В тему тогда пришлось и открытие молодого химика Уильяма Перкина, который долго экспериментировал с каменноугольной смолой, пытаясь получить лекарство от малярии, а вместо него синтезировал краситель пурпурного цвета. Это вещество оказалось не только стойким, но еще и убивало все бактерии, как выяснилось позже. Отец Перкина, по профессии строитель, надумил молодого химика заняться промышленным производством синтетических красок, и Уильям, надо отдать ему должное, в этом бизнесе преуспел. А под конец жизни даже удостоился за свои труды почетных титулов рыцаря и пэра. Правда, никакого зеленого красителя Перкин не синтезировал. И идея применения анилиновых красок в медицинских целях принадлежит тоже не ему.

Какой именно врач обнаружил под микроскопом, что раствор анилиновой краски убивает бактерии наповал, - неизвестно. Еще одна загадка: почему именно зеленая краска из трифенилметанового ряда привлекла русских медиков? В качестве недорогого антисептического средства можно было использовать фенол. Или спиртовой раствор йода. В современной западной медицине, где одновременно

применяется множество различных антисептиков, почему-то никому и в голову не приходит украшать пупки младенцев раствором бриллиантовой зелени. Для обработки мелких ран и порезов американцы покупают в аптеках мази на основе антибиотиков. Или используют обычный сахар в смеси с бетадином - одним из соединений йода. А про зеленку они вообще ничего не знают. Почему?

С этим вопросом я приставал ко всем знакомым фармакологам, дерматологам и педиатрам. И все пожимали плечами. Некоторые выдвигали, правда, разные версии, что причина может быть в неизвестном принципе действия зеленки и остальных анилиновых красителей. Самое интересное предположение высказал мой старый приятель Петя - врач-дерматолог из кожвендиспансера. Он предположил, что главная проблема в эстетике. Мол, у нас, в отличие от западных стран, на комфорт пациента внимания не обращают, поэтому раскрашивают все повреждения кожных покровов либо зеленкой, либо жидкостью Кастеллани с фуксином.

Но единственной и непротиворечивой версии я от медиков так и не услышал. А именно непротиворечивость, как известно, является одним из основных признаков истинного знания. Да и с названием зеленого красителя мне не все было понятно. Что именно в нем бриллиантового? Метиленовый синий, метиленовый фиолетовый, красный фуксин и желтый риванол - эти названия я вполне могу понять. А бриллиантовый зеленый - это ведь полный бред.

По официальной версии, вышла банальная путаница. В сухом виде, до растворения в спирте, зеленая краска имеет вид золотисто-зеленых комочков, по латыни именуемых *viridis nitentis*, в смысле «зеленый блестящий», поэтому неизвестный французский химик, который впервые перевел это название с латыни, использовал французское слово *brillant* - блестящий. А неизвестный русский химик, безграмотный как дворовый пес, перевел слово *brillant* буквально, в результате чего его потомкам вместо «блестящего зеленого» достался «бриллиантовый зеленый». Проблема в том, что в такую версию могут поверить только сегодняшние химики-недоучки. Полтора века назад любой русский с университетским дипломом не мог не знать французского. Да он и латынью должен был владеть как родным. В крайнем случае, безвестный русский химик смог бы перевести название синтетической зеленой краски напрямую с латыни...

* * *

Конечно, действовал я по большей части интуитивно, но в этот раз интуиция меня не подвела. В опустевшей квартире Светозара я обнаружил именно то, что и ожидал найти, - пустые аптечные упаковки

от спиртового раствора бриллиантового зеленого. Правда, попасть в квартиру Светозара мне удалось далеко не сразу...

- А вам туда зачем? - долго выпытывал директор управляющей компании, косясь на мое удостоверение. - Вы вообще-то в газете кем работаете?

- Ну а кем я могу работать в газете? - раздражался я. - Техничкой, естественно. А в свободное время еще протираю компьютерные столы от пыли.

- Вообще-то, я не имею права, - сразу насупился директор. - Милиция все опечатала. Квартира у нас на ответственном хранении, а допуска у вас нет.

- А если я принесу допуск?

- Без участкового не имею права, - заколебался директор. - Может, поищите участкового.

На что мне оставалось только пожать плечами и отправиться на поиски слесаря, который в моем присутствии уже взламывал однажды замок. Почему-то я был уверен, что с рабочим классом быстрее удастся найти общий язык. Признаюсь, что ошибся. Сначала нужный мне слесарь отсутствовал по причине участия в среднике, потом в субботнике, потом он взял отгул, чтобы поехать на свадьбу троюродной сестры, потом заболел на три дня по причине явления ячменя, а когда пропал ячмень, появилась неделя отпуска за свой счет. Ну а потом он не вышел на работу вообще без всякой уважительной причины.

Впрочем, эти поиски хоть и не дали результата, но поспособствовали выбросу в кровь серотонина, после чего мозг заработал в аварийном режиме и нашел типично русское решение проблемы. Я просто поднялся на третий этаж, сорвал пластиковую пломбу с двери, в которую, как оказалось, никто и не думал вставлять новый замок, без малейших колебаний проник в квартиру Светозара, а спустя пятнадцать минут уже выполнял все эти операции в обратной последовательности. Четыре картонных коробки из-под зеленки лежали под диваном. Каждая из них вмещала сто пустых пузырьков.

Приобреталась зеленка не очень давно, если судить по этикеткам. И если допустить, что она нужна была Светозару для лечения ссадин и царапин, то десятилитрового запаса ему должно было хватить лет на десять. И еще осталось бы немного на раскрашивание в зеленый цвет небольшого тайского слоника. Поскольку зеленые слоники в нашем городе никому не встречались, иначе я бы об этом знал, а все пузырьки из-под зеленки пусты, значит, Светозар использовал свои запасы на какие-то иные цели. И пока я размышлял о подозрительной очевидности такого вывода, ноги сами завели меня в аптеку.

В небольшом помещении остро пахло хлоркой. В углу на мерцающем мониторе беззвучно крутилась реклама «Виагры». Я бегло осмотрел

заполненные разноцветными упаковками стеклянные витрины и громко поинтересовался:

- Есть здесь кто-нибудь?

В дальнем окошке для провизоров мелькнул белый халат.

- Мне бы зеленку купить, - решительно произнес я.

- Зеленку? - В голосе девушки-провизора сразу зазвучали металлические нотки. - Вам сколько?

- Сколько у вас есть? - осторожно уточнил я.

- А вам с какой целью?

- Вы что, издеваетесь? - возмутился я. - С какой еще целью я могу покупать антисептик? По будням я буду смазывать им ссадины и царапины, а по выходным лечить блефарит и фоллукулит. Не стану же я пить вашу зеленку, в конце концов!

Девушка нервно поправила воротник халата и промолчала.

- Дайте мне четыреста пузырьков, - вяло закончил я.

- Смазывать царапины? - ехидно уточнила провизор.

- Да, - механически кивнул я, уже понимая слабость своей аргументации.

- Мужчина, вы сами уйдете или мне охрану вызвать?

Я предпочел покинуть помещение сам, имея в виду, что аптек в городе много, а жизнь дается человеку только один раз. Впрочем, реакция остальных провизоров на мои вопросы о зеленке была похожей. Понимание я нашел только в пятнадцатом по счету аптечном учреждении, где за пыльным прилавком скучала старушка в бифокальных очках. Она подняла на меня подслеповатый взгляд, вздохнула и по-доброму развела руками:

- Нет зеленки. Уже давно. Заведующая говорит, что и у наших поставщиков ее нет. Ума не приложу, кому она могла понадобиться в таком количестве. А вам-то на что?

- Да так, интересно просто, - пожал плечами я, одновременно отступая к двери. - Нигде нет, вот и ищу...

- Йод берите, его еще много, - посоветовала сердобольная женщина и опять уткнулась во второй том справочника Машковского.

Отступив на заранее подготовленные позиции, я задействовал план «Б» - приятеля Жору из областного департамента здравоохранения. Но и он мгновенно округлил глаза, когда я с невинным видом поинтересовался зеленкой.

- Только на меня не ссылайся! - зашептал Жора. - Какой-то бред бредовый. Жалобы к нам уже пачками приходят. Пенсионеры губернатору успели пожаловаться, что в аптеках даже зеленки не найти, и министр на вчерашней коллегии нам всем пистоны вставлял. А мы что можем? Нет ее нигде!

- Как это нет? - Я сделал вид, что удивился. - Всю жизнь была, а сейчас нет? Взорвались заводы, где ее производят? Или спирт в

нашей стране больше не выпускают?

Жора поморщился.

- Да нет, не все так катастрофично. Просто областная фармфабрика, где закупаются все наши клиники и аптечные сети, не может приобрести сырье. Цена на него копеечная, сама продукция тоже дешевая, поэтому никто и не спохватился вовремя. Да и запасы зеленки на складе еще оставались. А когда всё выкупила какая-то московская фирма, тут и поднялась волна. Директор фармфабрики тоже весь в непонятках. Знал бы, говорит, что так получится, не продавал бы ничего москвичам.

- А из других городов зеленку нельзя завезти?

- Все-все, - осадил меня Жора. - Больше ничего не могу сказать. Без комментариев...

Из любопытства я сам обзвонил несколько фармфабрик в соседних городах. Всем представлялся оптовиком. Но в отделах сбыта после моего предложения о приобретении крупной партии зеленки либо сразу бросали трубку, либо начинали откровенно хохотать.

Выручил меня, как ни странно, Жуков. Собственно, больше мне за советом некуда было пойти.

- Ваша активность уже начинает меня пугать, молодой человек, - пояснил Жуков с усмешкой. - Кажется, я давал вам хороший совет однажды: бросьте заниматься всякой ерундой. Зеленка - это очередная вариация старого мифа о загробной жизни. На самом деле там ничего нет. В смысле, за пределами нашего сознания. Вы же должны еще помнить, кажется, что последний город на Земле - это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана.

- Извините, просто не привык бросать дела на полпути, - усмехнулся в ответ я. - И даже если вы не захотите мне ничего рассказать, я все узнаю сам. Просто на это уйдет больше времени.

- Хорошо, я постараюсь чем-нибудь вам помочь, - согласился Жуков после непродолжительного раздумья. - Только больше не приходите сюда. Вам позвонят...

Через день мне действительно позвонили. Назвали цену и поинтересовались, куда доставить заказ. В тот же вечер, пока жена еще не вернулась с работы, седой водитель неприметного серого пикапа выгрузил на лавочку у подъезда несколько коробок с дефицитом. Я перетащил ценный груз на балкон, завалил его старыми газетами и несколько дней предавался размышлениям о судьбах естествоиспытателей и журналистов, которые тоже, бывало, проводили эксперименты на себе. Не стану уверять, что мне не было страшно. Но я взбадривал себя здоровым скептицизмом. Мол, нет ничего глупее, чем опасаться зеленки. Ну чем мне может грозить такой эксперимент? Да ничем, собственно. Люди красят себя этим препаратом уже лет сто как минимум.

А потом откуда-то из тайных уголков подсознания опять выползло мое трусливое «Я» и начинало вещать из правого подреберья: а все ли, мол, мы знаем о свойствах этого вещества из трифенилметанового ряда? Ведь на молекулярном уровне механизм действия бриллиантового зеленого и его антисептические свойства так до сих пор и не изучили. А многолетний эмпирический опыт - еще не аргумент. В конце концов, древние охотники, натиравшие себе лоб сажей перед выходом на охоту, тоже не понимали, чем пользуются. Даже если бы кто-то смог им объяснить, что черное красящее вещество на самом деле вовсе не сажа, а технический углерод, с помощью которого их далекие потомки будут изменять свойства каучуков, создавая высокотехнологичные зимние шины «хакка» для внедорожников «субару», то они бы в лучшем случае посмеялись. В худшем - зажарили такого рассказчика на костре.

Ну а вдруг и мы ничем не отличаемся от тех древних охотников? Что если и мы не понимаем, какой серьезной вещью пользуемся не по назначению уже полторы сотни лет? Может ведь такое быть? Вполне. И что тогда? А поскольку я не знал ответа на этот вопрос, то иногда меня от страха прихватывало так, что начинали дрожать пальцы, отнимались ноги, а желудок скручивался винтом. Но природное человеческое любопытство оказалось сильнее. Эксперимент уже был назначен на первую субботу после новолуния и отмене не подлежал.

Жену я заблаговременно отправил с самого утра в тур по косметическим магазинам в сопровождении подруги. На всякий случай оставил на столе заранее подготовленную записку, стараясь, с одной стороны, предупредить, с другой - не вызвать паники. Позвонил родителям, чтобы напомнить, как я их люблю. Успокоил маму, встревоженную моим неожиданным звонком. Поставил свой любимый диск с «Нежным звуком грома» и в несколько слоев, никуда не торопясь, равномерно нанес на все тело зеленку, стараясь не пропустить ни единого квадратного сантиметра кожи.

Когда я закончил, меня уже трясло, как в лихорадке. Я не знал, чего ожидать, поэтому подготовился к любым неожиданностям. Но прошел час. Потом еще один. «Нежный звук грома» сменился «Стеной», потом «Обратной стороной Луны». Никаких других изменений не происходило. Я даже жжения не почувствовал от спиртового раствора анилиновой краски, которую вылил на себя в таком непомерном количестве. Только продрог слегка, поскольку опасался измазать краской мебель и все это время просидел без движения на полу.

Ну и не простым, конечно, был процесс ликвидации последствий эксперимента. В редакцию, во избежание лишних расспросов, я не заходил две недели. Соврал, что случился приступ псориаза. Дома носил рубашки с длинными рукавами. Волосы сразу сбрил под ноль. А вот с лицом пришлось повозиться. Даже после многочисленных

умываний с шампунями и косметических процедур со скрабом на абрикосовых косточках зеленоватый оттенок преследовал меня в зеркале еще довольно длительное время. К счастью, жена к моему эксперименту отнеслась вполне спокойно. Наверное, я бы сам гораздо больше удивился, если бы вернулся домой и застал ее, сидящей на полу совершенно голой, да еще и с ног до головы в зеленке. А она только поохала с полчаса, после чего засунула меня в ванну и стала помогать оттирать зеленую краску.

И все же я рад, что так вышло. Я рад, что не стал невидимым, не взорвался, не распался на молекулы, не свернул пространство, не превратился в сверхновую, не растекся во времени, не проник в тайны мироздания, не провалился в другие измерения, не научился читать мысли на расстоянии и видеть невидимое. Рад, что не мимикрировал, не индугировал, не закуклился и не вылутился в другом обличье. Хорошо, что меня не втянуло в энергетическую воронку, на меня не свалилась Луна, за моим окном не опустилась летающая тарелка, меня не похитила внеземная цивилизация, спутав со своим соплеменником. Со мной не произошло ровным счетом ничего. И от этого я почему-то чертовски счастлив.

Хотя один нюанс меня все еще беспокоит. С недавних пор стали случаться приступы жамевю. Это когда оказываешься в обстановке, которая должна быть привычной и знакомой, но тебе начинает вдруг казаться, что все вокруг незнакомое и чужое. Иногда меня озадачивают поступки знакомых и ценники в магазинах. И жена почему-то уверяет, что никогда не была блондинкой. А позавчера, когда я попытался опять разыскать Светозара, то не смог найти даже его дом. Адрес я не перепутал - улица Петра Осьминина, 28. И все остальные дома на этой улице стоят как вкопанные. Вот только вместо пятиэтажки Светозара - детская спортплощадка. Такая, знаете, с покрытием из резиновой крошки...

АЛЕКСЕЙ МОЛОКИН

ДЕНЬ ЯЙЦА

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

1.

Что было раньше, яйцо или курица?

Задавший этот сакраментальный вопрос человек был моложав, даже можно сказать, неприлично моложав, одет в демократичную футболку с надписью «Я - СВОЙ» на груди, турецкие джинсы и напоминал Шуру Балаганова, сделавшего карьеру лидера молодежного движения. Следы былого простодушия явственно читались на его широком веснушчатом лице, а честные желтые глаза горели дурным энтузиазмом. И только часы на загорелом запястье не соответствовали общей композиции. «Ролекс» явно был настоящим.

Начальник отдела культуры славного города Растюпинска попятился бы, вот только сидя это было сделать затруднительно, поэтому начальник насупился и сделал вид, что задумался.

«Хоть бы позвонил кто... - с тоской подумал он. - Когда не надо, трезвонят и на мобильный, и на обычный - уши не успеваешь чистить, а тут...»

Но телефон молчал. В этом было что-то мистическое и даже зловещее.

- Ну? - весело подзадорил начальника приезжий.

Надо было что-то отвечать. Молодой человек приехал из столицы, и не откуда-нибудь, а... в общем, «вот кто-то с горочки спустился».

Уполномоченный по развитию национальных традиций малых городов России Александр Шатров прибыл в Растюпинск именно для того, чтобы эти самые традиции выявить, развить, а потом использовать - если не в качестве национальной идеи, то хотя бы в виде гарнира к таковой.

- Яйцо, - почему-то с ужасом прошептал начальник, внезапно осознав, что угадал.

- Именно, - довольным голосом сказал потомок Балаганова. - Именно Яйцо!

Слово это он произнес с большой буквы, так что сразу стало ясно, что речь идет не об обычном пищевом продукте, а о чем-то большем.

А первопричиной этого странного разговора было вот что...

Обследовав Растюпинск и его окрестности, так сказать, инкогнито, уполномоченный к своей досаде не обнаружил у растюпинцев ни одной стоящей исконно местной традиции, кроме, пожалуй, стремления выпить на халяву. Но ведь такое стремление, согласитесь, присуще многим, если не всем. Местная традиция - это нечто особенное. Вот в Суздале, например, ежегодно празднуют День огурца, в Санкт-Петербурге - Белые ночи, в Коврове - Утро червя, Владимир некогда славился богомазами, Павлово-на-Оке - комнатными лимонами, замками и ножами... Где-то плясали кадрили, где-то в чести были мыши, в Жемайтисе вообще черти, короче говоря, повсюду существовали исконные традиции, из которых можно слепить какую ни есть национальную идею. А вот в Растюпинске ничего такого не было. Ну, совсем ничего. Когда замаскированный под честного безработного уполномоченный начинал в какой-нибудь пивнушке расспрашивать аборигенов, не имеется ли в их родном городе чего-то эдакого и чем Растюпинск вообще славен, собутыльники почему-то сразу настораживались, хмурились и переставали с мнимым безработным чокаться. Несколько раз просто посылали куда подальше, а один раз хотели побить. Спасло сходство с известным артистом Куравлевым, игравшим некогда того же Шуру Балаганова. Хождение в народ пришлось прекратить как вредное для печени и вообще для здоровья, но приезжий был мало того что упрям, так ведь еще, зараза, изобретателен. Идея создания исконно местной традиции в этом обиженном историей городишке подкатилась к нему за завтраком и была проста и совершенна, как яйцо. Да это и было яйцо.

- Вообще-то, раньше мы делали ракеты... - начал было начальник.

- Из ракеты национальной идеи не соорудишь, - сурово оборвал его уполномоченный, сразу переставая выглядеть рубахой-парнем. - Ракеты - это роковая ошибка социализма!

Начальник понял, что оплошал, и поник, словно гладиолус на забытой

могилке.

- Ну, ничего, - утешил его гость. - Если традиции нет, ее никогда не поздно создать. Уж кто-кто, а я в этом толк знаю, недаром за бугром соответствующее обучение проходил, как-никак профессионал. Вот на окраине у вас что?

Пока начальник сообщал, что у них в Растюпинске на окраине и на какой, собственно, окраине это что-то находится, приезжий продолжил:

- На окраине у вас птицефабрика, а птицефабрика - это яйца! Понимаете, к чему я клоню?

Начальника заколбасило. Птицефабрика на окраине действительно имелась, только никаких яиц она не производила, то есть иногда производила, да не те. На птицефабрике выращивали знаменитых на весь мир боевых, а также сторожевых петухов, порядки там были суровые, армейские, а значит, никаких особ женского пола, типа кур, там быть не могло. А нет кур - нет и яиц.

При правильном казарменном воспитании боевой растюпинский петух мог запросто засесть шпорами мастиффа, легко склевывал на лету киллерские пули и с одного тыка пробивал тяжелый бронезилет, за что очень ценился на мировом, а также столичном рынках. Иногда петухи, лишённые женского общества, топтали кого попало, в том числе и друг друга, после чего, увы, неслись. Факт этот был, безусловно, позорным, поэтому снесенные яйца немедленно уничтожались работниками фабрики. Хотя, к сожалению, не все. Из уцелевших петушиных яиц без всякого насиживания вылуплялись симпатичные маленькие василиски, совершенно, кстати, безвредные, и немедленно разбегались по окрестным полям и лесам, под крыло к дедушке - Дикому Куру.

Ведь сами боевые петухи появлялись на свет из яиц Дикого Кура.

Если вы думаете, что Дикий Кур - это такая курица, то, поверьте мне, вы глубоко ошибаетесь. Дикий Кур - существо мистическое, разумное, чрезвычайно ехидное и для тех, кто не знает, как с ним поладить, пожалуй, даже опасное. Современное естествознание существования Дикого Кура не признает, ну и хорошо, подальше от науки - поближе к природе. А вот разных энтузиастов и охотников до всего сверхъестественного следовало опасаться всерьез, поэтому осторожные растюпинцы всячески скрывали факт обитания в окрестностях города такого ненаучного существа. Ведь энтузиасты да охотники, они вмиг порвут, точнее, оциплют, будь ты хоть трижды дикий - у них-то дикости на порядок больше будет. Это тебе не мастиффы да киллеры, против энтузиастов никакие боевые петухи не помогут. Так что про Кура следовало помалкивать. Тем более что Дикий Кур издревле считался покровителем города Растюпинска и даже был увековечен на его гербе.

Кстати, именно поэтому в Растюпинске не прижился игорный бизнес - Дикий Кур не давал в обиду своих подопечных, так что игорные салоны,

открывавшиеся там и сям ушлыми приезжими молодцами, немедленно прогорали. Удача целиком и полностью была в лапах и крыльях покровителя города, поэтому растюпинцы в своем городе не проигрывали никогда.

А вот к выпивке Дикий Кур относился снисходительно и даже чересчур. Увы, сам был не прочь...

- Так, значит, объявляем День яйца. Договорились? - голос приезжего вывел начальника отдела культуры из состояния медитации. - Вон у вас, кстати, и на гербе-то курица! А где курица - там и яйца.

Начальнику показалось, что Дикий Кур на гербе ехидно ухмыльнулся.

2.

- Дело есть, - сообщил участковый Ладушкин, воздвигаясь на пороге савкинского сарайчика-мастерской. - Давай, мастер, выбирайся на свет божий.

Из темноты Ладушкин казался ангелом, осиянным молодым утренним солнышком, вот только крыльев не видно, стало быть, ангел в Ладушкине находился не при исполнении, а милиционер - наоборот.

Если в ваш родной сарай с самого раннего утра вваливается милиционер, пускай даже ваш хороший знакомый, и у этого милиционера начисто отсутствует похмельная тоска в уставших, но добрых глазах, а присутствует рвение служебное, значит, вы где-то прокололись. Мент этот точно не доброго утра пришел пожелать.

Савкин выступил из пыльной, пропахшей канифолью и солидолом полутьмы и, щурясь от яркого света, спросил, не ожидая услышать ничего хорошего, но все-таки надеясь, что обойдется:

- Ну что там? Опять *милок* забарахлил? Так я же третьего дня его настроил чин-чинарем, все работало. Говорил же, не крутите регулировки, а вы словно недоросли прыщавые! Все вам хочется посмотреть кто, с кем, где и сколько! Настоящих преступников ловите, а не за дамочками легкого поведения подсматривайте. Что вам, интернета мало?

«Миллок», или милицейский локатор, Савкин построил, когда отбывал пятнадцать суток за несанкционированное использование электропохмела. Угораздило же пьяного инспектора ГИБДД куражиться над безобидным изобретателем и его стареньким мотоциклом! Вот Савкин его и похмелил, чтобы впредь не повадно было. Забрали, конечно. Но растюпинская милиция толк в изобретателях знала, поэтому за время отсидки Савкин был вынужден принудительно изобрести прибор, который показывал все преступления, совершаемые в городе Растюпинске в данный момент. И даже те, которые еще не совершились, показывал, но только смутно,

не на что было посмотреть. Поскольку адюльтер являлся тоже в некотором роде преступлением, то при соответствующей настройке прибор позволял наблюдать и его, чем менты и пользовались. Правда, никакого эротического интереса к грешным парочкам они не испытывали, просто подрабатывали частным сыском, ничего личного, как говорится. Только вот каждый раз после зафиксированного визуально и записанного на DVD факта супружеской неверности деликатный «милок» напрочь расстраивался. И привести его в чувство мог только Савкин.

Возможно, прибор сочувствовал неосторожным парочкам, не зря же он получил свое название, не было в нем настоящей ментовской суровости.

Участковый засмутился, пробормотал что-то насчет нравственности, которую тоже надобно кому-то блюсти, потом откашлялся и сказал:

- Да нет, не беспокойся, с «милоком»-то как раз все в порядке. Тут другое дело, можно сказать, городского масштаба, секретное.

- А-а, - скучным голосом протянул Савкин, вытирая руки тряпицей, мощно воняющей керосином. - Если секретное, тогда это не ко мне, у меня допуска уже почитай пять лет нету и, похоже, в ближайшие пять лет не предвидится.

- Гражданин Савкин, - в голосе Ладушкина прорезались ласковые милицейские нотки, так что хозяин сарайчика сразу насторожился. - А чем вы тут, собственно, занимаетесь, можно спросить?

- Вот, - стараясь выглядеть невозмутимым, отвечал Савкин и показал на небольшую табличку, криво прибитую над дверью. На табличке значилось:

ИП «САВКИН и Ко»
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РЕМОНТ ДАХАРДЯГ
И ПРОЧИХ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

- А лицензия на ремонт этих... дахардяг у вас имеется? - Ладушкин уже знал, что победил, а Савкин - что проиграл, и какая бы она ни была, эта секретная работа, браться за нее все равно придется. Добровольно и с песнями.

Вот умеет же наше государство убеждать! И если сейчас сказать тому же Ладушкину, который, в сущности, свой парень: «А тебе-то что за дело?» - то вместо участкового припрется кто-нибудь, кому по долгу службы есть дело до этой самой треклятой лицензии. И тогда кранты бизнесу!

- Куда идти-то? Говори, что ли, - понуро спросил побежденный логикой жизни специалист по дахардягам, раздраженно отбрасывая грязную тряпку в угол. - В ментовку или еще куда?

- Еще куда! В управу, вот куда! - сказал Ладушкин, довольный, что все обошлось.

С изобретателями дело иметь подчас опаснее, чем с рецидивистами.

Впрочем, все творческие люди с какой-то степени рецидивисты, воспитывает их пеницитарная наша жизнь, воспитывает, а они рань! залижут - и опять за свое. Пока окончательно на волю не выйдут. Да и там еще неизвестно, что их ждет. «Чего-то, любезный, нимбы тускловато сияют, ты бы взглянул, что к чему, да и спецэффекты в нашем последнем чудесии как-то не впечатляют...» Или наоборот, «геенна огненная на температурный режим никак выходить не желает».

- И не идти, а ехать, вон за тобой какую тачку прислали, гордись! - Участковый махнул рукой куда-то в сторону железобетонных гаражей-новоделов, смахивающих на доты линии Маннергейма. Из-за угла тотчас же высунулось острое, щучье рыло «доджа-игл».

Тут уж Савкин окончательно уверился, что придется потрудиться на родной город, и хорошо, если не бесплатно, а если и бесплатно, то черт с ними, с деньгами, лишь бы отпустили на волю, в родимый сарайчик-мастерскую. Потому что машина эта была не чья-нибудь, а самого главы города.

Официальных учреждений Савкин не любил и попусту старался там не светиться, поэтому здание городской управы всегда старался обходить сторонкой. Таким образом, непатриотично уклоняясь от общественной деятельности, изобретатель отстал от жизни вообще, что, впрочем, его нисколько не волновало, ибо Савкин привык мыслить в релятивистских категориях, а стало быть, неизвестно еще, кто от кого отстал. Поэтому громадное синее полотнище, украшавшее железобетонный фасад, его поразило.

На синем шелке красовались огромные белые буквы, а сбоку была размещена эмблема всем известной компании мобильной связи:

ВСЕ НА ДЕНЬ ЯЙЦА!

Вот что было там написано.

Были в этом некий размах, удаль и ширь, благородное безумие и безапелляционность, в общем, лозунг мощно шибал по мозгам, что, собственно, от него и требовалось.

Изобретатель испуганно сглотнул и, сопровождаемый участковым Ладушкиным, вступил в прохладный, отделанный мрамором вестибюль.

3.

Актовый зал Раствюпинской городской управы гудел, как перегревшийся процессорный блок. Все окна были закрыты, и собравшихся на совещание по поводу грядущего Дня яйца глючило, как пиратскую винду.

- А вот и наш народный умелец! - радостно вскричал начальник

отдела культуры, опрокидывая на себя стакан минеральной воды. - Сейчас он нам...

- Если можно, я сначала послушаю, - осторожно сказал Савкин, присаживаясь в уголочке.

Участковый Ладушкин, довольный выполненной миссией, откозырял и скрылся за дверь. Наверное, пошел заниматься любимым делом, то есть внедряться в пивную мафию. Занимался он этим по собственной инициативе и даже на свои деньги, но с ведома начальства и при полном одобрении последнего.

- Ну да, вы же не в курсе, - спохватился начальник, снисходительно посмотрев на Савкина. - Вот что значит творческий человек! Завидую, тут такие дела творятся, а ему хоть бы что! Не то что мы, государственные люди. Ну, слушай, народный умелец, а потом мы тебя послушаем!

Савкину почему-то стало неприятно. Не любил он, когда его, панибратски похлопывая по плечу, называли творческой личностью, подразумевая при этом, естественно, что он попросту бездельник. Дескать, ты, Савкин, личность творческая, тебе-то что, а мы люди простые, нам деньги делать надобно. Ты-то и без денег проживешь, одним творчеством, а у нас «мерседес» прохудился, запаять нечем. Тьфу, сволочи!

- ...А еще можно устроить конкурс типа «Снеси яйцо», - вдохновенно вещала какая-то голенастая девица, похожая на загорелого птеродактиля.

- Как это? - изумился начальник. - Я же говорил, что у нас в Растюпинске своих кур нету, одни боевые петухи, яйца для праздника в соседней области заказали. Нам еще и несушек завозить, что ли?

- Я не в том смысле, - нисколько не смутилась девица. - Мы в нашем дамском клубе «Росянка» на яйцах тренируемся, женские мускулы укрепляем. Есть у кого-нибудь яйцо? Желательно крутое. Хотите, прямо сейчас покажу?

И девица решительно взмахнула перепончатым платьем.

Тут все наконец сообразили, что имеет в виду потомка динозавров. В зале смущенно заржали, а начальник отдела культуры, он же председатель комиссии по организации Дня яйца, испуганно замахал руками:

- Потом как-нибудь, мы вам верим, верим... Значит, записываем: эротический конкурс «Снеси яйцо».

- Хотим, хотим... - мужскими голосами откликнулся зал, а присутствующие дамы рефлексивно сжали колени. Видимо, проверяли свою готовность к участию в конкурсе.

- Так, значит, яйца Фаберже из Москвы привезти обещали... затем коллективная глазунья, переходящая в омлет, потом... А где наш народный умелец? - председатель обвел зал мутным взглядом. Ага!

Господин Савкин, с вас яйцо!

Савкин, который привстал, услышав, как его называют «господином», так и сел.

- Какое яйцо? - спросил он.

- Такое, - председатель очертил руками овоид. - Чтобы перед представителями столицы не стыдно было. Чтобы показать всем, что мы о-го-го! В общем, всем яйцам яйцо. Желательно с применением нанотехнологий, сейчас это в моде. Понял?

Савкин не понял, но на всякий случай промолчал.

- Чего здесь непонятного? - удивился начальник. - Обыкновенное яйцо-суперстар, вы же у нас специалист по всяким суперстарам. Большое, но с нанотехнологиями. Желательно, чтобы в Книгу Гиннеса попало, сможете?

- Суперстар так суперстар, - сказал Савкин. - Только комплектация для суперстаров нынче о-го-го сколько стоит. Вот прикиньте...

- А из подручных материалов? - деловито поинтересовался начальник. Он прекрасно понимал, куда клонит народный умелец, однако денег жалел. Деньги нужны были на транспортировку яиц Фаберже из столицы в Растюпинск, а также на бесплатное угощение для почетных гостей.

- Из подручных материалов свежее яйцо-суперстар не получится, - злорадно сообщил упрямый Савкин. - Только тухлое.

- Экий ты, господин народный умелец, корыстный, - вздохнул начальник. - Ладно, пей мою кровь, ступай в бухгалтерию за авансом. Надо же, родному городу руки выкрутил! Нету в тебе истинного патриотизма.

- Из патриотизма и путной дахардяги не сделать, не то что супер-яйца, - дерзко сказал Савкин и добавил уже вежливо: - Разрешите идти?

- Идите и работайте, - величественно произнес начальник, овладевая собой и ситуацией, и снова вылил на себя стакан минералки. Многие в зале отвернулись, чтобы не видеть корыстной савкинской рожи, а другие - чтобы не смотреть на начальника. В общем, отвернулись почти все, кроме девицы-птеродактиля, той было все нипочем.

А Савкин пошел за авансом. Последнее, что он слышал, было:

- А теперь нам надо решить вопрос о некоторых явлениях, которые могут иметь место на намечающемся празднике и даже сорвать его. В частности, о несуществующем природном феномене под названием Дикий Кур. Есть предложение...

4.

«Надо же, сколько отвалили!» - Савкин пересчитал кредитные билеты, потом вздохнул и спрятал в карман. Не любил он иметь дело с

деньгами и, когда они у него заводились, просто брал из пачки, сколько надо, и тратил по своему разумению, никогда не прикидывая остаток. Деньги имели обыкновение быстро кончаться, и тогда изобретатель искал какой-нибудь калым. Ну, там дахардягу отремонтировать или еще что-нибудь. Только опять же, поскольку торговаться не хотел, получалось негусто.

Мало кто знает, что мастеру торговаться не то что зазорно, а попросту заказано - запросто можно мастерство обломить. А обломится мастерство - как тогда жить? Так и придется всю оставшуюся жизнь ловчить да изворачиваться, типа купи-продай-перепродай. И обманывать мастерам запрещено - железку-то ведь не обманешь, железка ничего не забывает. Кем заказано, это самим мастерам доподлинно неизвестно, но есть подозрение, что это такой закон природы, а против природы переть - сами понимаете.

«Что они там насчет Дикого Кура говорили? - пытался вспомнить Савкин. - Дескать, праздник он им испортит или еще что. Вот ведь придурки, еще учудят что-нибудь, а с Куром шутки плохи, особенно когда он того, под мухой».

Савкин вспомнил, как они с Куром прошлой осенью чуть не до смерти уходили столичных охотников, и улыбнулся. Предупредить надо бы кореша, да вот беда - аванс получен, а где Кура искать - кур его знает, сутки, а то и больше по лесу пробегаешь. Работать надо, раз деньги взял!

Если бы народный умелец знал, что растюпинские чиновники ничего лучшего не придумали, кроме как напоить Кура до состояния неподвижности, чтобы он ни в коем случае не явился на День яйца, и подрядили на это несчастного участкового Ладушкина, как имеющего опыт внедрения в пивную мафию. Если бы Савкин ведал, что в помощь Ладушкину добровольно напросился приезжий инспектор, то и вовсе плюнул бы на заказ и бросился спасать друзей друг от друга и от приезжего специалиста в особенности. Потому что напоить до неподвижности Дикого Кура практически невозможно, а вот подпоить - это легко. А Дикий Кур в состоянии подпития - настоящее стихийное бедствие типа торнадо или локального цунами, только с инициативой, а это еще страшнее. Но решение об упоении Дикого Кура было принято уже в отсутствие Савкина, и поэтому умелец отбросил дурные мысли и принялся за работу.

Спустился в погреб и выменял на пять часов собственной жизни у Черных Зги десять литров абсолютной темноты.

Развел в творильном чане заранее припасенное сусло из первоматерии абсолютной темнотой, добавив немного живодки, заблаговременно купленной у профессора Гешефт-Карасикова.

Нырнул в море мифофизики с сеткой, сплетенной из законов природы, отлавливая проворных низших виртуалей, запирая их в бутылке

Клейна, чтобы использовать впоследствии как хаотически инициативных строителей микрокосма Яйца.

Снабдил деньгами дружков Петьку Сазана и Ваську Гуцула и отправил их на городской базар, наказав скупать все подходящие суеверия и предубеждения, дабы при помощи мифофилтра впоследствии отделить зерна от плевел и добавить муки воображения в забродившее сусло мироздания.

Дал пойманым виртуалам указание сотворить что-нибудь, пообещав, что самые расторопные получат способность управлять условными вероятностями, и запустил их в творительный чан - в слабой надежде, что они сотворят что-нибудь путное.

Призвал Ковариаципа, чтобы тот сторожил легкомысленных виртуалей, не давая им отлынивать от работы, и отгонял от чана нежелательные вероятности, не давая последним реализоваться и внедриться в зарождающееся пространство Яйца.

В общем, трудился не прикладая рук. Клокоча кипящим разумом, используя для общения с окружающими мысленные образы, воплощенные в краткие, но действенные междометия.

Руки приложить, однако, пришлось.

Дело в том, что все, как известно, рождается из хаоса и им же заканчивается. А где найти что-нибудь по-настоящему хаотическое, как не в мусоре? Вот и пришлось Савкину опорожнить в творильный чан пару мусорных баков. Уж как его крыли столовавшие на помойке бомжи, как крыли... А Савкину только того и надо. Потому что бомжовость, сиречь бесприютность, тоже является непременной составной частью первотворения, ибо из некоторых канонических текстов явственно следует, что изначальный демиург летал нигде и при этом ощущал себя никем. Чем не бомж?

А то, что в мусоре недостаточно хаотично было, пошло на скорлупу, на славу скорлупа получилась, с гексагональной сингонией внутри, чистый кристаллический водород, а снаружи - как полагается, овицеллярная.

Потому что яйцо - оно и внутри и снаружи сплошное совершенство, бомба наоборот, с той разницей, что из яйца появляется жизнь, а из бомбы - смерть.

В общем, выполнил Савкин заказ аккурат к назначенному сроку.

Славное получилось Яйцо, несокрушимое снаружи и полное непредсказуемого будущего внутри, если, конечно, кто-то возьмется его насиживать. Однако Савкин надеялся, что до этого дело не дойдет, ему и в существующей реальности было интересно. И, кроме того, не самому же в насадки подаваться, а других кандидатур поблизости не замечалось.

В общем, погрузил изобретатель свое детище на небольшую дахардягу, которую какой-то мужик забыл забрать из ремонта, и повез

на центральную городскую площадь. Работу сдавать отравился, ну и заодно расчет получить, аванс-то почти весь на комплектацию ушел, а жить на что-то надо.

5.

Тем временем участковый Ладушкин вместе с натурализовавшимся во властных структурах России потомком гражданина Балаганова отыскивали-таки Дикого Кура.

Знаете ли вы, как проще всего найти Дикого Кура? Вряд ли! Можно, конечно, бегать по лесу, словно благуша какая ненормальная, да орать во все горло: «Кур, явись! Кур, явись!». Только вот проку от этого никакого не будет, разве что браконьеров распугаешь да туристов каких-нибудь на грешные мысли наведешь, а Кура так и не увидишь. Самый верный способ - это пуститься во все тяжкие, а потом заплутать в трех соснах, которые стоят, разумеется, на узенькой дороженьке, да не понарошку заблудиться, а самым натуральным образом, чтобы ноги не знали, куда идти, а голова - куда править. Вот тогда есть вероятность, что Дикий Кур сам появится. Тянет его к простодырам, по нынешней терминологии - лохам. Оттого, наверное, он и растюпинцам покровительствует.

Способ этот был хорошо известен участковому Ладушкину. Как истинный слуга закона и порядка он частенько блуждал в трех соснах, до тех пор, разумеется, пока начальство не указывало, какую из них валить. А уж тогда - держись злодеянин! Щепки, правда, во все стороны так и летели, ну, да у нас в России по-другому и не бывает.

В общем, растолковал Ладушкин увязавшемуся за ним Саньке Шатрову, что к чему, навел пивную мафию, которая, проникшись патриотизмом, спонсировала его ящиком «Растюпы-молодца», прихватил четверть живодки у профессора Гешефт-Карасикова да и пустился во все тяжкие. А столичного гостя с собой уволок, впрочем, гость, почуяв истинный местный колорит, не особенно и сопротивлялся.

Пуститься во все тяжкие оказалось совсем несложно, благо, нелегкая сама несла, скоро и подходящие три сосны отыскались, и узенькая дороженька; собственно, других в окрестностях славного города Растюпинска практически и не было, разве что муниципальное шоссе, да и то дорогой назвать было трудно, так, скорее направление, чем настоящая дорога. А вот заблудиться поначалу никак не получалось, маловато все-таки трех сосен оказалось, кроме того, у столичного уполномоченного обнаружилось врожденное чувство направления, ему бы штурманом в стратегической авиации работать, а он национальную идею ищет! Но и тут выход нашелся. Отвели сыскари-побратимы

живодки, усугубили свое состояние парой-другой «Растюпы» - и вот уже сосен не три, а шесть. Повторили - а их двенадцать. Ну, и так далее, так что вскоре перед взорами компаньонов качался целый лес из трех сосен, а в лесу, известное дело, заблудиться - раз плюнуть. Плюнули они раз, да и затагнули песню:

*Стою я у колодца,
Щетинюсь от тоски,
Приди же уколоться
Об эти волоски!*

В общем, сильно лирическая песня была, только вот припев как-то позабылся.

Без припева дело застопорилось, поэтому приятели плюнули два и новую завели:

*Стрекочет трактор вдали,
Солнце пятки печет,
Мы с Ванюшкой лежим,
Он здоровый как черт.
Ваня, Ваня, не терзай мою грудь,
Дай ты мне Ванюшка хоть чуть-чуть отдохнуть!*

Уж тут-то припев никуда не делся, и как грянули его участковый с уполномоченным, так три сосны аж пригнулись, как вражины под пулями, а с ними и весь лес присел.

*Пойдем вместе
Под сто-ог
На часок!**¹

Поют, а сами меж трех сосен блуждают, да не нарочно, а как-то само по себе получается, головы дурные, вот ногам и нет покоя. Только Дикого Кура все не видать. Притомились, охрипли, сполоснули горло живодкой и, как водится, пригорюнились. Тут уполномоченный вспомнил свое босоное детство, проведенное, по его словам, где-то в далеком Буэнос-Айресе, подпер голову рукой, чтобы не падала, плюнул в третий раз, да и затанул так тоненько, по-бабьи, жалостливо в общем:

*Вот кто-то с горочки спустился,
Никак бамбино мой идет,
На нем развесистое пончо,
Оно с ума меня сведет...*

Вот тут-то Кур и объявился собственной персоной. Как полагается, в застиранной добела защитной гимнастерке с латунными пуговками и разрезами на спине для крыльев, широченных полосатых штанах по колено, на голове - оранжевый гребень, как у панка, а на ногах - шпоры. Свои, между прочим, природные.

¹ * Муз. Дж. Леннона, слова народные, неприличные, хотя и не совсем.

- Чего это, - говорит, - вы без меня празднуете, - да еще и слова перевираете на нездешний лад? Вот я вас!

Приятели, однако, не растерялись, а протянули руки с полупустой четвертью, в которой плескалась живодка, и спросили:

- Третьим будешь?

Надо сказать, это вот «третьим будешь» и есть самое сильное дружильное заклинание. Мало кто в Растюпинске может противиться его действию, разве что какие-нибудь феминистки и лесбияны, да и те не всегда. И хочется ответить: «Нет, давайте без меня», а язык не поворачивается, честное слово, натуральное колдовство, не иначе. На себе испытывал.

Дикий Кур смущенно поскреб землю лапой, кукарекнул разок-другой для вида и сдался.

- Буду, - сказал.

Тем более что ему, как существу ненаучному, абстинентный синдром был совершенно неведом. Из разных миров они - Дикий Кур и этот самый синдром, поэтому и не пересекались никогда.

Вот бы и нам так!

И началось у них веселье.

6.

Старенькая дахардяга, нерешительно огибая выбоины на асфальте там, где их можно обогнуть, с печальным вздохом левитируя над разверстыми канализационными люками, медленно продвигалась в сторону центральной площади города Растюпинска. Изобретатель нервно вышагивал рядом, время от времени покрикивая:

- Куда прешь, зараза! Не видишь - яма, сворачивай, дурында недопаянная... В скупку металлов захотела?

И все такое.

Зря он так, конечно, с механизмом-то. В конце концов, и ходовой процессор у дахардяги был неполноценный, двухсполовиноймерный с плоско-параллельной архитектурой, и zenки слабые, из веб-камер изготовленные, хотя и с экстраполятором третьего порядка, но все равно подслеповатые. И нюхалка так себе, без каталитического ионизатора с принудительной разборкой ионов, мембранная, на обратном осмосе - ультразвуковое оживление мембраны Савкину ставить было лень, вот он и не поставил. Чего теперь бедную железяку винить! Савкин, однако, сильно нервничал, поэтому и срывался на бессловесное устройство. Опять же речевой синтезатор у дахардяги отсутствовал, так что достойно ответить она не могла. Но обижалась - это факт. Осязательные рецепторы просто ходуном ходили.

Наконец доехали.

Дахардяга, обиженно скрипнув плохо смазанными шарнирами манипулятора, напрягла электретенные мускулы и осторожно поставила Яйцо в здоровенную рюмку на ножке. Надо сказать, первоначально это была вовсе не подставка для Первойяйца, а переходящий кубок за победу во всероссийских соревнованиях по бегу во сне, который растюпинцы некогда выиграли в честной спортивной борьбе. Поскольку бег во сне так и не вошел в число олимпийских видов спорта и соревнования по нему больше не проводились, кубок навсегда остался в Растюпинске, удивляя всех своими размерами и совершенной бесполезностью. Но дождался-таки своего звездного часа и стал подставкой для Яйца. В общем, нашел свое место в жизни.

Выполнив задание хозяина, дахардяга укоризненно скосила на Савкина мутноватые глазки веб-камер, грустно вздохнула компрессором воздушной подушки и убралась восвояси, то есть в мастерскую. Спать и грезить о модернизации.

А на центральной площади уже вовсю шли последние приготовления к празднику.

Суровые мужики из местной плотницкой артели под многозначительным названием «В топоры!» заканчивали крытую свежеструганной осиновой дранкой-чешуей трибуну для почетных гостей. Не менее суровые молодчики из столичного охранного агентства «Штык-молодец» расчехляли бронифургон, в бойницах которого тускло светились драгоценные яйца Фаберже. Желтолицые передовики фаст-фуда, смахивающие на мелких бесов, кряхтя и охая, устанавливали громадную сковороду «Тефаль» китайского производства над поленницей березовых дров. Очевидно, для изготовления коллективной яичницы, плавно переходящей в омлет. Членки дамского клуба «Росьянка», одетые в клубную форму: широкие плиссированные юбки и топики с очень натуралистичным изображением символа клуба, деловито размечали трассу для конкурса «Снеси яйцо». Дерзко блистали на солнышке мускулистые икры «росянок». Наиболее же тренированные части тела скрывались под складками, но тем не менее шибко тревожили воображение городской пожарной команды, скупающей в ожидании неизбежного, по их мнению, пожара. Пожарные, разумеется, все как один были храбрецами и экстремалами. В сторонке топталась группка невыспавшихся столичных тележурналистов. Журналистам было скучно, день не сулил никакой, даже дохленькой сенсации, поэтому пираньи пера то и дело ныряли в загодя развернутые пивной мафией палатки с пивом «Растюпа». Сама пивная мафия, разумеется, числилась среди почетных гостей праздника и должна была прибыть попозже.

В стороне, за уже установленной кованой решеткой, разминались вожатые боевых петухов, немного поодаль погромыхивали доспехами

и скрипели арбалетными тетивами участники растюпинского клуба реставраторов «Вот-те-болт». Сегодня им предстояло воссоздать историческую сцену нападения тяжелых арбалетчиков из боевого ордена «Рогоносцев» на основателя города князя Растюпу. В той битве рога арбалетчикам, конечно же, пообломали, и немалую роль в этом сыграли тогда еще дикие, но стихийно симпатизировавшие князю Растюпе боевые петухи, неожиданно для агрессоров появившиеся из леса. Впрочем, реставраторы упорно тренировались и в искусстве стрельбы из тяжелого четырехрогатого арбалета давно превзошли «рогоносцев» как в меткости, так и в скорости. Однако петухи тоже кое-чему научились за века, прошедшие с момента достославной битвы, и намеревались на деле отстоять историческую правду. Роль основателя города князя Растюпы исполнял директор местного драмтеатра Аристарх Подрампов. Директор нервничал, отчего его доспехи слегка дребезжали, боевых петухов он, как человек городской и интеллигентный, боялся до дрожи.

Ну и милиции, конечно, было предостаточно.

В общем, когда Савкин положил сотворенное им Яйцо в кубок, установленный на дощатом подиуме, никто этого не заметил. Даже обидно как-то.

Савкин вздохнул, совсем как давешняя дахардяга, и отправился искать начальство, надеясь получить расчет.

А Яйцо осталось посреди городской площади, чистое, как ненаписанная страница неведомого пока шедевра, сияющее белоснежной скорлупой из кристаллического водорода, совершенное снаружи и непредсказуемое внутри.

7.

Праздник, как водится, подкрался незаметно. Только что были предпраздничная суета, неразбериха, бессмысленное кружение народа, и вдруг - вот он, праздник. День яйца.

Музыканты играют, скоморохи скачут по головам, отчаянно взвизгивают незадачливые «росянки» под хохот публики, пятная подола белоснежных юбок раздавленными желтками, руководство города уже произнесло положенные слова и вместе с гостями из столицы удалилось в спецпавильон откусать и отведать того да сего. Щелкают тугие тетивы четырехрогатых арбалетов реставраторов «рогоносцев», сторожевые петухи на лету ломают арбалетные болты, а исполнитель роли основателя города елозит закованным в доспехи задом на самом верху стальной решетки, поджав ноги в чешуйчатых железных башмаках, и тихонько подвывает не то от энтузиазма, не то от ужаса. Тяжек, однако, актерский хлеб, ну да им, сердешным, не

привыкать!

А на Первойяцо никто особенно и внимания не обращает. Так, подойдут, колупнут скорлупу гвоздиком или знак какой-нибудь попытаются намалевать и отойдут. Потому что ни поцарапать Яйцо, ни испачкать невозможно, а если что-нибудь нельзя сломать или испортить - это некоторым личностям даже и неинтересно.

Вон у Фаберже какая толпа собралась, так неудивительно, там под каждым яичком цена проставлена, смотрит народ, дивится, прикидывает, сколько за такую сумму пахать надо, получается, что жизни не хватит. А кто-то, поди, яйца Фаберже на завтрак всмятку кушает - и ничего, не давится.

Короче говоря, получается, что зря Савкин старался и денег оставшихся ему не видать, как боевому петуху Курочки Рябы.

И тут веселую рутину праздника словно взорвало.

На площади появился Дикий Кур собственной персоной. Под крыльями у него болтались участковый Ладушкин с потомком Шуры Балаганова, отчего гордая птица немного смахивала на штурмовик с неуправляемыми ракетами на внешней подвеске. Веселая троица громко орала популярную в этом сезоне египетскую народную песню про шумящий папирус².

- Гуляем? - грозно осведомился пернатый покровитель города. - И снова без меня!

При этом он взмахнул крыльями, да так, что стоявший неподалеку фургон с Фаберже чуть не перевернуло, а охрана прямо так и покатилась, остановившись, наверное, только у пивных ларьков.

Ладушкин со столичным жителем, естественно, при этом упали на землю, но, как ни странно, удержались на ногах. Десантура, что с ними поделаешь!

А Дикий Кур, расшвыривая мозолистыми лапами всяческую рыночную чепуху, направился прямо к покосившемуся фургону с яйцами Фаберже, презрительно пробурчал: «Туфта», поскреб ногой, да и прошествовал дальше, не обращая внимания на истеричные вопли «росянок». Так он шагал через праздничную площадь, пока не уперся клювом в скромно стоявшее на подставке Первойяцо.

Тут Кур задумался, немедленно став похожим на обычного петуха, только большего, принялся вертеть пернатой головой во все стороны, наконец заклохтал что-то нежно, а потом взял, да и вспрыгнул на савкинское изделие.

Да так и замер, даже глазищи свои желтой пленкой прикрыл. Насиживает, стало быть.

Тут невесть откуда набежали боевые петухи и принялись разгонять всяких зевак, но старались никого не покалечить. И корреспонденты

² * *Шумел папирус, пальмыгнулись... и так далее.*

тоже тут как тут. Сенсация все-таки. Но близко их не подпустили те же сторожевые петухи, так что дело ограничилось легкой свалкой с нарушением некоторых прав свободной прессы, преимущественно с тыльной стороны.

А потом, к ночи, и вовсе все успокоилось.

Ну, поставили растюпинцы памятник нерукотворный, вон их сколько в стране этих памятников. В столице даже примус хотели воздвигнуть размером с летающую тарелку, но передумали. Наверное, керосину пожалели. Керосину-то и самолетам не хватает, а залей его в примус - сопрут.

Так что к следующему утру на площади никого и не осталось, кроме Дикого Кура, восседающего на Первойяйце в позе роденовского «Мыслителя», в кольце из сторожевых петухов да Савкина с Ладушкиным. Москвич тоже никуда не делся, дремал себе на куче каких-то ящиков.

Так что, когда белоснежная скорлупа Первойяйца сначала треснула, а потом провалилась внутрь себя и из нее появилась маленькая Новорожденная Вселенная, этого почти никто и не заметил.

Вселенная была пушистым черным комочком с красивыми вкраплениями разноцветных звездочек, она шустро покатила куда-то за проснувшимся Диким Куром, а за ней зашагали строем боевые петухи.

Утром на площади ничего не было, кроме обычного послепраздничного мусора, и это всех устраивало.

Правда, Саня Шатров пытался втолковать полусонным столичным корреспондентам, что вот здесь, на этом самом месте произошло Великое Чудо Творения, только ему никто не верил.

Кто же в наше время верит очевидцам?

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ПРИБЛУДНЫЕ

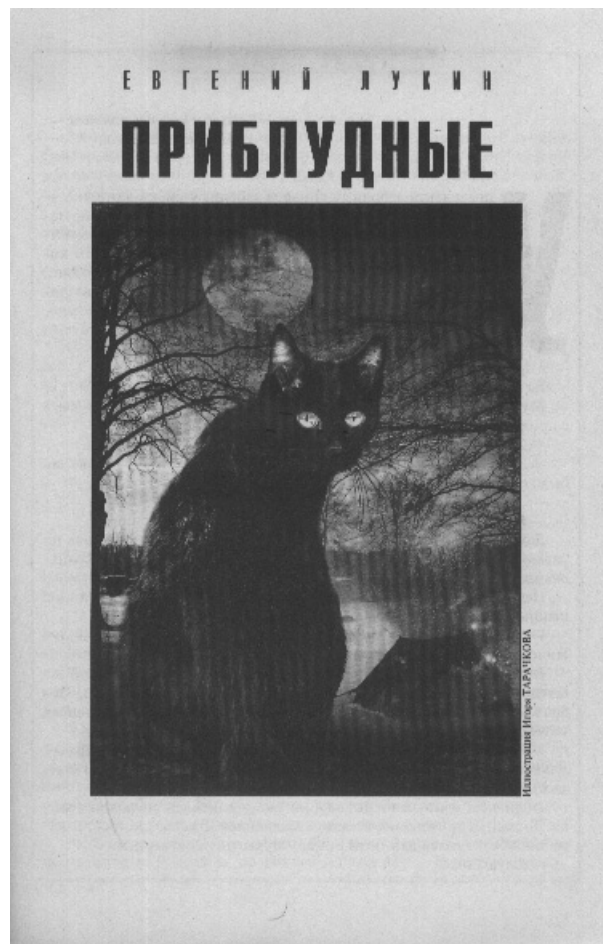

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Моим консультантам - Моське и Запятой

Глава 1

- У президента заболи, у спикера заболи, у киски заживи... - так горестно бормотал Сергей Арсентьевич Мурыгин, машинально отлаживая вспрыгнувшего ему на колени котенка-трехцветку. Откуда взядась эта животина в унылом коридоре районного суда, сказать трудно. Совершенно точно, что не местная, скорее всего, проскользнула с улицы в приоткрывшиеся двери - уж больно тоща. Хотя, возможно, у судейских крючков принято с приблудными котятами и с ответчиками обращаться примерно одинаково.

- У президента заболи, у спикера...

- Вы соображаете вообще, что говорите?!

Мурыгин поднял глаза. Перед ним стояла разгневанная дама с прозрачной папочкой в руках.

- Да за такие слова... я не знаю!

- За какие? - не понял Мурыгин. Бормотание его и впрямь не было

осмысленным.

- За оскорбление президента!

- Я про американского... - все так же горестно пояснил он.

Дама открыла рот и, задохнувшись, стремительно ушла прочь по унылому коридору. В ту самую сторону, откуда пятью минутами раньше приплелся сам Мурыгин.

Некоторое время он смотрел ей вслед. Жутковатое сочетание: пышность форм и строевая поступь... Скрылась.

- Ладно, - со вздохом решил наконец Сергей Арсентьевич. - Ничего мы тут не высидим...

Взял со свободного стула постановление суда в точно такой же прозрачной папочке, а взамен переложил на сиденье котенка. Собрался встать, но, пока собирался, шустрая трехцветка снова успела угнездиться на его коленях.

- Нет, подруга, - сказал Мурыгин, повторно выдворяя зверя. - Даже и не помышляй. Тут сам-то не знаешь, где ночевать... Ты уж здесь пару дней перекантуйся, а там, глядишь, весна...

Поднялся, двинулся к выходу, но был остановлен сигналом сотика. Достал, неприязненно взглянул на дисплей. Вместо имени или фамилии обозначился длинный номер, Мурыгину неизвестный.

- Слушаю...

- Арсеньтич... быть-мыть... ты?..

Звонил председатель дачного товарищества «Орошенец» Тимофей Григорьевич Тарах, причем сильно взволнованный. Не произнеси он это извечное свое «быть-мыть», Мурыгин бы и голоса его не признал.

- Ну, я... - недовольно отозвался он.

- Слышь... опыть... Арсеньтич! Все бросай... мыть-быть... На дачу давай! Прямо сейчас...

- Не туда звонишь, - с каким-то даже извращенным наслаждением процедил Мурыгин. - Теперь по всем вопросам - к Раисе Леонидовне...

- Апать... опыть... - Тарах взволновался окончательно, обрубки слов посыпались как попало. - Ты... обн... йбн... убль...

С молодых ногтей Тимофей Григорьевич изъяснялся и мыслил матерно. Однако высокая должность председателя дачного товарищества требовала определенной культуры - и Тимофей Григорьевич беспощадно глушил и сминал нехорошие слова, без которых он просто не мог построить фразу.

- Развелись мы, - холодно пояснил Мурыгин. - Так что с сегодняшнего дня я - никто. Нет у меня ни дачи, ни дома, ничего... Раисе звони.

Дал отбой, спрятал сотик. Ну и куда теперь?

Собственно, весна уже настала. Дворы подсыхали. В тени забора изнывал сизый от золы сугроб осетриных очертаний. Хотя откуда в городе зола? Скорее уж из выхлопных труб налетело.

На скамеечке справа от дверей суда сидели рядом два сереньких котенка (должно быть, братики той трехцветки) и упражнялись в синхронном вылизывании.

Угрюмая народная мудрость гласит, что нет хуже беды, чем гореть в зиму. В этом смысле Мурыгину повезло - жизнь его пошла прахом в начале марта.

Жили-были муж и жена. И было у них две фирмы: у мужа - оптовый книжный склад, у жены - торговля канцтоварами. Жена была умная, а муж - дурак. Влез дурак в долги, узнал, каков на вкус ствол пистолета Макарова, кинулся к жене. А та ему и скажи: «Ты мне, Сережа, всего дороже, а фирму свою ради долгов твоих, с жизнью несовместимых, я разорять не дам. Дочка вон на выданье...».

Вылез дурак из долгов - гол, бос, лыком подпоясан, недвижимость, от греха подальше, на имя жены переписана. И так ему это, видать, за обиду стало, что запил дурак да и пошел с горя по рукам. Всех, почитай, жениных подружек за малый срок оприходовал. Прознала о том жена - подала на развод. Потому как бизнес бизнесом, а верность супружескую блюди.

Городская сказка. Кажется, это теперь так называется...

Мурыгин вынул бумажник, пересчитал оставшуюся наличность. Потом осмотрел ключи на цепочке. От квартиры смело можно выбрасывать - на прощанье Раиса победно сообщила, что врезала вчера новый замок. А вот эти два ключика (от дачи и сарая), возможно, пригодятся. Уж больно не хочется еще раз ночевать у Костика... Зря сказал Тараху насчет развода. Перезвонить, что ли?

Тарах долго не отзывался. Наконец удосужился взять сотик.

- Григорьич? Это опять я... Ты с Раисой связался уже?

- Дык... Я ж ее номер... мыть...

- Вот и славно, - решительно прервал его Мурыгин. - Ничего не надо, Григорьич. Сам приеду.

- Скорей... упть... - В голосе председателя слышалась паника.

Что-то, видать, стряслось. Не дай бог грабанули. Если так, то к участку лучше вообще не приближаться, а то Раиса Леонидовна чего доброго решит, что сам в отместку и грабанул.

- Григорьич...

Но Григорьич уже отключился.

* * *

Земляную дамбу разъездили вдрызг еще осенью. Перебираться по

ней на ту сторону ложбины шофер автобуса, разумеется, не рискнул, поэтому последний километр Мурыгин одолевал пешком. Дорога за дамбой пошла плотная: сверху - подсыхая, чуть глубже - подмерзшая. Мертвый, свалывшийся бурьян по обе стороны то ложился ниц, то вставал торчком. Виднелись шершавые проплешины снега. Жухлая трава была как молью побита.

Оба чемодана Мурыгин оставил на квартире когда-то лучшего, а ныне запойного друга и шел налегке, с сумочкой через плечо.

Вскоре дорога обогнула черно-серую дубраву, показался поселок. Первое строение, вдохновенно и неумело сложенное из силикатного кирпича, напоминало замок в романском стиле - с круглой башней, стрельчатым входом и флюгером. Уникальный памятник дачной архитектуры. Но экскурсантам его лучше не показывать: все линии слегка гуляют, так что уже через пару минут начинаешь чувствовать головокружение и утрату равновесия. Проверено.

Когда-то зданьице это было самым большим в поселке. Нынче - так, сарайчик. Особенно на фоне двух краснокирпичных особняков, возведенных прошлым летом...

Мурыгин остановился. Лишь теперь он сообразил, чего не хватает в пейзаже. Особняков. Впору было протереть глаза.

Тряхнул головой, недоверчиво уставился в зябкую мартовскую синеву над расхлябанным ржавым флюгером.

Снесли? Кто ж это такой храбрый выискался, чтобы напустить на буржуинов экскаватор? Стало быть, выискался... Минутку, минутку! Да уж не потому ли звонил Тарах? Может, весь дачный поселок взяли вдруг и признали незаконным? Может, там уже до мурыгинского участка добираются?

И Сергей Арсентьевич, напрочь позабыв, что давно уже не является владельцем, устремился выручать бывшую свою недвижимость.

* * *

То, что открылось глазам, стоило Мурыгину миновать первые делянки, повергло его в состояние столбняка. Поселка не было. До самой осиновой рощи раскинулась равнина, беспорядочно усаженная плодовыми деревьями. Ни домов, ни заборов. Присыпанная синеватым шлаком дорога пропала, слилась с землей.

Три крайних дома, затем овражек, а дальше - пусто.

Неужто и впрямь снесли?!

Да нет, тогда бы кругом были следы траков, груды развалин, сломанные деревья...

Нетвердо ступая, Мурыгин приблизился к тому месту, где еще осенью вздымалась трехэтажная твердыня особняка. Ну хотя бы фундамент

должен был остаться? Хотя бы яма от фундамента! Опасливо потрогал подошвой плотный грунт. Целина. Крепкая корка, ни разу не тронутая ни киркой, ни лопатой.

Потом вернулся слух. Оказывается, на пустыре Мурыгин был не один. Шагах в двадцати от него посреди бывшей дороги серебрился джип, чудом, видать, одолевший дамбу, а возле джипа громко выясняли отношения Тимофей Григорьевич Тарах и плотный очкарик в замшевой куртке - владелец исчезнувших хором.

- Я - лжу?! - заходился Тарах.

- Да, вы лжете! - визгливо летело в ответ.

Мурыгин обошел их сторонкой и двинулся к своему участку. Брел и озирался. Можно было без труда угадать, где раньше располагались строения, - по отсутствию сорняков и палой листвы. То и дело мерещились на припеке прозрачные зеленые пятна - там, не иначе, уже норовила проклюнуться первая травка.

Под корявой шипастой абрикосиной дородный и седовласый дачник, известный Мурыгину не столько именем-отчеством, столько званием (полковник в отставке), ошалело допрашивал сторожа.

- Так... И что?

- Я давай председателю звонить, Тимофей Григорьичу... А он кричит: ты чо, пьяный? Как так дома рассыпаются?... Я грю: так рассыпаются... В труху, прикинь...

- А где труха?

Оба взглянули на ближайшую пролысину.

- Нету, - виновато сказал сторож.

Отставник посмотрел на подошедшего Мурыгина, и внезапно полковничьи глаза стали безумны. Мурыгин не понял, попятился. Сзади слышались крики, скрежет, удар. Слепо уставясь поверх плеча Сергея Арсентьевича, седовласый протянул руку и, отстранив помеху с дороги, устремился к Месту нового происшествия.

Мурыгин обернулся. Вдали, рядом с овражком, метались и жестикулировали две фигурки: одна - в пальто и шляпе, другая - в замшевой куртке. А из овражка торчала углом серебристая корма опрокинутого джипа.

* **

- Ну и чего ты дергаешься? - со скукой осведомился Костик Стоеростин, бывший лучший, а ныне запойный друг. - Дача-то уже все равно не твоя...

И разлил по второй.

- Я что, невнятно рассказываю? - еле сдерживаясь, процедил Мурыгин. - Ты понимаешь или нет, что сотворить такое человеку

просто не под силу?

- Если есть бабки, - цинично изрек Костик, - человеку все под силу.

Они сидели в ободранной кухоньке, содержащей лишь два приличных на вид предмета, а именно - оба мурыгинских чемодана, задвинутых под колченогий разболтанный стол. Прочая обстановка была трудноописуема, а то и просто невероятна.

Самопальная водка вперемежку с самопальной философией никогда не привлекала Мурыгина, поэтому с бывшим лучшим другом он последние годы старался пересекаться как можно реже. Пока самого не прижало.

- Ты просто этого не видел, - в который уже раз упрямо повторил он. - А я видел...

- Ну и что ты видел? Как джип в овраг съехал?

Выпивка и закуска были, понятное дело, лично куплены Мурыгиным. Во-первых, благодарность за ночлег, во-вторых, левака он не терпел. Да и жить еще хотелось.

- Этого я как раз не видел, - честно признался Сергей Арсентьевич. - Другие видели...

- Зови! - решительно молвил Костик. - С ними и поговорим...

И Мурыгин не выдержал.

- Поселок исчез! - потрясая вилкой, завопил он. - Ты слышишь меня или нет? Исчез! Разом!

- Откуда знаешь, что разом?

- Сторож сказал!

- Сторожа зови! Со сторожем потолкуем...

Нечеловеческим усилием воли Мурыгин заставил себя успокоиться.

- Так, - произнес он почти безразлично. - Хорошо. Значит, только то, что своими глазами... Хорошо. Поселка нет. Это я видел сам. И развалин нет, понимаешь?

Костик был по-прежнему невозмутим. Хоть бы ухом повел, стервец!

- Могли разобрать вручную, по кирпичику, - поразмыслив, предположил он. - И так же по кирпичику вынести...

- А следы?! - опять сорвался на крик Мурыгин.

- А следы замели. Или, я там не знаю, затрамбовали... Сам же сказал: ни листика, ни сорняка...

- Зачем?!

- Стоп! - прервал его Костик. - Это уже второй вопрос. И я пока на него отвечать не готов. Ты спросил: может ли это быть делом рук человеческих? Я тебе отвечаю: может...

- Тогда завязывай с первым вопросом, переходи ко второму!

- Нет, - сказал Костик. - Не так сразу. Сперва давай выпьем, закурим...

Судя по его настроению, до второго вопроса они запросто могли и не добраться. Мурыгин примерно знал, что будет дальше: с появлением на свет второй бутылки занудливая стоеростинская

последовательность в рассуждениях пойдет рваться в клочья, а речь начнет замедляться - до полного останова.

Выпили, закурили. Костик открыл форточку, и в ободранную кухню, где почти весь кислород был выжжен газовой горелкой, вошел мартовский вечерний воздух. Стало свежо и зябко.

Потом по жестяному приступочку снаружи (дело происходило на первом этаже) клацнули когти - и в нижнем углу окна возник тощий белый котяра. Единым махом сиганул в форточный проем и свысока обвел диковатыми глазами обоих собутыльников.

- Нагулялся? - ворчливо спросил его Костик.

Ответом был двойной стук лап: первый удар - о подоконник, второй - об пол. Хозяин намочил огрызок хлеба в соусе из-под шпрот и положил на драный линолеум. Кот уплел предложенное без раздумий.

- А что потом жрать будешь? - сурово обратился к нему Костик. - Когда меня за долги выселят...

О будущем котяра, должно быть, не помышлял. Звучно ткнулся костистой головой в ножку стола, потом - потише - в ногу хозяина. Угощение пришлось повторить.

- Кошатник... - вздохнул Мурыгин.

-А что? - сказал Костик. - Хорошие твари. Людям не чета. Страну не разворовывали, конкурентов не заказывали...

- Ну так как со вторым вопросом? Только не говори мне, что кто-то хочет согнать дачников и скупить землю! Там новый поселок дешевле построить, чем вот так...

Приподняв брови, Костик тушил сигарету. Испитое лицо его приняло загадочное выражение.

- Н-ну, скажем... - помедлил, прикинул. - Наш маленький Бермудский треугольник. Рукотворный, естественно. Экскурсии в аномальную зону и все такое... Как это финансово?

- Никак, - отрезал Мурыгин. - Одни убытки. И потом, аномальную зону можно было и на пустыре каком-нибудь сварганить. Поселок-то зачем разносить?

- То есть как зачем? Шуму больше! Богатые дураки со всего света слетятся...

- И что они там будут делать? На голую землю смотреть, где якобы раньше дом стоял?

Костик крякнул.

- Убедительно, - признал он. - Значит, отпадает.

И снова потянулся к бутылке.

- Поставь на место! - рявкнул Мурыгин. - В общем так... Или ты доказываешь свою точку зрения, или соглашаешься со мной! А иначе - хрен ты еще что выпьешь...

Костик Стоеростин посмотрел на него с удивлением. Рука с бутылкой замерла на полдороге.

- А-а... - протянул он, словно бы опомнившись. - Ну тогда, конечно, пришельцы из космоса. Что тут еще предположить? Только пришельцы...

И разлил водку по стопкам.

Глава 2

Начало марта выдалось неслыханно теплое, и все же для пикника погода еще не пришла. Костик, предпочитая смотреть чудеса по телевизору, долго отговаривал друга Сергея от опрометчивой вылазки на природу, но тот был неумолим, за что и натерпелся, куда ехали.

- Премся черт знает куда, - брюзжал всю дорогу Костик, - а там меня, может, выселять придут... Квартиру вскроют, вещи выкинут...

- Позволь! - всполошился Мурыгин, мигом вспомнив о своих чемоданах. - Тебя что, в самом деле, выселять собрались?

- В самом деле, - уныло подтвердил тот. - Я как пять лет назад с работы ушел, так ни за что не платил ни разу...

- А где работал? - не удержавшись, полюбопытствовал Мурыгин. Чудеса чудесами, а трудоустройство трудоустройством.

- В полевом тире для буржуинов, - то ли соврал, то ли не соврал Костик. - Окопчики рыл, щиты ставил...

- Приработки были?

Стоеростин скосил на друга охальный глаз и чуть оживился.

- Были, - ослабившись, сказал он. - Как же, были. Мишенью подрабатывал. Стрельба по бегущему кабану. Зашьют меня в шкурку - я по настилу копытцами: цок-цок-цок... - Снова утратил интерес к жизни, нахохлился. - Слушай, долго еще трястись?

- Да скоро уже!..

Стоило, однако, выбраться из автобуса и вздохнуть полной грудью, Стоеростин прекратил скулеж, взбодрился и довольно живо зашагал, куда велено, с любопытством оглядывая дубраву, а на хриловато-картавые оскорбления со стороны ворон задиристо отвечал:

- От такой слышу!

Или:

- На себя посмотри!

Как выяснилось, за город он не выбирался года четыре. Вскоре вдали возникли первые строения. Они же последние. С некоторых пор.

- Все-таки советский дачник, - не преминул глубокомысленно заметить Костик, - подобен эволюции. Что было - из того и строил...

- Ага, - ворчливо откликнулся Мурыгин. - А нынешний подобен Господу Богу. Скажет: «Да будет свет!» - и тут же тебе электропроводка со всеми причиндалами. Из ничего...

- Было бы бабло... - изваял Костик нечаянную скороговорку и повеселел окончательно. Обещанная Мурыгиным выпивка на природе приближалась с каждым шагом.

Впереди у штакетника приткнулись несколько частных машин и одна полицейская. С надписью «милиция». Что-то происходило на том участке, где вздымало ржавый флюгер над круглой башенкой самодельное зданье с претензией на романский стиль. Вроде бы перед домом толпились. Входили, выходили. Очевидно, Тимофей Григорьевич Тарах, быть-мыть, решил провести общее собрание. Очень своевременно. Гляди-ка, полицию вызвал. А может, сама приехала.

- Черт! - сказал Мурыгин. - Наверняка ведь и Раиска там... Давай-ка обойдем.

Никем не окликнутые, они обогнули уцелевшие участки с тыла и очутились на краю овражка. Никакого джипа на дне его, понятно, уже не наблюдалось.

- Гляди-ка! И мусор выгребли...

Действительно, земляная рытвина, испокон веков используемая дачниками в качестве свалки, была идеально чиста.

- Чтобы два раза вниз не слезать, - изронил Костик.

Мурыгин покачал головой.

Пожалуй, долго маячить на виду не стоило. Друзья направились напрямик к мурыгинскому участку и через каких-нибудь полсотни шагов обнаружили, что заблудились. Как на кладбище.

- Вроде тут... - бормотал Мурыгин. - Вишня вроде наша...

- Хорош плутать! - сказал Костик. - Ваша, не ваша... Говоришь, здесь правда был поселок? Не врешь?

- Да.

- А здесь фундамент?

- Ну...

- Лопатку дай.

Мурыгин извлек из сумки складной совок в камуфлированном чехле величиной с ладонь. Костик собрал инструмент, вонзил разок в грунт - и дальше копать раздумал.

- М-да... - молвил он, возвращая лопатку. - Интересно..., Я смотрю, кусты-деревья остались... А что еще пропало? Кроме домов, конечно.

- Заборы, сараи... Скамейки... А! Скважины еще были. Скважин нет...

- Артефакты, - подвел итог Костик.

* * *

Собрание, судя по всему, затягивалось. Друзья успели хорошо побродить по пустырю, а на краю овражка так еще никто и не

показался. Наконец Мурыгин опознал свое бывшее владение - по низкому широкому пню, что остался от огромного тополя, убитого и спиленного пару лет назад с небескорыстного согласия лесника.

На пне и расположились.

- Ну... Что скажешь?

Костик Стоеростин принял из рук друга крохотную стопку - и, как ни странно, задумался.

- Слушай, - сказал он. - А откуда взялся этот ваш поселок? Здесь же вроде лесная зона была...

- Так это еще при тоталитарном режиме, - недовольно напомнил Мурыгин. - Деревьев не руби, костров не разводи... А в девяностые кто-то самый смелый взял да и застолбил себе участок. Ну и пошло-поехало...

Костик машинально чокнулся, выпил, закусил - и задумался вновь.

- Может, зеленые шкодят? - прикинул он.

- Какие зеленые? - вспыхнул Мурыгин. - Что они могут, зеленые? С плакатами бегать?.. Они вон давно к правящей партии примкнули, зеленые твои!

- То есть ты все-таки настаиваешь, что случилось чудо?

Мурыгин поперхнулся.

- Н-ну... чудо... - осторожно прокашливаясь, выговорил он. - Чудо, согласишься... сильно сказано... Если чудо, сюда бы архиерей приехал... а не ментовка... Или ты имеешь в виду чудо природы?

- Это не я имею в виду, это ты имеешь в виду, - сварливо уточнил Костик. - И природа, дружок, на мелочи не разменивается. Если уж шандарахнет, то в глобальном масштабе. А здесь триста метров: от овражка до рощи... Делянка.

Последнее слово почему-то поразило обоих. Хм... Делянка.

Хотели оглядеться, но тут случилось нечто странное. Как будто огромный язык нежно и шершаво лизнул спину Мурыгину. Сверху вниз. Сквозь одежду. От неожиданности Сергей Арсентьевич чуть было стопку не выронил.

- Что с тобой? - не понял Костик. А мгновение спустя сам резко выпрямил позвоночник, вытаращил глаза. Надо полагать, и его лизнуло.

Окрестность по-прежнему была безлюдна. Нигде никого. Над пригретой солнышком землей дрожал мартовский воздух. Поначалу обоим померещилось, будто над соседним бугорком дрожание меж древесными стволами сгустилось, обрело едва уловимый золотистый оттенок, но лишь на секунду.

- Пошли отсюда, - сипло сказал Мурыгин. - Что-то мне здесь разонравилось...

Костик посмотрел на вскрытую банку консервов.

- В руках понесешь, - бросил Мурыгин. - Или лучше кошкам оставь, в

городе другую купим...

Костик стремительно приходил в себя. Испитую физию перекосило шалой улыбкой.

- Что это было-то? - окончательно опомнившись, спросил он и пошевелил плечами, словно пытаюсь оживить ощущение.

- Вставай, пошли, говорю! - Мурыгин вскочил.

- Не пойду... - ухмыльнулся Костик. - Интересно даже... Да хорош дергаться, Серый! Вон и собрание ваше кончилось - люди идут...

Действительно, на краю овражка обозначились первые дачники. Их появление малость успокоило Мурыгина. Если накроет чем-нибудь аномальным, то всех сразу. Поколебавшись, снова присел на край пня, относительно твердой рукой наполнил стопки.

Странно. Вроде приняли всего по двадцать капель, а такое впечатление, что захмелели. Нахлынула беззаботность.

- Знаешь, на что это похоже? - внезапно сказал Костик. - Сидит кошка, на солнце греется. А ты наклонился и погладил мимоходом, а?

- Ты про... - Мурыгин не договорил и тоже пошевелил плечами. - И что из этого следует?

- А из этого следует, друг ты мой единственный, - с загадочным алкоголическим мерцанием в глазах промолвил Костик, - что кому-то мы здесь с тобой симпатичны...

- Как-то странно даже слышать от Константина Стоеростина, - язвительно отвечал ему Мурыгин, - столь скороспелые суждения... Давай-ка лучше выпьем.

Они выпили.

- Вот полюбуйтесь! - послышался невдалеке исполненный страдания женский голос.

Сотрапезники обернулись. В десятке шагов от них стояла Раиса Леонидовна Мурыгина - олицетворенная беззащитность. Обиженно сложенные губешки, пухлые щечки, растерянно распахнутые глаза. И, будьте уверены, с тем же несчастным, чтобы не сказать, жертвенным видом оберет, пустит по миру и останется во всем перед собой права.

Самое печальное, что Раису Леонидовну сопровождал господин полицейский. Лицо его, правда, служебным рвением не дышало, напротив, читалось на нем откровенное нежелание задерживать посреди чиста поля двух алкашей и везти их за тридевять земель в тридесятый участок.

- Так, - хмуро известил он. - Минута на сборы - и бегом отсюда. Здесь частная территория.

- То есть как бегом? - ахнула владелица. - И все?

Интересно, чего бы ей хотелось в идеале? Расстрела на месте?

- Без вопросов, командир! - истово заверил Мурыгин, спешно завинчивая бутылку. - Частная - значит, частная. Уходим по-быстрому...

Уложившись в полминуты, он застегнул сумку. Из сервировки на

обширном пне осталась лишь свежевскрытая консервная банка. Для кошек.

- Лейтенант... - прозвучало вдруг словно бы из-под земли, и все чуть не вздрогнули. Это заговорил Костик Стоеростин. - Лейтенант... - глядя прямо в глаза, проникновенным, пробирающим до сердца голосом продолжал он. - Пора выбирать, лейтенант... С кем ты? С пролетариатом или с его угнетателями...

Мурыгин зажмурился и мысленно застонал. Ну не мог, не мог так поплыть Костик с двух малых стопок! И водка была не паленой - в минимаркете куплена!.. Видимо, сказалось отравление свежим воздухом.

- Россия гибнет, лейтенант... И если не ты, то кто?

Глаза Раисы Леонидовны сияли нежностью. Лейтенант заметно помрачнел. Кажется, хочешь не хочешь, а придется брать.

- Как ты мог? - вопрошал невменяемый Костик. - Как ты мог, лейтенант, пойти в услужение олигархам? Ты, сын трудового народа!..

Кое-кто из бродящих по округе дачников, слышав исполненный правоты голос, встрепенулся и со всех ног заспешил к мурыгинскому участку. Пора было кончать комедию. Господин полицейский стиснул зубы и, подойдя к сидящему Стоеростину, крепко взял за локоть. Рывком поднял на ноги.

- Так, да? - сказал тот. - Ну бери! Веди в каземат! Всех не перевешаешь!.. - И загорланил, озорник: - Орленок, орленок, взлети выше солнца...

Как он при таких его проделках и закидонах ухитрился остаться живым в течение последних двадцати лет - загадка.

Умб!..

Взрыва не было - ни вспышки, ни грохота, - а вот взрывная волна была. Мурыгина приподняло и бросило на покатый земляной бугорок, слава богу, прогретый на солнышке и, стало быть, относительно мягкий.

Секунду лежал в ошеломлении, не зная, что и подумать. Привскинулся, огляделся. Стоячих на пустыре не наблюдалось - то ли их тоже сшибло, то ли сами залегли с перепугу. Изумленная тишина длилась еще мгновения три. Затем истошный женский визг - и все кинулись кто куда.

Мурыгин вскочил и побежал вслед за Костиком.

* * *

Они едва не проломали осиновую рощу насквозь. Не так был страшен сам катаклизм, как последовавшая за ним всеобщая паника. К счастью, сунулись в такие дебри, что волей-неволей пришлось остановиться.

- Вот это нас шуганули... - хрипло выдохнул Костик, обессиленно ухватясь за древесный ствол.

Глаза у него были очумелые, но, кажется, вполне уже трезвые.

- Идиот... - не менее хрипло отозвался Мурыгин и, согнувшись, уперся ладонями в проседающие колени. - Ты чего на лейтеху попер?..

- Я?.. - изумился Костик. - Ну извините!.. - Привалился к стволу спиной и с блаженством на физию ополз наземь. - Слушай... Но как *он* нас, а?..

- Кто «он»?..

- Ну, этот... чья теперь делянка...

Мурыгин даже задыхаться перестал.

- Так... - вымолвил он, присаживаясь на корточки, поскольку прошлогодняя палая листва была еще сильно влажной. - Та-ак... Вот, значит, как мы заговорили... А кто мне вчера голову морочил? Дело рук человеческих...

- Почему морочил? - возразил Костик, чьему обтерханному кожаному плащу ничего уже повредить не могло: ни грязь, ни влага. - Честно исходил из информации... которую ты мне... ох-х... Ничего себе пробежка... Чего бежали, спрашивается?..

- Ты первый и побежал... - напомнил Мурыгин. - Так чья теперь делянка?

- А я знаю?.. Нашел, кого спрашивать...

Сидеть на корточках было с непривычки очень неудобно. Сергей Арсентьевич поднялся с кряхтением, искал глазами пенек. Пеньков поблизости не случилось.

- Самое время нервы успокоить, - подсказал Костик.

- Чем? - огрызнулся Мурыгин. - Сумку-то я там оставил!

- Там?.. - не поверил Костик.

И встал.

* * *

- Не пойду я туда! - громко возмутился Сергей Арсентьевич, следуя по пятам за направляющимся к пустырю Костиком. - Тебе что, мало было?..

Роца кончилась. Остановились.

- Ну и где ты ее?.. - сказал Костик, всматриваясь. - А, вон она, родимая. Лежит себе...

- Я туда не пойду, - упорствовал Мурыгин.

- Кто тебя тащит-то? - бросил Костик, не оборачиваясь, и двинулся напрямиком к чернеющей вдали сумке. Мурыгин поспешил за ним. Остаться одному не хотелось. Сначала шел, как по минному полю, то и дело ожидая пресловутого «умб!..», потом осмелел и малость расслабился.

Лишенная строений и заборов территория напоминала теперь колхозный сад. Серые голые ветви плодовых деревьев помаленьку обретали сиреневый весенний оттенок. Зеленели бугорки. Постанывала ворона. И опять ни одного человечка. Хотя вроде за овражком что-то мелькало.

На мурыгинском пне мародерствовали сразу три кошки (две - щучьей расцветки, одна - с претензией на принадлежность к сиамцам), дожирали консервы. Завидев людей, спрыгнули и помедлили, не зная, метнуться прочь или же, напротив, попытаться выклянчить еще чего-нибудь. Костик отнес подальше недовылизанную банку и вернулся.

- Хлебушком занюхаем, - утешил он.

- Пошли, - скомандовал Мурыгин, подхватывая сумку.

- Куда? - удивился Костик. - В рощу? Там сыро... Чем тебе здесь не нравится?

- Напомнить - чем? - процедил Мурыгин.

- Ну и иди... - Костик присел на край пня. - Только бутылку оставь. У тебя ж их там две, я знаю...

Сергей Арсентьевич ругнулся - и в этот миг его снова лизнуло во всю спину. Ласково и шершаво. Обмер, выпрямился.

- Кайф... - услышал он, как сквозь подушку.

Очнувшись, посмотрел на друга. Казалось, еще немножко - и Костик замурлычет от удовольствия.

- Тоже погладили? - шепотом спросил Мурыгин.

- Ага... Три раза...

- Меня - один...

Замолчали, с тревогой прислушались к ощущениям. Затем недоверчиво покосились на сумку. Мысль о водке показалась обоим не то чтобы отвратительной, но как-то не манила она больше, не очаровывала. После шершавого ласкового прикосновения ничего уже не хотелось. Нет, можно было, конечно, собрать волю в кулак и выпить, но зачем? Все равно что заполировать хороший коньяк глотком денатурата.

Кстати, незримый язык именно так и пробирал по хребту, как коньяк пробирает по горлу.

- Спрашиваешь, чего я на лейтеху попер? - неожиданно сказал Стоеростин. - В голову ударило, вот и попер. Не надо было мешать...

- Кому?

- Не кому, а чего! Мы ж еще поддали тогда! - Костик хмыкнул, поежился. - Интересно, - пробормотал он, - кошек гладим - они то же самое чувствуют?

- Спроси... - нервно пошутил Мурыгин, кивнув на бугорок, с которого пристально наблюдали за людьми уже не шесть, а восемь алчных кошачьих глаз. Затем снова с пугающей ясностью осознал невероятность происходящего.

- Костик!.. - взмолился Сергей Арсентьевич. - Что же это, Костик, а?..
 - Пока ничего смертельного, - помолчав, отозвался тот. - Местами даже забавно...
 - А этот... умб!..
 - Тоже вполне вписывается... Когда у тебя на участке коты орут, дерутся, ты что делаешь?
 - Н-ну... комком земли их...
 - Вот! По-моему, очень похоже. Ба-бах! По своим котам, по чужим - без разбора...
 - Позволь, а свои - это кто?
- Костик ответил не сразу - сперва озадаченно хмыкнул.
- Получается, мы...

Глава 3

Обстановкой, размерами и состоянием стен кабинет замредактора неуловимо напоминал стоеростинскую кухоньку. Все требовало или ремонта, или замены. Да и сам Гоша Родимцев, нынешний хозяин кабинета, вел себя так, словно с минуты на минуту ждал приказа покинуть помещение.

Помнится, лет семь назад он выглядел куда значительно лучше, хоть и должность у него в ту пору была менее ответственной.

- А с чего это тебя вдруг снова в журналистику потянуло? - беспокоило помаргивая, спросил Гоша. - Ты же у нас теперь вроде предприниматель...

Манера речи его тоже изменилась. Любое слово, даже самое политкорректное, произносилось негромко, невнятно и чуть в сторону, словно Родимцев опасался прослушивания. Сказал - и вроде бы ничего не говорил.

- Был... - вздохнул Мурыгин. - Теперь банкрот.
- В долгах? - сочувственно уточнил замредактора.
- Без долгов, - успокоил Мурыгин. - В нулях. Но в таких нулях, что... сам понимаешь. В пустых и круглых.

Гоша опечалился, принялся перекидывать бумаги на столе.

- Знаешь... - осторожно побряхтывая, начал он. - У нас тут сейчас такие дела творятся... Шефа сняли, в «Вечерке» шефа тоже сняли...

- А ты?
- Временно исполняю обязанности...
- Чьи?
- Свои...

Мурыгин еще раз оглядел убогий кабинет. Да. Похоже на то.

- А что стряслось-то? Кризис? Или вспышка на Солнце?

- Москва... - стонуше молвил временно исполняющий собственные обязанности. - Поставили нам оттуда губернатора, а у него команда... На все посты своих людей сует. Москва...

Наверное, с такой же неизбывной тоской звучало когда-то на Руси слово «татарва».

- Землю скупают, предприятия скупают... - беглым полусшепотом продолжал несчастный Гоша. Глаза его блуждали. - Теперь вот до прессы добрались, до культуры... Хана провинции... Журнал закрыли, издательство закрыли... В Союзе художников кабаре будет...

Мурыгин уже и сам видел, что надеяться здесь не на что. Блеклый, пугливый, как моль в шкафу, Гоша Родимцев прямо-таки норовил слиться с невзрачным интерьером. Стоило Гоше замереть и примолкнуть, начинало казаться, будто кабинет пуст. Вдруг забудут, вдруг оставят в прежнем кресле...

Судя по всему, тоже вскоре пойдет искать работу. По городу с вещами.

- То есть в «Вечерку» мне можно не заглядывать? - подытожил Сергей Арсентьевич.

Замредактора беспомощно развел руками.

- Да и в «Городские ведомости» тоже... - удрученно добил он. - Чаю хочешь? Я заварю...

- Нет, спасибо. - Мурыгин встал. - О, кстати! А что у вас пишут об «Орошенце»?

- Об «Орошенце»?

- Ну, целый дачный поселок пропал...

- Первый раз слышу. Как пропал?

- С лица земли. Дома, заборы...

Замредактора горестно покивал.

- Москва... - безнадежно выговорил он.

* * *

Покинув облупленный Дом печати, Мурыгин приостановился, закурил. Теплынь. Впору куртку скидывать... Стало быть, с журналистикой мы пролетели. Устроиться, что ли, в полевой тир для богатеньких? Бегущим кабаном. Зашьют в шкурку, а ты копытцами по настилу: цок-цок-цок...

Откуда ни возьмись подвернулся подросток с кипой газет, заныл, заканючил:

- Купите газетку, дяденька... Ну пожалста-а... Ну что вам стоит... Купити-и... Выручити-и...

«Бойкие выкрики мальчишек-газетчиков...» - с горькой иронией вспомнилось вдруг Мурыгину что-то давнее, читанное чуть ли не в

детстве.

- Про исчезнувший поселок есть что-нибудь? - спросил он.

Подросток недоверчиво уставился на Сергея Арсентьевича.

- Дачный поселок! - нетерпеливо пояснил тот. - «Орошенец»!

Подросток и вовсе опешил.

- Ты газеты продаешь или милостыню просишь? - проскрежетал Мурыгин. - Не знаешь, чем торгуешь? Хоть бы заголовки прочел!..

Мальчонка, ошалело помигивая, секунды три смотрел на неменяемого дяденьку, потом поспешил отойти от греха подальше, сменить объект.

- Купите газетку, тетенька... Купити-и...

Гневно фыркнув, Мурыгин извлек сотик. Нашел номер Костика, злобно усмехнулся. Вот ведь тоже клоун! Пять лет за квартиру не плачено, а на мобилу деньги нашлись. Правда, сам никому не звонит, экономит... А может, подарил кто? Из старых, еще не спившихся друзей.

- Слушай, Костик... Как ты смотришь на то, чтобы взять да и смотаться на природу?

- А я уже на ней, - с достоинством ответил Стоеростин.

- В поселке?!

- Ну, не совсем в поселке... Скажем так, у овражка...

- А, ну я тогда сразу на автобус...

Автотранспорта у штакетника поприбавилось. Полиция на сей раз отсутствовала, зато сияла красными крестами молочная «газелька» неотложки. Двое в белых халатах вели к ней под руки благообразного, прилично одетого мужчину. Ведомый заметно припадал на правую ногу и силился улыбнуться. Брючина от бедра до колена была измазана старой садовой побелкой.

На пути троицы мельтешила девчушка с диктофоном.

- Ну а что же вы хотите?.. - мужественно преодолевая боль, вещал пострадавший. - Спонтанный выброс... свидетельствует, что мы... о-ох... имеем дело со сгустком негативной энергии...

Мурыгин задержался, пропуская процессию. Спонтанный выброс. Ну-ну...

Костика он нашел по эту сторону овражка, сидящим на старом, туго набитом рюкзаке. Хотел спросить, что сие значит, но не успел.

- Самое интересное пропустил, - сказал Костик. - Экстрасенсы нагрянули. Главный их взял рамку, поперся уровень эм-поля проверять... Ка-ак ему наподдаст! Мы-то в прошлый раз на землю падали, а он, не поверишь, прямо в яблоню вписался...

- Это не его там в «скорую» грузят?

- Его, наверное... Гошку видел?

Сергей Арсентьевич насупился и, как бы не расслышав вопроса, принялся высматривать что-то среди плодовых деревьев. Костик сочувственно взглянул на друга снизу вверх.

- Ну, ясно... Можешь не рассказывать. И в «Вечерке» был?
- Тоже без шансов... Слушай, а чего ты здесь торчишь?
- А чтоб под горячую руку не попасть, - стыдливо посмеиваясь, признался Костик. - По-моему, его экстрасенсы сильно достали...

Чем все-таки хорошо неведомое, так это тем, что отвлекает от житейских бед.

- Позволь! - не удержался Мурыгин. - Вот ты говоришь: «его». Ты правда в это веришь?

- Во что?

- Н-ну... что там кто-то разумный...

- Я, мил друг, вообще ни во что не верю, - развязно объявил Костик Стоеростин. - Просто эта версия мне нравится больше других...

- А есть и другие?

- Сколько хочешь!

- Ну например?

- Скажем, три случайных явления. Лизнуло - одно, шугануло - другое, поселок уничтожило - третье. Просто совпали по месту и по времени, смыслу в них никакого, а мы с тобой черт знает чего навоображали...

Мурыгин призадумался.

- Что-то мне это... - промычал он, - не очень...

- Мне тоже, - утешил Костик. - А поскольку все версии одинаково недоказуемы, я принимаю ту, что приятнее... Без самообмана, странничек, не проживешь. Без самообмана все бы мы давно удавились... Кстати, ты не стесняйся, присаживайся.

- Куда?

- А вот... - И Костик указал на стоящую неподалеку дорожную сумку, настолько потрепанную, что Мурыгин принял ее поначалу за чью-то недоброшенную до овражка тугую связку тряпья. - Не бойся, бьющегося там ничего нет...

- Тоже твоя?

Теперь уже насупился Костик. Слетели с него мигом и легкомыслие, и беспечность, и возбужденная говорливость. Меж бровей обозначилась угрюмая зарубка.

- Моя... - безрадостно молвил он.

И Мурыгин наконец понял.

- Все-таки выселили? - спросил он с содроганием. Голос его упал до шепота. - А... а чемоданы?

- Чемоданы твои я соседям занес, - нехотя сообщил Костик. - Ну и еще там кое-что...

Сергей Арсентьевич опустил на драную Костикову сумку и, слепо глядя в никуда, надолго оцепенел. Надо было что-то решать.

- Ночевать-то где будем?

- Я - здесь, - отозвался Костик. - Между прочим, на палатке сию...

- Холодно в палатке-то...

- А что, есть варианты?

Вариантов не было. Мурыгин уже перебрал в уме знакомых, включая подружек бывшей жены, - нету. Ни единого.

- А чего тогда сидишь? - внезапно накинулся он на ни в чем не повинного Стоеростина. - Пойдем палатку ставить, бомжара...

- Не, - сказал тот. - Рано. Давай подождем...

Мурыгин взглянул на часы. Дело шло к четверем. А последний автобус - в пять.

- Не дрейфь, - ворчливо подбодрил Костик. - У меня в январе батарея навернулась - ничего... дозимовал... - Судя по эпическому тону последних слов, он, кажется, собирался поведать Мурыгину особо душераздирающие подробности своей зимовки, но так и не поведал. Умолк. Всмотрелся во что-то на той стороне овражка.

- Чего там?

Среди древесных стволов бродило золотистое ласковое мерцание. Едва уловимое, оно приковывало взгляд, манило к себе.

- Пойдем. - Стоеростин встал. - Сумку бери...

- Постой... Что это?

- Понятия не имею. - Влез в лямки рюкзака - и зашагал.

Мурыгин подхватил сумку, догнал.

- Ты уверен?..

- Ни в чем я не уверен.

- А шуганет?

- Может, и шуганет... Хотя вряд ли... - Костик зачарованно всматривался в призрачное сияние впереди. Потом вдруг усмехнулся и пробормотал еле слышно: - Кис-кис-кис...

* * *

Пока добрались, мерцание рассеялось. Впрочем, не исключено, что его, подобно туману, вблизи просто не различишь. Сбросили ношу возле родного, насиженного пня - и никто никого не шуганул. Мало того, оба тут же были поглажены.

- Ну вот, - с облегчением сказал Костик. - Видишь?

Упал на травку, раскинул конечности.

- Этак я и курить брошу, - жмурясь от удовольствия, сообщил он. - Скажи, кайф?

Мурыгин сумрачно согласился, что да. Кайф.

- Не понял... - Костик поднял голову. - Что не нравится?

- Кто *он* такой? - глухо спросил Мурыгин. - Откуда?

- Мне бы твои заботы! Ну, скажем, из другого измерения... Легче стало?

- Брось! - процедил Мурыгин. - А то я тебя не знаю! Сам наверняка

голову ломаешь...

- Ломаю, - легко согласился Костик. - Обломки предъявить?

- Предъяви.

Стоеростин сел, осмотрелся. В голых ветвях молоденькой яблони шла пронзительная воробьиная разборка. Клювов двадцать, не меньше. Наверное, со всего пустыря слетелись. Время от времени из кроны выпадало и, покачиваясь, надолго зависало, в воздухе зыбкое крохотное перышко.

Тоже социум...

- Во-первых, - огласил Костик. - Делянку ему, как видишь, нарезали от рощи до овражка...

- Кто?

- Без понятия.

- Но тем не менее знаешь, что нарезали?

- Да. Потому что за овражком дома как стояли, так и стоят... Скажите, какое препятствие - овражек!..

- Так, допустим. А во-вторых?

- Во-вторых, землю ему выделили бросовую, изуродованную людьми. Наверняка с условием, чтобы он снова привел ее в порядок. Что мы, собственно, и видим...

- Нет, позволь! - возразил Мурыгин. - Хуже земли не нашлось? Почему дачи? В километре отсюда - завод...

- Н-ну... не знаю. Так вышло. Я, что ли, ему землю выделял?

Озадаченно помолчали. Пригревало солнышко. Воздух от оголтелого чирикания вибрировал, как полотно двуручной пилы.

- Слушай, - озабоченно сказал Мурыгин, - а что это ни одной собаки не видать? У сторожа целая свора кормилась...

- Разбежались, - предположил Костик. - Чужого почуяли.

- А кошки тогда почему не разбежались?

- Ну, кошки! Кошки сами инопланетяне...

Там, откуда они прибыли, определенно что-то творилось. Рычала и погромыхивала тяжелая техника. Потом кто-то оглушительно откашлялся.

- Мужчина в черном плаще и мужчина в рыжей куртке!.. - произнесли в мегафон. - Немедленно покиньте опасную зону! Повторяю: мужчина в черном плаще и мужчина в рыжей куртке...

Оба мужчины оглянулись на звук. У въезда на пустырь стояло гусеничное страшилище защитного цвета и шевелились камуфлированные роботы.

- Эмчезники, что ли? - всматриваясь, спросил Мурыгин.

- Похоже... - хмыкнул Костик, тоже поднимаясь на ноги. - Не дай бог выручать полезут... Все в порядке! - крикнул он, сложив ладони рупором. - Ничего не надо! Нам здесь хорошо!..

- Мужчина в черном плаще и мужчина в рыжей куртке... - не унимались

за овражком.

- Вообще-то она бежевая, - недовольно заметил Мурыгин.

- Кто?

- Куртка.

Спасатели вдали совещались. Видно было, как старшой жестикулирует мегафоном. Потом снова поднес устройство к губам:

- Вы находитесь в опасной зоне. Вашей жизни угрожает...

- Где ж вы, суки, были, когда меня сегодня с приставами выселяли? - закипая, произнес Костик. - Опасность? Какая в мандат опасность? Спасатели! Ты меня от государства спаси, а с инопланетянами я как-нибудь сам разберусь!.. Нет, ты видел, Серый? - возмущенно обернулся он к Мурыгину. - За жизнь они нашу волнуются, а? Выкинули на помойку - и волнуются!..

- Уймись! - попросил тот.

Бесполезно. Стоеростин был вне себя. Все переживания последних дней собрались воедино и выплеснулись наружу.

- Ну вытащишь ты нас отсюда! - уже орал Костик в сторону овражка. - А ночевать мне где?.. Нас здесь гладят, козлы! Так вам уже и это влом?..

Внезапно запнулся. По физиономии разлилось блаженство.

- Молчу-молчу-молчу... - глумливо заверил он, но не Мурыгина и уж тем более не эмчезовцев.

Тем временем гусеничная амфибия рывкнула, окуталась сизым выхлопным дымом и пошла в наступление. А дальше с ней случилось то же, что двумя днями раньше с серебристым джипом, только на этот раз Сергей Арсентьевич все разглядел в подробностях. Машину понесло юзом, причем задом наперед. Затем плоский нос ее задрался, показалось брюхо - и бронетехника с воем и скрежетом осела в промоину.

Никакого «умб!..» при этом не прозвучало.

Несколько мгновений Мурыгин с Костиком зачарованно смотрели на людскую кутерьму вокруг овражка.

- Ну все, - выговорил наконец Костик. - Теперь им точно будет не до нас. Давай палатку ставить...

Глава 4

Как и предвидел Мурыгин, палатка только именовалась палаткой. Боязно было даже вообразить рабочую биографию этого брезента. Его послужной список наверняка включал и камнепады, и селевые потоки, и как минимум одно случайное попадание в бетономешалку. Хотя, насколько помнится, экстремальным туризмом Костик не увлекался

никогда.

Пока удалось растопырить увечное изделие между сливой и вишней, свечерело. Спасатели не мешали. Мурыгина однако тревожило другое: как отнесется к возникновению палатки незримый хозяин пустыря? Пусть матерчатый, а все-таки дом.

Вроде нормально отнесся. Не тронул.

К ночи заметно похолодало. Удачно, без обрушений, заползли внутрь, зажгли свечку в плошке и приступили к скудной безалкогольной трапезе. Техника за овражком порычала-порычала и смолкла. Палатку объяли скрипы, шорохи, прочая первобытная жуть.

- Как думаешь, завтра проснемся? - мрачно пошутил Сергей Арсентьевич.

- Эк тебя! С чего это ты?

- Ну, что ни говори, а место-то заколдованное...

- А-а... - протянул Костик.

В заколдованные места он, надо полагать, тоже не верил.

Стали осторожно устраиваться на ночлег. Язычок свечи колебался, выявляя все новые прорывы в матерчатой подкладке. Палатка была двухслойной, но некоторые дыры - сквозными.

- А почему обязательно дачник? - с неожиданным раздражением спросил Мурыгин. - Почему не разведчик?

- Из космоса, чай? - лыбясь, уточнил Костик.

- Почему бы и нет?

- Разведка боем? А против кого?

- Против нас. За природу.

- А мы, выходит, не природа?

- Я имею в виду: живая природа.

- А мы какая?

Мурыгин начал злиться. Хотя уж кому-кому, а ему-то было со студенческих пор доподлинно известно, что Костика Стоеростина проще пришибить, чем переспорить.

- Но человек-то борется с природой!

- Гордыня, гордыня... - по-монашески забормотал Костик, запахиваясь и натягивая поглубже лыжную вязаную шапочку, отчего и впрямь стал похож на инок. - Привыкли, понимаешь, звучать... Природа вывела человека с единственной целью - прекратить оледенение. И что бы мы там о себе ни мнили... царь природы, венец творенья... задача наша одна: понизить содержание кислорода в воздухе. Ничего, справляемся... пока. Полярные шапки тают, уровень океана повышается...

- Справляемся - во вред себе?

- Естественно... - В желтоватом мерцании свечи Костик вытянулся в рост, окончательно уподобившись схимнику во гробе. - Любое лекарство справляется с болезнью во вред себе.

- Кому это себе?
 - Лекарству. Или ты хочешь оспорить жертвенную сущность таблетки? Мурыгин подумал, посопел.
 - То есть справимся - вымрем?
 - Скорее всего...
 - Просто так языком треплешь или что-то из этого следует?
 - Следует, - произнес Костик, неподвижно глядя в драный потолок. - Сдается мне, что дачник наш, скорее всего, местный. Не из какого он не из космоса, а с самой что ни на есть Земли. Соседушко. И явно не хочет приносить себя в жертву природе. Иначе зачем бы ему исправлять то, что мы наворотили? Хотя бы на таком пяточке...
 - Минутку! - Мурыгин приподнялся на локте. - Если он с Земли, то почему же раньше ничего подобного не случилось? Раньше-то он где был?
 - А теперь он где?
- Кротко заданный вопрос прозвучал жутковато. Передернуло даже. За ветхим брезентом шуршала ночь. Подала голос неведомая птица - возможно, сова. А собак и в самом деле не слышать...
- погоди! - хрипло начал Мурыгин. - Ты уверен вообще...
 - Нет, - не дослушав, ответил Костик. - Давай спать...

* * *

Проснулся Мурыгин от холода. Свеча догорела, в палатке было черным-черно. В сквозной прорехе сияло алюминием лунное небо. Костик спал, не издавая ни звука, хотя вообще-то имел обыкновение похрапывать. Да уж не замерз ли? Сотрясаемый ознобом, Сергей Арсентьевич приподнялся, потрогал. Костика на месте не обнаружилось.

Должно быть, вышел за надобностью. Надо же холодрыга какая! Военно-полевую романтику Мурыгин, честно сказать, и прежде не терпел, а уж в такое время года - тем более. Прилег было снова - и тут же сел. Нет, так нельзя. Пойти, что ли, размяться, согреться?

Кряхтя, выбрался из палатки. Полная луна высвечивала впервые не убранный по весне участок. Инея не было - иначе кромки прошлогодних палых листьев сверкали бы сейчас серебристой каемкой на манер сазаньей чешуи. А вот легкая морозная искорка в ночном воздухе сквозила. Странно.

Мурыгин огляделся, стуча зубами. Веселенький пейзажик.

Голые плодовые деревья вздымали костлявые длани, как гоголевские мертвецы. Трупные пятна на лице луны были в эту ночь особенно отчетливы. Промыхнула в сером сумраке крупная птица, предположительно, ворона... Костик-то где? Монстры съели?

Слева раздался всхрап. Ну это уже что-то совсем невероятное! Сел в кустики - и уснул? В такую холобурдень? Он же трезвый!

Сергей Арсентьевич обернулся на звук. Никого. Или...

В метре над землей слегка опыленное лунным светом плавало нечто, напоминающее длинный, сложенный пополам мешок. А потом оно еще и шевельнулось.

Мурыгин замер, всматриваясь.

В метре над землей, уютно свернувшись калачиком, похрапывал Костик. Если бы не этот храп, Сергея Арсентьевича, скорее всего, хватил бы удар. Сердце чуть ребра не проламывало. В памяти вот-вот должны были всплыть космические ужастики о насекомоподобных чудовищах, подвешивающих людей живьем в своих заплетенных паутиной закромах... Если бы не храп. Жертве инопланетного упыря не положено похрапывать - тем более так сладко.

Сделав над собой усилие, Мурыгин шагнул вперед - и ноги запутались в чем-то черном, шуршащем, оказавшемся впоследствии стоеростинским плащом. Наверное, Мурыгин вскрикнул, потому что спящий на воздушных внезапно оборвал храп, медленно распрямылся и наконец сел, оперевшись ладонью в податливую пустоту.

- Серый, ты?.. - сонным голосом спросил он. - А я... это... вышел... ну и... - Помолчал, умиротворенно почмокал губами. Затем локоть подломился, и Костик снова принял положение зародыша. - Лезь сюда... - пробормотал он напоследок. - Согреешься...

В смысле отчаянности Мурыгин, конечно же, сильно уступал другу, что не удивительно, если сравнить их жизненный опыт. Неизвестно, отважился бы он принять приглашение Костика, не будь ночь такой промозглой. Но не замерзнуть же!

* * *

И все бы ничего, кабы *тот*, на ком спал Сергей Арсентьевич, не имел скверной привычки ворочаться. Несколько раз Мурыгина плавно вздымало ввысь и скатывало затем в некую ложбину, отчего он пробуждался в ужасе и, вытаращив глаза, силился сообразить, куда его занесло и что происходит.

Зато тепло. Теплышко, как говаривали в детстве.

Подъем был сыгран с первыми лучами солнца и в лучших казарменных традициях: разнежившихся друзей просто стряхнуло наземь, слава богу, с высоты практически нулевой. Утренний воздух ошеломил. Словно ведром родниковой воды окатили.

Спешно принялись одеваться.

- Умный... - с завистью бормотал Костик. - Одевку-обувку с собой прихватил... А я, дурак, все на землю поскидывал...

Плащ его к утру стал жестяным, туфли - каменными. Вопреки опасениям, палатка пережила ночь благополучно, в труху не рассыпалась. Сама она, положим, особой ценности не представляла, однако внутри были кое-какие продукты, а главное, наплечная мурыгинская сумка с туалетными принадлежностями.

- Ну и куда *он* делся? - озираясь, спросил Сергей Арсентьевич. Золотистого мерцания нигде не наблюдалось.

- Дозором обходит, - буркнул Костик. - Чтоб не сперли чего... Выспаться, гад, не дал! Взял и сбросил... Можно подумать, на работу опаздывает...

Зябко содрогаясь, стал на четвереньки, полез в палатку.

- Слушай, - сказал Мурыгин. - А этот твой белый кот... Он на тебе ночами спал?

- И не он один... - слышалось из-под брезента. - Сколько у меня кошек было - все на мне спали...

- Как же он теперь без хозяина?

- Весна... - откликнулся Костик. - Не пропадет...

Выбрался наружу с пластиковым пакетом в одной руке и с мурыгинским несессером в другой.

- Вода у вас тут далеко?

Оба колодца сгнули вместе со скважинами. Мурыгин не взялся бы даже угадать, где они раньше располагались. Хотя, помнится, прошлым летом напротив слегка перекошенного памятника дачной архитектуры тоже что-то рыли... Точно, рыли. И бетонные кольца сгружали метровые.

Нет худа без добра. Неслыханно ранняя побудка имела то преимущество, что, окажись свежевыкопанный колодец частным, а не общественным, никто никому не запретит махнуть через забор и обратно. Направились к овражку, над краем которого по-прежнему торчало акулье рыло гусеничной машины. Крепко, видать, засела...

- Как бы они там часовых не выставили, - хмуро сказал Мурыгин.

К счастью, он оказался прав лишь наполовину. Часовой был, но дрых в запрокинутом к небесам кресле водителя: спина почти параллельна земле, ноги, соответственно, задраны. Миновали, не потревожив.

А новенький бетонный колодец под двускатной дощатой крышей поджидал их на улице - сразу за углом штакетника. Тишь. Безлюдье. Голубоватые утренние тени, краткая дробь дятла - словно шарик от пинг-понга уронили на стол с малой высоты. Костик взглянул мимоходом на круглую башню с флюгером - и замер.

- Слушай... - У него даже голос сел. - Вроде дом распадается...

- Наглый оптический обман, - успокоил Мурыгин, откидывая дощатую крышку и опуская ведро на ворота в гулкое бетонное жерло. - Он уже так десятый год распадается...

Секунды три Костик недоверчиво смотрел на слегка гуляющие ряды

кладки, потом одурело тряхнул нечесанной башкой.

На крыльце перед стрельчатым входом вылизывалось кошек шесть, в их числе наверняка и те, что уплели вчера оставленные на пне консервы.

- Знаешь, - задумчиво молвил Мурыгин, тоже приведя себя в порядок, - в чем-то ты, пожалуй, прав... Какая нам разница, кто *он* и откуда! А вот шанс упустить было бы грешно...

- Аой?.. - невнятно осведомился Костик, орудуя зубной щеткой.

- Какой шанс? Стоеростин, окстись! Мы - единственные, кого *он* принял. Остальных *он* знать не хочет. Остальных *он* шугает!

Прежде чем ответить, Костик долго прополаскивал рот. Выплюнул, утерся.

- И что? - спросил он.

- А то, что с *ним* рано или поздно попробуют вступить в контакт! Вот тут-то и поторгнемся... Хотите сотрудничества? Давайте зарплату, давайте квартиру... А по-другому - никак!

Стоеростин размышлял.

- Мы ж бомжи сейчас, Костик... - проникновенно напомнил Мурыгин. - А тут возможность вернуться в общество!

- Был я уже там... - вяло ответил тот.

- Где?

- В обществе... Что ты, собственно, предлагаешь?

Овеваемый утренней свежестью, только что умывшийся колодезной водой, Мурыгин ощущал подъем сил, отвагу и дерзкую уверенность в себе - словом, те самые чувства, что испытывал в первые месяцы владения оптовым книжным складом.

- Что предлагаю? - напористо начал он. - А не ждать милостей от природы! Начать действовать самим. Объявить себя уполномоченными представителями инопланетного разума. Дать интервью. Выйти на телевидение...

- Ну и станет в ящике двумя придурками больше, - заметил Стоеростин. - Их вон и без нас пруд пруди... Друганы братанов по разуму...

- Но мы-то - на самом деле!

- А вдруг и они тоже?

Бывший предприниматель запнулся, но лишь на секунду.

- Ко-остик! - сведя голос на укоризненные низы, попытался он вразумить друга. - Да какая кому разница, как оно там на самом деле? Нам сейчас главное - со дна подняться...

- Знаешь, чем ты сейчас похож на Диогена?.. - задумчиво спросил Костик. - Голос, как из бочки...

На этот раз Мурыгин онемел надолго. Все-таки выходки Стоеростина могли вывести из себя кого угодно.

- Так... - проговорил наконец Сергей Арсентьевич, стиснув зубы. - А ну-

ка быстро смыл пасту с настила... Быстро смыл! Фраер городской! Это колодец! Его в чистоте содержат...

Костик подчинился.

- И ведро переверни, - в неистовстве потребовал Мурыгин. - Воду вылей - и переверни! А то из него кошки лакать будут!.. Крышку закрой! Общество ему не угодило!..

Обратно шли в обиженном молчании. Почти уже обогнули овражек, когда сзади послышалось:

- Стой!

Обернулись. Из уставившейся в небеса гусеничной амфибии выбирался заспанный детина в камуфле и беретке морковного цвета. Оружия при нем не было. Наверное, все-таки не часовой - просто оставили за сторожа, чтобы никто ничего ночью не свинтил.

Костик повеселел.

- Доброе утро, служивый, - приветствовал он охранника. - Каково почивали?

Приветствие тому явно не понравилось. Хотел зевнуть - раздумал, насупился.

- Запретная зона, - отрывисто объявил он. - Приказано никого не пропускать.

- А ты и не пропускаешь, - успокоил его Костик. - Ты уже пропустил...

Морковный берет и сам видел, что оплошал. Но не ловить же теперь этих двоих по всей запретной зоне!

- Минутку!.. - властно вмешался Мурыгин. Подошел к камуфлированному детинушке вплотную. Тот моргнул. - Когда прибудет сюда ваше начальство, - тоном, не допускающим возражений, продолжал Сергей Арсентьевич, - я прошу вас доложить следующее... То, что вы называете запретной зоной, на самом деле место высадки инопланетного разумного существа. И оно уполномочило нас двоих... А можно без ухмылок, молодой человек?!

- Слышь! - сказал молодой человек. - Вот прибудут - сам и доложишь...

Повернулся и, в изумлении покручивая головой, пошел обратно, к вверенной ему технике.

Глава 5

- Да ни в какой другой стране такого нет! - громко возмущался Мурыгин, пока шли до палатки. - Населенный пункт исчезает, самоходки под откос летят - и хоть бы кто-нибудь почесался! Где ученые? Где ФСБ? Экстрасенсы какие-то сунулись - и тех теперь не видать...

- Ученые грантов просят, - сокрушенно, по-старушечьи отвечал ему Костик. - ФСБ откат пилют...

- Хорошо, а полиция? - не унимался Сергей Арсентьевич. - Полиция где? Ради чего ее переименовывали вообще? Собственность пропала, дело наверняка заведено...

- Полиция была вчера, - напомнил Костик. - Тебе чего надо-то? Чтобы нас колючей проволокой обнесли?

- Мне надо, чтобы нас заметили!

- Зачем?

Мурыгин остановился, взял друга за лацканы плаща, взглянул в глаза. За полтора дня трезвости лицо Костика разительно изменилось к лучшему, хотя моложе не стало: раньше одутловатое, теперь оно подобралось, сложилось в выразительные, философские, прах их побери, морщины.

- Костик, - зловеще-вкрадчиво молвил Сергей Арсентьевич. - Только честно... Ты что, собрался здесь навеки поселиться?

Кажется, Костик опешил. Вопрос был задан слишком прямо. До неприличия прямо.

- Н-ну... - Он замялся. - Скоро совсем тепло станет...

- Станет... - нежным эхом откликнулся Мурыгин. - Лето придет... А потом кончится. И что ты здесь будешь делать зимой?

- До зимы еще дожить надо, - уклончиво проговорил Костик.

- Тоже верно... - Мурыгин покивал. - А доживешь?

- В городе, думаешь, бомжевать лучше? - хмуро огрызнулся Костик. - Там сейчас и в подвалах конкуренция. Все норки заняты. Ткнут ножиком... Или придут эти... мальчишки из приличных семей с бейсбольными битами... попрактиковаться...

- Да почему бомжевать? - снова выходя из себя, воскликнул Сергей Арсентьевич. - Почему обязательно бомжевать?

- А как иначе? Дома нет, работы нет...

- Хорошо! Жрать ты что здесь будешь? Или думаешь, *он* тебе миску поставит?

Костик опечалился. Возразить было нечего.

- А что это нас давно не гладили? - недовольно спросил он, откровенно выходя из разговора. Огляделся. Брезентовый горбик возле обширного низкого пня окутывало знакомое золотистое мерцание, причем на этот раз оно казалось ярче, подвижнее...

- *Он* нам палатку там не рушит? - обеспокоился Мурыгин, и оба кинулись к брошенному имуществу.

Имущество оказалось цело и невредимо, зато нечто странное происходило с пнем. Вернее, уже произошло. Широкий неровный спил каким был, таким и остался, а вот по кромке расположились грозди иссиня-черных наростов, будто выдавленных из промежутка между корой и древесиной. Внезапно Сергею Арсентьевичу почудилось, что

воздух за его спиной уплотнился и подпихнул поближе к увенчанному смоляными наплывами пню.

Пошатнуло и Костика.

- Хм... - озадаченно сказал он и посмотрел на Мурыгина. Потом шагнул к странным образованиям и с опаской одно отломил. Раздался легкий, но сочный хруст.

- Черт-те что, - помыслил вслух Костик. - Не гриб, не кактус... Может, правда что-нибудь инопланетное?

Осмотрел, понюхал. Судя по выражению лица смельчака, аромат от обломка исходил приятный и соблазнительный.

- Костик! - сипло предостерег Сергей Арсентьевич. - Даже и не вздумай! Траванешься - кто тебя вытаскивать будет?

Стоеростин глянул через плечо, но не на Мурыгина, а в сторону овражка. Спасатели уже прибыли. В крайнем случае впрыснут чего-нибудь... откачают...

Куснул, жевнул - и, приподняв брови, замер. На секунду Мурыгин испугался, что Костик вот-вот закатит глаза и грянется замертво оземь. Ничего подобного! Сунул отломленное в рот целиком и сладострастно захрустел. Уставил на Сергея Арсентьевича очумелые глаза, затем снова нагнулся над пнем. На сей раз оторвал сразу два отростка: один - себе, другой - товарищу.

Тот попятился.

- Даже не предлагай! - решительно предупредил он.

- Ну и дурак! - сказал Костик.

* * *

Так Стоеростин и не уразумел, что ужаснуло Мурыгина. Отравиться боишься? Ну я ведь на твоих глазах только что ел - и хоть бы хны! Выглядит, что ли, чересчур экзотически? Да на рынках сейчас и не такую экзотику продают...

Нет, причина, конечно, была в другом. Вспомнилось Сергею Арсентьевичу им же самим произнесенное недавно слово «миска» - и ожгло подобно оплеухе. Все предыдущее - ладно, спишем как-нибудь, переживем. Ну, погладили, ну, с постели утром стряхнули... Но миска!..

Большого унижения Мурыгин просто представить не мог.

- В город со мной пойдешь? - отрывисто спросил он.

- Чего я там не видел! - хмыкнул Костик.

- Как знаешь, - холодно молвил Сергей Арсентьевич. Не прощаясь, подхватил сумку и двинулся по бывшей дороге, похожей теперь на коротко стриженный газон. Кстати, на месте исчезнувших домов травка тоже произрастала особенно охотно. Пожалуй, если произвести аэрофотосъемку, вышла бы довольно подробная карта материальных

убытков, где каждая пропажа отмечена зеленой заплаткой.

В Мурыгине просыпался бизнесмен. Не надо никакой аэрофотосъемки! Выйти в интернет, скачать снимок со спутника, распечатать, оформить и продать любителям уфологии, пострадавшим дачникам... Раисе Леонидовне, естественно, втридорога...

Спекуляции его были прерваны ласковым шершавым прикосновением большой незримой ладони, чудесным образом прошедшей сквозь одежду. Иди, котик, иди, погуляй... Вновь стало обидно за себя и за человечество. Фыркнул, встряхнул спиной...

К овражку успели подогнать чудовищных размеров автокран и теперь подводили тросы под брюхо амфибии. На прохожего внимания не обратили. Тот приостановился, поискал глазами старшего по званию, но все были настолько свирепы и сосредоточены, что Мурыгин решил не связываться и пошел дальше.

* * *

В телецентр его не пустили. Остановили на проходной, спросили имя и фамилию, долго шарили по каким-то реестрам и наконец ошеломили известием, что пропуск на Мурыгина почему-то не выписан.

- Наверно, забыли. Сейчас спросим. Вы в какую редакцию?

Сергей Арсентьевич и сам бы хотел это выяснить.

Однако стоило ему признаться, что явился он сюда, так сказать, самочинно, без предварительной договоренности, возле турникетика возник пожилой шкафоподобный охранник и попросил покинуть проходную. Вдруг террорист!

Вновь оказавшись на руинах тротуара с пробивающейся в разломах травкой (с советских времен, что ли, не ремонтировали?), Мурыгин сплюнул, закурил. Минуты через полторы турникет провернулся и стеклянная дверь отворилась, пропуская сутулого, смутно знакомого мужчину, чье длинное лицо, казалось, состояло даже не из морщин, а из каких-то наплывов, как на том пеньке. Вышедший поправил на плече ремень кофра и тоже достал пачку сигарет. Бегло кивнул Сергею Арсентьевичу, затем всмотрелся пристальнее.

- Никак Серега?..

Пришел черед всмотреться Мурыгину.

- М-м...

- Мстиша Оборышев, - любезно напомнил телевизионщик. - Совсем, смотрю, олигархом стал - не узнаешь...

Да-да-да! Мстиша Оборышев. Редакция культуры, если не изменяет память...

- Какими ветрами?

- Сенсацию пытался пронести... - сердито сказал Мурыгин. - Под

полой. Через проходную.

- Удачно?

- Нет.

- А, ну да... Вижу-вижу... Что за сенсация?

Мурыгин нахмурился:

- Как у тебя со временем?

- На пару затяжек хватит, - сообщил Мстиша, горбясь над зажигалкой. Огонек задувало. - На разговор - вряд ли. Сейчас машина должна подойти...

- А ч-черт... - Сергей Арсентьевич подхватил полузабытого знакомого под ручку, попытался в двух словах передать суть дела и почти сразу же был прерван.

- Погоди, старик, - озадаченно молвил Оборышев, высвобождая локоть. - Этот сюжет прошел вчера... В новостях.

- Как прошел?!

- Знаешь, очень неплохо. Можно даже сказать, симпатично... Дама там одна была, дачница, из потерпевших... - Умолк, моргнул. - Погоди-погоди... То-то я смотрю, фамилия знакомая - Мурыгина... Родственница, что ли?

- Жена, - глухо сказал Сергей Арсентьевич. - Бывшая...

- Во-от оно что... - протянул Мстиша, соображая.

На кургане, где возвышалась телебашня, было, как водится, ветрено. Сигаретный дым буквально выхватывало изо рта. Головные уборы норовили уйти в свободный полет.

- И что она там наплела? - спросил сквозь зубы Мурыгин, придерживая козырек кожаной кепки. - Паранормальщину всякую?

- Да нет... - Оборышев пожал свободным от кофра плечом. - Больше на справедливость нажимала, на бездействие властей... А паранормальщину плел экстрасенс... Все, как положено.

- Это которому ногу подшибло?

- Ну да... Был еще забавный такой мужичок... Председатель дачного товарищества, кажется...

- Тарах?! Быть-мыть? И он тоже?... - Мурыгин задыхался от злобы.

- Кстати, колоритно смотрелся... Так что прости, старик, но с сенсацией своей ты припоздал.

- Думаешь, все на этом закончилось?

- Думаю, да, - невозмутимо отозвался мудрый Мстиша Оборышев. - Жизнь-то убыстряется: что ни день, то новость... Подумаешь, поселок исчез! Тут мосты исчезают, каналы со шлюзами... О людях я уж не говорю. Мэр вон под суд загремел! Недели еще не прошло, а кто о нем помнит? Нигде ни слова, будто и не было его...

Что-то заурчало, решетчатые ворота раздвинулись, на потрескавшийся асфальт выкатился телевизионный микроавтобус. Оборышев извинился, отправил окурок в урну и отбыл, оставив

Мурыгина в состоянии столбняка.

Как говаривал в студенческие годы Костик Стоеростин: «Меня обворовали еще до моего рождения».

* * *

День не сложился. Наполеоновские планы Мурыгина разлетались в дым, не успев соприкоснуться с действительностью. Наиболее грандиозный, а стало быть, наиболее безумный прожект был связан, помнится, с получением крупной ссуды (уже фантастика!) и последующим приобретением за бесценок всей пострадавшей территории «Орошенца»... За каким, интересно, лешим? Предъявить *тому*, кто поселился на пустыре, свидетельство на собственность?

В подавленном настроении Сергей Арсентьевич купил на вечер кое-какие продукты и пустился в обратный путь. Пробирала тревога, одолевали недобрые предчувствия: вот, скажем, приедет он, а там уже и впрямь все обнесено тремя рядами колючей проволоки...

Предчувствия обманули. Дамба и грунтовка изрыты траками, овражек пуст, нигде ни единой пятнистой робы, ни единого морковного берета. Дачников тоже не видать. Одна живая душа на всю округу - Костик Стоеростин, умывающийся возле бетонного колодца. Стоящая рядом с ведром колба жидкого мыла, заимствованная из мурыгинского несессера, опустела на четверть.

- Ты хоть... поэкономнее, что ли... - расстроено заметил Сергей Арсентьевич. - Знаешь, сколько оно сейчас стоит? При наших финансах...

Костик поднял раскрасневшееся мокрое лицо, проморгался.

- Что это на тебя чистоплотность нашла? - упрекнул Мурыгин. - Самоходку, я гляжу, вытащили?

- Амфибию, - безрадостно поправил Костик.

- Ну, амфибию...

Выждал, пока Стоеростин соберет в пластиковый пакет умывальные причиндалы и смочет следы жидкого мыла с досок. Пошли к палатке.

- Представляешь, что эта сука сделала?.. - сдавленно начал Мурыгин.

- Какая?

- Раиса Леонидовна, естественно!.. Какие еще суки бывают?.. На телевидение вылезла... На день опередила! Даже здесь! Ты прикинь! Даже здесь... Сейчас, погоди, успокоюсь - подробнее расскажу...

Успокоился - и совсем уже было собрался приступить к подробному рассказу, но тут Костик повел себя крайне странно. Совершил резкий нырок, словно уворачиваясь от чего-то, отбежал на несколько шагов, обернулся, сжал кулаки.

- Пошел вон!.. - каким-то вибрирующим, на диво неприятным голосом исторг он в пространство. - Даже не прикасайся! Пошел вон, я сказал!..

- Ты... кому?... - еле выговорил Мурыгин.

- *Ему!* - бросил вне себя Костик и, с омерзением передернув плечами, вернулся на поросшую травкой дорогу.

- Что у вас тут произошло?

- А!.. - Костик махнул рукой.

Сергей Арсентьевич ошарашенно оглянулся на обезлюдевшее заовражье.

- Не со спасателями что-нибудь, надеюсь?..

- Нет...

Окончательно сбитый с толку Мурыгин последовал за рассерженным Стоеростиным. На пне творилось нечто феерическое. Наросты, короновавшие спил, стали заметно выше, крупнее, вычурнее и, что самое удивительное, приняли разные цвета. Казалось, яркие пятна зазывно помигивают. Обман зрения, скорее всего.

- Ага... - злорадно проскрипел Костик. - Подлизывайся, подлизывайся теперь... - Присел на травянистый бугорок, обернулся к Мурыгину, добавил сварливо: - Имей в виду, *он* не только гладит, *он* еще, оказывается, за шкуру берет...

- За шкуру?..

- Ну не совсем за шкуру... Поперек туловища... Дрессировщик хренов!

- Даже так?.. - осунувшись, пробормотал Мурыгин. Попытался представить, содрогнулся. - Слушай, - сказал он, присаживаясь рядом, - может, нам, пока не стемнело, в город вернуться?.. Давай решать.

Стоеростин не ответил. Ладно, пусть подумает. Тем более что и сам Мурыгин сильно сомневался в разумности своего предложения. Ну, допустим, вернуться... А дальше куда?

- Ну все... все... - расслабленно произнес Костик. - Помирились, отстань...

Сергей Арсентьевич неприязненно покосился на товарища. Стоеростин сидел с умиротворенно прикрытыми веками и блаженной улыбкой на устах. Потом за компанию погладили и Мурыгина.

С прискорбием надо признать, что принципиальностью Костик не отличался никогда. Упрямство - да, упрямство твердокаменное! А вот принципиальности ни на грош. Если ссорился с кем, то ненадолго, и, кстати, окружающие пользовались этим вовсю. Сколько раз внушал ему Сергей Арсентьевич: будь тверже, умей себя поставить! Это в советские времена страна была большой богадельней, а теперь с тобой никто нянчиться не будет. Демократия юрского периода! Сожрут и не подавятся. Оглянуться не успеешь - окажешься без денег, без дома...

Не внял добрым советам - так в итоге и приключилось.

- Слушай!.. - не вынес Мурыгин. - Но это унижительно в конце концов - за шкуру! Ты еще мяукать начни, с бантиком на веревочке начни играть... А как же, прости за напыщенность, человеческое

достоинство?

- Чего-чего?.. - не поверил своим ушам Костик. Оглянулся, уставился изумленно. - А когда из тебя долги вышибали, где оно было, это твое человеческое достоинство? За шкуру! Тебя там, думаю, даже и не за шкуру брали...

Мурыгин поперхнулся. О том, как из него вышибали долги, он бы предпочел не вспоминать вообще.

- Или вот работал ты в газете, - с неспешной безжалостностью продолжал Костик. - Был ласков с начальством. Редактору подмурлыкивал, заведующему отделом... Потом нашкодил не там, где положено, и вышвырнули тебя на улицу... Скажешь, не так?

- Не так! - сказал Мурыгин. - Я тогда на принцип шел!

Костик всохотнул.

- Ну да, ну да! Раз пострадал, то, значит, за правду... Знаешь, не удивлюсь, если выяснится, что кошки тоже шкодят из принципа. Ну, а как насчет Раисы свет Леонидовны?.. Она-то тебя за что вышвырнула? Тоже за правду пострадал или все-таки нашкодил?..

Мурыгин хотел встать, но Костик его удержал.

- Серый... - проникновенно молвил он. - Пойми, каждый из нас в какой-то степени кот... Вот ты, например, меня сегодня утром у колодца носом в пасту натыкал... Я ж не обижаюсь!

Сергею Арсентьевичу стало неловко. Вставать раздумал.

- Что-то жрать хочется, - сообщил он, расстегивая сумку. - Ты как?

- На подножном корму, - с достоинством отвечивал Костик. - Полна миска деликатесов...

- Правда, что ль, деликатесы? - усомнился Мурыгин.

Стоеростин тут же сходил к пеньку, принес образцы для дегустации. Мурыгин, посомневавшись, принял из рук друга увесистый багровый отросток, пахнувший копченостями, отведал с опаской... Да. Это не пища. Это снесь.

- Все на вкус одинаково?

- Черное было все одинаково. Вроде отбивной... А подлизываться начал - сам видишь: и цвет разный, и вкус... Не знает уже, чем угодить. Малиновую попробуй...

Мурыгин попробовал'. Нет, малиновая, пожалуй, на десерт.

- Ладно, убедил. Только подожди минутку. Сейчас вернусь... - И Сергей Арсентьевич поднялся с пригорка, прикидывая, за которое дерево отлучиться.

- Ящичек - там, - глуховато сообщил Стоеростин и ткнул пальцем куда-то в сторону осинової рощи.

- Ящичек? - не понял Мурыгин.

- Туалет, - отрывисто пояснил Костик. Лицо его снова стало сумрачно, чтобы не сказать, угрюмо. - Горшочек. У рощи ложбинка, а в ней вроде как дымок такой по дну стелется... сероватенький... Вот только туда. И

никуда больше.

Глава 6

Обед был изобилен и упоителен. Они гурманствовали, они выбирали отrostки различных оттенков и сравнивали на вкус, они закатывали глаза и щелкали языком.

- Мяу... - жалобно произнес кто-то неподалеку.

Обернулись. В пяти шагах от палатки сидела склонная к полноте кошечка щучьей расцветки и взирала на них, словно бы вопрошая безмолвно: «Есть ли у вас совесть или хотя бы окорочок?». Приметная кошечка - с двумя рыжими подпалинами на загривке. Костик отломил и бросил.

- Зря, - сказал Мурыгин. - Приучишь - повадятся. Весь пенек объедят...

Изнемогающая от голода кошка понюхала угощение, брезгливо передернула шкуркой и негодующе потрясла задней лапой. Только что не прикопала.

- Ну знаешь! - возмутился Костик. - Будешь тут еще... изображать... - Затем его осенило. - А-а... Жратва-то, выходит, растительная, если кошки нос воротят...

- А огурцы лопают, - возразил опытный дачник Мурыгин. - Прямо со шпалеры. Снизу подъедают. Приходишь утром - болтается пол-огурца. Как фрезой срезано... Знаешь что? У меня там консервы в сумке... Не отвяжется ведь!

Стоеростин сходил за банкой сардинок, принялся вскрывать. Киска обезумела и с жаждающим воплем полезла под нож. Она уже не мяукала, а блеяла. Пришлось ее отбрыкнуть. А по травянистой дороге, воздев хвосты, галопом неслись на звук зверей пять - вся банда.

- Так... - сурово сказал Костик и, продолжая орудовать ножом на весу, двинулся им навстречу. Окруженный и чуть ли не увешанный кошками, он одолел треть расстояния до овражка и поставил банку на землю. На том месте, куда он ее опустил, вскипел мохнатый бурун.

- Порядок, - заверил Стоеростин, вернувшись. - Харчимся спокойно - миске нашей ничто не угрожает. Разве что коза какая-нибудь забредет...

- А вот интересно, - сказал Мурыгин. - Они его видят?

- Кошки-то? Очень может быть... Есть у меня, Серый, такое чувство, что если мы посмотрим их глазами, то очутимся даже не на другой планете, а в другом измерении...

- А он?

- Что он?

- Как он к нам относится? Так же, как мы к ним?

Уловив в голосе Мурыгина трагическую нотку, Костик глянул искоса и рассмеялся.

- Дорогие мыши, - сказал он. - Как хотите, чтобы с вами поступали кошки, так и вы поступайте с ними... - сладко потянулся, зевнул. - Кстати, а не вздремнуть ли нам?.. После сытного обеда по закону Архимеда...

* * *

Они вынули из палатки драный клетчатый плед, однако стоило возлечь, как под спины мягко подсунулось нечто невидимое - и оба оказались вознесенными на полуметровую высоту. Мурыгин от неожиданности охнул, дернулся, после чего ему успокаивающе огладили пузико.

Нет, это уже слишком! Сергей Арсентьевич мысленно проклял себя и тот миг, когда он, поддавшись соблазну, принял угощение из миски. Стиснул зубы, скосил гневный глаз на Костика. Тот спокойно лежал на спине и глядел во влажно-синее мартовское небо.

- Знаешь такую легенду? - задумчиво молвил он. - Как кошка спала на плаще Магомета...

Мурыгин буркнул, что нет.

- Магомет сидел, размышлял, а кошка спала. Ему уже уходить пора, а она все спит. Ну и, чтобы не будить кошку, отрезал он край плаща и так ушел...

- И что?

Ответ последовал не сразу. Устремленные в небо глаза Костика были почти мечтательны.

- Сильно подозреваю... - сообщил он как бы по секрету, - что кошка просто притворялась спящей...

Услышанная притча при всей своей многозначительности несколько не обрадовала Сергея Арсентьевича.

- Но гордость-то какая-то быть должна!.. - взвыл он.

- Тебе есть, чем гордиться? - удивился Костик.

- А тебе?

- Мне - нечем.

- Ах нечем?.. - Мурыгин задохнулся. - Ладно... Твои проблемы! Юродствуй дальше... Но ты - человек! Стало быть, как ни крути, а представитель человечества! И вот уж тут, будь добр...

Костик усмехнулся.

- Знаешь, - повинился он. - Если бы человечество не состояло из людей... я бы его уничтожил.

Мурыгину пришлось сосчитать до десяти.

- Это единственная причина, по которой ты его до сих пор не уничтожил? - сквозь зубы осведомился он.

- Нет, - с сожалением сказал Костик. - Но эта причина - главная... Сколько можно? Теракты, зачистки, Наполеоны, Тамерланы... Кого по отдельности ни возьми - хороший ведь человек, а как впишется в систему - сволочь сволочью... Де-ти!.. - слезливо-проникновенным голосом старушенции-училки призвал он вдруг. - Любите родную историю, это месиво грязи и крови...

- Придурок!.. - с отвращением бросил Мурыгин.

Некоторое время парили молча. На воздушном океане. Точнее, на самом его мелководье. Почти полный штиль - так, колыхало иногда. Рядом плавали над землей бежевая куртка с черным плащом, две пары обуви, лыжная шапочка и кожаная кепка. А пригревало все сильнее. Загорать впору.

- Ну, не знаю... - сдавленно произнес Мурыгин. - Не хочу я становиться чьим-то домашним животным.

- А куда ты денешься? - лениво отозвался Костик. - Собственно говоря, выбор у тебя сейчас один: либо вернуться в город и пойти в мышеловы к работодателю (если получится, конечно), либо остаться здесь, где от тебя ничего особо не требуют... где о тебе заботится некто незримый, таинственный... нездешний...

Разморило Костика: вещал, засыпая. Потом ни с того ни с сего проснулся, приподнялся на локте.

- Достал ты меня, Серый! - неожиданно ясным голосом объявил он. - Ну нельзя же верить всем и каждому! Тем более мне. Вот запали тебе в башку эти коты. Ну с чего ты взял, что коты?

Мурыгин растерялся.

- Но ведь... все же совпадает... Все!

- Все совпадает со всем! - отчеканил Стоеростин. И еще раз - чуть ли не по складам: - Все на свете совпадает со всем на свете! Что за народ такой... - хмыкнул, распростерся. - Пришли коммунисты, сказали: Бога нет... Ура-а, Бога нет!.. Пришли православные, сказали: Бог есть... Ура-а, Бог есть!.. Пришел Костик Стоеростин, сказал: коты... Ура-а, коты!.. Думать когда самостоятельно станем?

Ошеломленный внезапной тирадой друга Мурыгин моргал.

- Позволь, но...

- Предположим... - безнадежно, с бесконечным терпением в голосе пропустил сквозь зубы Костик. - Согласился ты участвовать в ответственном эксперименте. Во благо страны. Или там, я не знаю, во благо фирмы. Заперли тебя в сурдокамеру. И чем же ты после этого не домашний кот? Заботятся, кормят, поят, на улицу гулять не выпускают, вынуждают делать что-то невразумительное... - снова взбрыкнул, привскинулся на локте. - А хочешь, я сейчас докажу, - предложил он в запальчивости, - что хозяин наш не кто иной, как Господь Бог собственной персоной? А то, что Он с нами проделывает, - десять заповедей в чистом виде! Хочешь?

Мурыгин заробел и сказал, что не надо.

- Да, но... зачем тогда... коты? - помолчав, спросил он в тоске. - Может, сменим терминологию, а?..

- Предпочитаешь Господа Бога?

- Нет, ну... это уж кощунство...

- Какой ты все-таки, Мурыгин, ранимый, - заметил со вздохом Костик, освобождаясь от свитера. - Можно подумать, оптовым складом никогда не владел! Коты ему не понравились, видали?..

Сложно сказать, что случилось раньше: мгновенное приземление на драный плед или же пугающе знакомое «умб!..» на заливном лугу. По логике, он должен был сначала их скинуть, а потом уже кого-то шугануть, но это по логике... В сторону так называемого островка (проще говоря, небольшой плотной толпы верб) улепетывали трое мальчуганов, одетых скорее по-зимнему, нежели по-весеннему.

- Откуда они тут? - не понял Костик. - Не из города же...

Мурыгин смотрел и неодобрительно качал головой. Дачник со стажем, он хорошо знал, кто это и откуда. Из Пузырьков. Так в просторечии именовалось брошенное на произвол судьбы отделение ликвидированного колхоза, вечная головная боль «Орошенца». Утративши связь с землей, жители Пузырьков промышляли теперь чем попало, в том числе и кражами со взломом. Работали по принципу семейного подряда: днем детишки высматривали объект, а взрослые приходили ночью.

Поздновато пожаловали. Во-первых, середина марта, сезон грабежей, считай, кончился, а во-вторых... что теперь грабить-то? Мурыгин обулся, встал.

- Да... Скорее всего... - задумчиво молвил он.

- Что скорее всего?

- Скорее всего, ты прав... Какой смысл брать с улицы двух старых ободранных котов? Берут обычно котят...

- Ну, не всегда, - возразил Костик. - Мой, например, уже здоровый был, когда я его подобрал... по пьянке...

- И все-таки, согласишься, странное предпочтение. Я бы на его месте пригрел кого-нибудь из этих пацанов. Такие же приبلудные... во всяком случае, с виду...

- Не исключено, что у нас аура редкой расцветки, - предположил Костик. - С подпалинами...

Из-за вербного островка показался один из мальчишек. За ним явились и остальные. Осторожно двинулись к пустырю. Надолго нырнули в лозняк - должно быть, решили посоветоваться...

- Смотри-ка, мало показалось... - уважительно заметил Костик.

Мурыгин выглядел более озабоченным.

- Ну вот куда их несет? Опасно же! - Он обернулся к Стоеростину. - Прямо хоть в самом деле колючей проволокой обноси... по периметру.

- Пролезут, - заверил тот. - Погоди, еще экстремалы повадятся. Представляешь, кайф - пересечь пустырь все равно как под бомбежкой? Адреналину-то, адреналину! Веселая нас ждет жизнь...

- Но власти же должны какие-то меры принять?!

- Должны... - равнодушно согласился Костик. - Перечислить, что они у нас еще должны?.. Серый! Насколько я понимаю, навару с нашего пустыря - никакого. Ну а раз так, то кто этим сейчас будет заниматься? Ну, приедет какой-нибудь ученый безумец...

- Нет, позволь! - возмутился Мурыгин. - Как это никакого? Это ж, по сути, новое оружие в перспективе... Противотанковое, противопехотное...

Судя по кислому выражению стоеростинского лица, восклицание Сергея Арсентьевича никого ни в чем не убедило.

Умб!..

- Ты знаешь, по-моему, им понравилось... - сказал Костик. - До вечера не уймутся...

И оказался не прав. На третью попытку пацанва не отважилась - торопливо подалась через заливной луг к Пузырькам. Как бы они, чего доброго, взрослых не привели...

- Всю сиесту поломали... - С недовольным видом Стоеростин улегся на плед, пощупал бугристое твердое ложе. - Не понял!.. - в крайнем раздражении спросил он окрестное пространство. - Так и будем теперь без подстилки?

И на глазах Мурыгина медленно всплыл над землей.

Глава 7

Вдалеке трижды прозвучал нетерпеливый автомобильный гудок. Упругий воздух под Сергеем Арсентьевичем дрогнул. Это лежавший рядом Стоеростин привстал поглядеть, а *тот*, на ком они покоились, наверное, уловил движение и шевельнулся.

- Кого еще там принесло? - спросил Мурыгин, не размыкая просвеченных солнцем век. - Никакого покоя от них...

- Прибыл кто-то, - сообщил Костик. - Лежи-лежи... Я так думаю, что ничего интересного нам не покажут. Въезжать боится - за оврачком тормознул... Из ваших, видать, из шуганутых уже...

Вновь прозвучал троекратный вопль сигнала.

- Черти его надирают! - сказал в сердцах Мурыгин и сел.

Глаза навелись на резкость не сразу, округа плыла цветными бликами. Наконец смутное оливковое пятно за оврачком собралось в хорошо знакомый «шевроле», возле распахнутой передней дверцы которого обозначилась женская фигурка. Опять-таки знакомая до слез.

- Боюсь, по мою душу... - Сергей Арсентьевич нахмурился, взял из воздуха итальянские ботинки на меху, принялся обуваться. - Ну вот какого ей рожна еще надо? Все уже вроде забрала...

- Неужто Раиса Леонидовна? - ахнул Стоеростин.

Мурыгин неловко съерзнул на грешную землю и, оставив вопрос без ответа, двинулся навстречу неизбежному.

- Понадобится помощь - кричи фальцетом... - сказал ему в спину Костик.

Раиса Леонидовна прекратила сигналить и теперь смиренно ждала приближения блудного мужа. Даже издали было заметно, что его очевидное нежелание прибавить шаг причиняет ей нестерпимую душевную боль.

- Привет, - осторожно промолвил он и остановился, немного не дойдя до «шевроле».

Она сняла очки, поглядела с упреком.

- Ты о дочери подумал?

Умение наводить оторопь первым вопросом, наверное, было у Раисы Леонидовны врожденным. Подумал ли Мурыгин о дочери? В данный момент или вообще? Да нет, наверное, давно уже не думал. Когда тут думать, в такой круговерти и свистопляске? Мурочка третий год училась в Москве, время от времени присылая эсэмэски, в которых либо просила денег, либо сообщала, что вскоре выйдет замуж. Имя избранника каждый раз прилагалось новое.

- У нее что-нибудь случилось?

Раиса Леонидовна не поверила услышанному. Цинизм бывшего супруга (знать бы еще, в чем он заключался!) просто потряс ее.

- И ты спрашиваешь, что у нее случилось?! Беда случилась! У нее свадьба вот-вот!..

- У нее она всегда вот-вот...

- Нет, на это раз точно! Я дачу продать собиралась...

- Не представляю, как ты это теперь сможешь сделать...

В изнеможении Раиса оперлась на открытую дверцу. Кто не в курсе, решил бы, что сейчас в обморок упадет.

- Почему ты здесь? - через силу спросила она. - И кто это там с тобой?

- Там со мной небезызвестный тебе Костик Стоеростин...

- Да уж... небезызвестный...

- ...а почему я здесь, ты знаешь не хуже моего.

- Это не твой участок!

- И не твой, - сказал Мурыгин. - Если ты про наш с Костиком бивак, то он на участке Тараха... Тимофея Григорьевича Тараха. Не веришь - поди проверь...

Оба прищурились и посмотрели на брезентовый прыщик палатки. За долгие годы супружества Сергей Арсентьевич научился врать жене вдохновенно и виртуозно. Отсюда и впрямь было не разобрать, на

чьей территории разбит лагерь. Вдобавок воздушная дрожь над прогретой почвой настолько искажала картину, что, не зная Мурыгин всей правды, ему бы тоже показалось, будто Костик там, вдали, просто валяется на травке, а слоистый просвет под ним лишь мерещится.

Опытный Сергей Арсентьевич и мысли не допускал, что Раиса попрется на пустырь проверять - обманывают ее или нет. В отличие от супруга дважды она одну и ту же ошибку не совершала никогда.

- Лучше скажи, за каким лешим ты на телевидение вылезла?

Лицо Раисы Леонидовны окаменело.

- Но я же не знала... - с мукой произнесла она. - Откуда мне было знать... Он еще в Египте был...

- Кто?

- Какая разница?!

Мурыгин озабоченно потрогал собственную голову, словно бы проверяя на размягченность. Оказывается, напрочь успел отвыкнуть от контактов подобного рода. Даже с Костиком беседовать легче...

- Обрыщенко, - глухо призналась она.

- Обрыщенко?

Речь шла о владельце одного из пропавших особняков. Весьма значительная личность. Завод, магазины, строительство, а уж в депутаты подался - так исключительно ради юридической неприкосновенности. Не будь его, давно уже не было бы и «Орошенца».

- А при чем тут Обрыщенко? Он что, участок купить хочет?

- Да! И не один участок, а все! Разом!

Сергей Арсентьевич онемел секунды на три. Вот времена! Что ни придумай - тут же украдут. «Меня обворовали еще до моего рождения», - вспомнилось опять давнее изречение Костика.

- В смысле... скупить все, что за оврагом?..

Бывшая спутница жизни всхлипнула, достала платочек. Начиналась вторая стадия убеждения - плаксивая и многословная. Знать бы еще, в чем Мурыгина собирались убедить!

- Когда это все случилось... - быстро и сбивчиво заговорила Раиса Леонидовна, - написали мы заявления... в милицию... в полицию... На телевидение вышли. А Обрыщенко был в Египте... Приехал - за голову схватился... Вы что, говорит, дураки?..

- Так и сказал?!

- Ну, не сам, конечно... Через Тараха...

- А-а... быть-мыть... Ну-ну?

- Вы что, говорит, натворили? Какие заявления, какие интервью?.. Шум поднимется, из Москвы комиссия приедет, а у нас земельный статус изменен незаконно - под застройку! Мало мне разводного моста было? Тоже приехали аэродинамику проверять, а там - разводка на

миллиарды!..

- Та-ак... - восхищенно выдохнул Мурыгин. - И?..

- Компенсацию вам; говорит, по такому иску никто никогда не выплатит... - захлебывающимся шепотом продолжала Раиса Леонидовна. Глазки испуганно, блуждают, платочек прижат к губам. - Заново отстроиться не сможете - там, сами говорите, вон чего творится... И предложил так: готов скупить все участки... ну, которые пострадали... за определенную цену...

- Это какую же? - любопытно спросил Мурыгин.

- Определенную, - твердо повторила бывшая супруга, отняв платочек от решительно поджавшихся губ.

- Ну да, ну да... - Сергей Арсентьевич покивал. - С паршивой овцы хоть шерсти клок... На свадьбу-то хватит?

- На свадьбу хватит.

Мурыгин подумал.

- Даже если определенную! - сказал он. - На кой ему черт такие траты?

- Не поминай нечистого! - немедленно одернула набожная Раиса Леонидовна, и лик ее стал светел.

- Всеуе, - мрачно добавил Мурыгин. Оглянулся на пустырь. - Хотя понятно... Говоришь, незаконное изменение земельного статуса?.. Да-а, везет Обрыщенке... Только-только выпутался с разводным мостом, а тут новый скандалчик... Условия ставил?

- Конечно. Никому ни звука, особенно журналистам, и на территорию больше ни ногой! Заявления мы забрали, газетчиков гоним...

Сергей Арсентьевич заморожено оглядывал безлюдную местность. Вот, значит, в чем дело... Крыльцо под стрельчатой аркой, что за штакетником, было вновь оккупировано пестрой кошачьей бандой. Пятеро дрыхли, шестая наводила марафет. На верхнем щупальце голого спрутообразного виноградника сидела синичка и грязно оскорбляла чистюлю:

- Ети-етить!.. Ети-етить!..

Та не обращала внимания и продолжала вылизываться.

- Так что от меня требуется? - спросил Мурыгин.

- То есть как что требуется?.. Забирай своего Стоеростина и чтобы духу вашего здесь не было!

- Прости, не понимаю... Ну, завелись на чьей-то территории два бомжа... Тебе-то что за печаль? Мы в разводе...

- Ты - бывший владелец! И фамилию я не меняла! А Обрыщенко уже тени своей боится... Спугнешь - Мурочку без гроша оставишь!

- Очень мило... - озадаченно вымолвил Мурыгин. - И куда же нам теперь с Костиком?

- А вот это, прости, не мое дело! Раньше надо было думать - когда пьянствовал и прелюбодействовал...

Последнее слово она выговорила старательно, как первоклассница.

- А если не уберусь?

Выпрямилась, вскинула подбородочек, став при этом удивительно похожей на кого-то.

- Тебе не дорога твоя дочь?..

И закатила паузу.

Ах, черт возьми! Ну, конечно же, на кошечку щучьей расцветки с двумя рыжими подпалинами, когда та сидела поодаль, безмолвно вопрошая, есть ли у них с Костиком совесть, - вот на кого... Да, один в один. Сопротивляться бессмысленно. Все из души вынет!

- Н-ну... разве что ради дочери... - хладнокровно молвил Сергей Арсентьевич, повернулся и, ничего больше не прибавив, пошел обратно.

- Постой... - ошеломленно окликнула она.

Мурыгин обернулся. У Раисы Леонидовны было такое глупое лицо, что при других обстоятельствах ее бы даже захотелось соблазнить. Повторив тем самым ошибку двадцатилетней давности.

- Я... могу вас отвезти в город...

- Нет, - сказал Мурыгин. - В городе нам делать нечего. Ты же нас не приютишь?

- Естественно!

- Стало быть, заночуем в Пузырьках...

* * *

Костик Стоеростин по-прежнему парил в эмпиреях. В полуметре над драным пледом.

- Я уж думал, ты не вернешься, - приветствовал он Мурыгина.

- Куда бы я делся? - буркнул тот.

- Как куда? Подхватила бы - и в загс... Долгонько вы что-то. Чего приезжала-то?

Мурыгин потрогал ладонью воздух, пытаясь нащупать незримую субстанцию, на коей возлежал Стоеростин. Нащупал. Бережно был посажен и обласкан. Разулся, скинул куртку.

- Ты не поверишь, - сдавленно сказал он.

- Поверю, - успокоил Костик. - Всему поверю... Рассказывай давай.

Их отвлекло появление все той же кошечки, не иначе увязавшейся за Мурыгиным от самого овражка. Покрутилась возле палатки, потом, к изумлению обоих, зашла под него и там разлеглась.

- Ты, дура! - вымолвил Стоеростин. - А если умб? Как раз на тебя и грохнемся...

Ухом не повела. Костик потыкал кулаком в упругое ничто.

- М-да... - разочарованно молвил он и вновь повернулся к Мурыгину: -

Ну так что у тебя?

Тот принялся рассказывать. Стоеростин внимал, не перебивая, и лишь лицо его становилось все задумчивее и задумчивее. Мурыгин уже умолк давно, а Костик вроде бы продолжал слушать, изредка даже кивая. Потом очнулся.

- Допустим, скупит, - сказал он. - Этот ваш... как его?..

- Обрыщенко.

- Да, Обрыщенко... А дальше что? Поставит таблички «Частная собственность»? Грибники такие таблички в гробу видали... Значит, все-таки забор, может быть, даже колючая проволока... внешняя охрана... потому что внутреннюю хрен поставишь... Так?

- Н-ну...

- То есть окажемся мы с тобой перед выбором... Куда податься? Либо мы по ту сторону забора, либо по эту...

- Они еще только договариваются, - напомнил Сергей Арсентьевич. - Не удивлюсь, если Обрыщенко в итоге всех обует. Но, знаешь, ты прав. От вылазок в город мне пока стоит воздержаться...

- А твои прожекты? - подначил Костик. - Не ждать милостей от природы, подняться со дна, вернуться в общество...

- Прожекты? - с горечью переспросил Мурыгин. - Те, которые ты в прошлый раз оборжал?

- И что?.. Я рушил твои мечты, но я их, черт возьми, не запрещал хотя бы! Так что, имей в виду, сейчас я полностью на твоей стороне...

Мурыгин вздохнул.

- Ты - жертвенная натура, - с уважением сказал Стоеростин, так ничего, кроме вздоха, и не дождавшись. - Таким не место в бизнесе... Раиска у тебя в руках. Причем сама виновата, никто ее за язык не тянул! Определенная сумма? Вот пусть платит за молчание определенный процент с определенной суммы... Не дергайся - шучу!.. Нет, но какая наглость! Собирайте манатки и уматывайте... Что ты ей ответил? Послал, надеюсь?

Мурыгин ожил. Даже ухмыльнулся.

- Ничего подобного... Сказал, что ради дочери готов на все. Заночуем в Пузырьках...

Стоеростин обомлел.

- Позволь... У тебя там кто-то знакомый?

- В Пузырьках? Нет.

- А как же мы тогда...

- А так...

- Это в смысле... никуда не идем?

- Ну ты сам подумай! Куда мы отсюда попремся?

Костик моргал.

- Да... - вымолвил он наконец. - Давненько я не был женат...

Глава 8

Внезапно лица тронуло холодком. Вскинув глаза, увидели, что с востока прет огромная мутная туча. Спустя пару минут она сглотнула солнце и погрузила округу в зябкий сумрак. Кошечки с подпалинами нигде не наблюдалось. Чуткие твари, на все реагируют заранее...

- Чуть не забыл спросить, - несколькими замороженным голосом промолвил Сергей Арсентьевич. - А от дождя ты здесь где укрываться намерен? Подстилка-то снизу, а не сверху...

Оба с сомнением посмотрели на дырявую палатку.

- Колодец! - Костика осенило. - Он же у вас крытый! Под крышей и переждем... Давай хватай шмотки - и вперед!

- А добежим?.. - усомнился Мурыгин.

Не добежали - накрыло на полпути, причем не дождем, а снегом. Рванул ветер, закрутило, замело. Остановились, переглянулись. Ну, снег - не ливень, снег можно и в палатке переждать.

Пошли было обратно - и остановились вновь. Впереди шагах в тридцати от них круглилось нечто вроде осевшего на траву гигантского мыльного пузыря, внутри которого смутно различались пень и палатка. Одно из двух: или полушарие это возникло минуту назад, или в ясную погоду оно просто не было заметно и проявлялось только во время дождя, снегопада и прочих стихийных бедствий.

- Заботливый... - вымолвил Костик, завороченно глядя на новое диво.

- Навесик соорудил... над мисочкой...

Приблизились вплотную, дотронулись - неуверенно, словно бы опасаясь, что пузырь лопнет. Никаких ощущений. Изогнутая поверхность, противостоящая мартовскому ненастью, осязательно не воспринималась. Зачем-то пригнувшись, прошли внутрь и очутились в незримой полусфере, по своду которой метался снег.

Кабы не пень и не палатка - простор, господа, простор! Прозрачная юрта достигала метров двух в высоту, а в диаметре, пожалуй, что и четырех. Было в ней заметно теплее, а главное - тише, чем снаружи. Ветер сюда тоже не проникал. Как, кстати, и звуки.

Обмели плечи, ударили головными уборами о колени. Внезапно Стоеростин замер, словно бы о чем-то вспомнив, и снова покинул укрытие. Видно было, как он, одолевая мартовскую метель, отбежал шагов на десять, во что-то там всмотрелся, после чего, вполне удовлетворенный, вернулся.

- Порядок! - известил он, повторно снимая и выколачивая вязаную шапочку. - Над горшочком - тоже навесик...

Мурыгин, явно размышляя над чем-то куда более важным, машинально очистил бежевую куртку от влаги, сложил, пристроил на

драный клетчатый плед. Поглядел на палатку.

- Как же так? - спросил он в недоумении. - Дачи рушит, а убоище это твое под крылышко берет...

Костик поскреб за ухом.

- Н-ну... она и сама вот-вот в клочья разлезется... Лет-то уже ей сколько?.. А может, наша - потому и не трогает...

- Интересно... - продолжил свою мысль Мурыгин. - Если, скажем, попробовать отстроиться...

- А смысл? Участок не сегодня-завтра Обрыщенке отойдет.

- Какая разница: Раиса, Обрыщенко... Хрен редьки не слаще.

- Да нет, Раиса, пожалуй, слаще, - подумав, заметил Костик. - Ты пойми, я, конечно, желаю твоей дочери всяческого благополучия и счастья в личной жизни, но, знаешь... я бы предпочел, чтобы все оставалось как есть...

- Да я так, теоретически... Позволит, не позволит?

- Кто? Он или Обрыщенко?

- Разумеется, он.

- Вряд ли, - сказал Костик. - Даже стройматериалы не даст завезти. Ни нам, никому. Еще и за шкуру оттреплет... А чем тебе здесь плохо?

- Воды нет. Что же, каждый раз к колодцу бегать?

- Да, воды нет, - печально признал Костик. - Это он зря... Порядочные хозяева так не делают, две миски ставят. Жратва жратвой, а приютил - так пои...

Окинул критическим оком тихий приют. Темновато. Вечереет, а тут еще снегопад...

- А вот мы сейчас свечечку запалим, - пообещал Костик и полез в палатку. Та рухнула. Чертыхаясь, выбрался из-под драного брезента, но восстанавливать ничего не стал. Действительно, какой смысл?

* * *

Вскоре стало совсем уютно. Ветер снаружи, надо полагать, утих, и снег, чуть позолоченный огоньком свечи, теперь скорее лился, чем скользил по гладкому нематериальному куполу, слагаясь понизу в этакий кольцевой внешний плинтус четырех метров в диаметре. Забавно, однако сам огонек ни в чем не отражался.

- По-моему, все складывается неплохо, - молвил Костик. - Дня два нас точно никто не потревожит...

Стоеростин был доволен. А вот Сергей Арсентьевич хмурился. Закурил, протянул пачку приятелю.

- Не хочется что-то, - сказал тот.

- Окончательно расторгаешь связь с цивилизацией?

- Угу...

Мурыгин спрятал сигареты и принялся изучать Костика. Честно сказать, самому курить не хотелось - из принципа закурил.

- Неужто и бутылка цела?

- Даже не притронулся...

- Плохо дело... - Сергей Арсентьевич затянулся, дунул в незримую стену - посмотреть, что получится. Дым подхватило и вынесло наружу.

- Этак *он*, я гляжу, тебя от всех дурных привычек отучит. И будешь ты у нас кот ученый...

- И днем, и ночью, - торжественно подтвердил Стоеростин.

- А ты обратил внимание, что все твои будущие достоинства начинаются с частицы «не»? Не курить, не пить...

- Как и большинство заповедей, - ответил Костик, позабавленный серьезностью мурыгинской физиономии. - Не убий, не укради... не прелюбодействуй...

Будто нарочно выводил Сергея Арсентьевича из себя.

- Я не о том, - еле сдерживаясь, проклокотал он. - Я примерно знаю, что ты будешь здесь *не делать*... Что ты здесь *делать* будешь, вот вопрос!

Костик скорчил унылую гримасу, прилег на плед.

- Делать! - с отвращением выговорил он. - Созидать!.. Ну вот строили мы при советской власти коммунизм... Согласен, наивность полная... Но я хотя бы мог эту наивность понять! Светлое будущее, венец всему, ля-ля тополя... А что мы строим сейчас?..

- Только без политики, пожалуйста, - попросил Мурыгин.

- Никакой политики! - заверил Костик. - Одна философия. Церковь учит: впереди конец света. И, насколько я понимаю, каждый сознательный православный должен всячески его приближать. Ибо конец света - это еще и Суд Божий. Так или нет?.. То есть мы сейчас строим конец света. И очень неплохо строим, обрати внимание! Страна рушится, зато каждому отдельно взятому мерзавцу живется все лучше и лучше...

- Почему обязательно мерзавцу?

- Потому что остальным живется все хуже и хуже... Неужели это так сложно, Серый?.. Ну не хочу я участвовать в ударном строительстве Апокалипсиса!

В тягостном молчании Мурыгин выщелкнул дожеженный до фильтра окурок во внешнюю тьму.

- Повезло тебе... - съязвил он. - Явилось нечто инопланетное и приютило... Так сказать, отмазало от необходимости бороться за свое благополучие... за жизнь...

- За существование, - поправил Стоеростин. - У Дарвина: борьба за существование.

- Знаешь что? - выдавил Мурыгин. От злобы сводило челюсти. - Ты даже не кот. Ты - хомячок.

Словно клеймо на лбу выжег. Костик моргнул.

- Хомячок? Почему хомячок?

- Потому что жвачное!

- Жвачное?... Хм... Ты уверен? По-моему, они грызуны...

- Значит, грызун!

Озадаченный яростью, прозвучавшей в голосе приятеля, Костик недоверчиво взглянул, еще раз хмыкнул, потом дотянулся до миски, отломил мясистый побег алого цвета, повертел, как бы забыв, что с ним делать дальше.

- Жвачное... - с интересом повторил он и вдруг признался: - Ты не поверишь, но я всю жизнь мечтал стать вегетарианцем...

От неожиданности у Мурыгина даже судорога в челюстных узлах прошла.

- Ты? Вот бы не подумал... А причины?

- Зверушек жалко. Помогал однажды барана резать... за ноги держал... С тех пор и жалко.

- И что помешало? Я имею в виду, стать вегетарианцем...

- Дорого... - вздохнул Костик. - Зверушки дешевле...

Отправил сорванное в рот, прожевал. Затем отломил еще.

- А ты уверен, что это именно растения? - спросил Мурыгин.

- Ну если на пеньке... И кошка тогда есть не стала...

- Ничего не доказывает! - мстительно объявил тот. - Может, у них как раз зверушки такие... вроде наших губок. А ты их - живьем...

- Мне главное, чтобы оно не вопило, когда я его срываю, - жуя, объяснил Костик. - Ногами не дергало...

Кажется, обстановка под незримым куполом накалялась вновь. Слишком уж неистово смотрел Сергей Арсентьевич на Стоеростина.

- Чав-чав... - произнес он наконец еле слышно.

- Что?

- Чав-чав... - все также негромко, но внятно повторил Мурыгин, не отводя казнящего взгляда. - Поспали - поели. Поели - поспали. Чав-чав...

- Ты о смысле жизни?

- Примерно так...

Вызов был принят. Теперь уже Костик неистово смотрел на Мурыгина. Потом встал. Мурыгин тоже встал. Сошлись нос к носу.

- Чав-чав... - отчетливо произнес Костик. - Скушал конкурента... Чав-чав... Тебя скушали... Это и есть смысл?

У Сергея Арсентьевича потемнело в глазах. Надо полагать, у Стоеростина тоже.

- Как же вы не любите травоядных... - скривясь, выговорил Костик. - Хищниками быть предпочитаете? Тебя давно съели, а ты все волчару корчишь! Тобой отобедали давно...

Медленно сгребли друг друга за грудки и совсем уже вознамерились с

наслаждением встряхнуть для начала, как вдруг некая сила взяла каждого поперек тулова, подняла, отдернула от противника - и швырнула...

Мурыгин очутился рядом с осиновой рощей. Вечерние сумерки намеревались с минуты на минуту обратиться в ночную тьму. Из мутных небес на непокрытую голову, на твид пиджака и на всю округу ниспадал тихо шепчущий снег. Сквозь зыбкую пелену проступали белые, словно бы цветущие, вишни, яблони, сливы. А в полусотне шагов призрачно мерцал золотистый пузырь, из чего следовало, что свечку драчуны не затоптали и не опрокинули.

Зябко, однако. Хорошо хоть разуться не додумался.

И Сергей Арсентьевич, вжав голову в плечи, неровной, оступающейся трусой устремился на свет. Укрытия он достиг почти одновременно со Стоеростиным, которого, как вскоре выяснилось, запульнуло чуть ли не за овражек,

Глава 9

Так просыпаются только в детстве: почувствовал солнечный зайчик, открыл глаза, а вокруг белым-бело. Хотя, наверное, нет: в детстве надо было еще вскочить с кровати, подбежать к окну... А тут сразу: приподнял голову - и вот он, сверкающий снежный сад.

От вчерашней хмари не осталось и следа. Последняя мутная туча тяжело уползала за рощу. Остатки белого воинства прорывались к своим, на север.

- Доброе утро, - сказал Мурыгин. - Костик, ты на меня не сердишься?

- Нет, - сказал Костик. - Ты уже об этом спрашивал вчера. Доброе утро...

Следует заметить, что спали они на сей раз прямо на земле, бросив все имевшееся барахло на травку. Должно быть, в наказание за драку. Однако в любом случае прогнать их никто не собирался - иначе бы и навесик исчез, и миска. Мурыгин потрогал почву ладонью. Теплая, как в мае. Подогрел, что ли?

- Обрати внимание, - молвил он. - Не просто отшвырнул, а аккуратненько на ноги поставил... Тебя тоже?

- Угу...

- М-да... Я бы на его месте с нами так не чикался.

- Чикался бы, - проворчал Костик. - По себе знаю...

Солнце стояло уже довольно высоко. Все кругом блистало, таяло, всхлипывало. Чувствовалось, что до полудня это великолепие вряд ли доживет.

- Только имей в виду, - враждебно добавил Мурыгин, доставая

несессер. - Я вчера был не прав в своем поведении. А по сути я был прав. Эти твои наезды на род людской...

Стоеростин иронически промолчал. Сергей Арсентьевич насупился.

- Ну, Наполеон, Тамерлан... - нехотя признал он. - Здесь я с тобой, пожалуй, согласен. Кровь и грязь... Хотя Наполеона уважаю... Но ведь были и Пушкин, и Достоевский...

- Ага, - сказал Костик. - Гордость человечества! Одного - в ссылку, другого - на каторгу... Ты еще Галилея вспомни.

- Хорошо, а Гомер?

- Гомеру повезло... - вздохнул Стоеростин. - О Гомере нам вообще ничего не известно. Хотя... Раз слепой - значит, наверняка глаза выкололи. Человечество...

Мурыгин без нужды открыл и закрыл несессер. Повторять вчерашний опыт не хотелось.

- Плащ надень, - посоветовал он. - Холодно снаружи...

Купол при солнечном свете был неразличим, зато нежно зеленело его основание. Как будто кто-то взял огромный гладкостенный стакан и вынул из снежного покрова четырехметровый круг.

Мурыгин не ошибся: снаружи было заметно холоднее. Под ногами захлюпало. Стоеростин не без зависти покосился на добротную обувь друга.

- Понимаешь, - сосредоточенно заговорил тот, не заметив завистливого взгляда. - Бог с ним с человечеством. Давай о насущном. Без курева, без выпивки - ладно... А как насчет прекрасного пола? Или тебе это уже по фигуре?

- Ну почему же... - солидно возразил Костик. - Глядишь, какая-нибудь кошечка в гости заглянет... Помурлычем, попрелюбодействуем...

В памяти немедленно всплыла Раиса Леонидовна, и сверкающий пейзаж несколько померк.

- Хорошо, кошечка... А без книг как? Только не говори мне, что сейчас никто ничего не читает, все сидят в интернете... Я не о них. Я о тебе...

Стоеростин приуныл и какое-то время шел молча. Друзья направлялись к колодцу.

- Хм... - сказал вдруг Костик и воспрял. Не к добру. - Да, - огласил он чуть погодя. - Если речь идет обо мне лично, то крыть нечем. Библиотека - не миска...

Мурыгин собрался возрадоваться, что хоть в чем-то переубедил упрямяца, однако не тут-то было.

- А вот если о роде людском в целом... - невозмутимо продолжил Стоеростин. - Было время, когда он обходился без книг, без кино... Да мало ли без чего! И прекрасно себя чувствовал... По-моему, мы пережили три катастрофы. Первая - изобретение письменности. Понимаешь, до этого люди запоминали только самое главное. Запоминали, передавали из уст в уста, из поколения в поколение... А

лишнее отсеивалось. Тонуло в Лете. Но вот изобрели письменность - и теперь любая ерунда могла быть увековечена... Мы начали тонуть в информационном мусоре...

Вокруг шуршало, капало, временами легонько ухало - снег, подтаивая, шлепался с ветвей.

- Вторая катастрофа - книгопечатание. Станок Гутенберга. Мы не только научились сохранять что попало - мы еще начали это тиражировать...

- А третья? - не удержавшись, любопытствовал Мурыгин.

- Третья, разумеется, интернет... Третья и окончательная. Человек перестал зависеть от своего мышления, от своей памяти...

- Мне кажется, ты забыл упомянуть самую главную катастрофу, - вставил Мурыгин. - Мыслить начали...

- А мы начинали? - усомнился бесстыжий мизантроп.

Сергей Арсентьевич не огрызнулся, поскольку имел неосторожность взглянуть вперед. Влажный снег, одинаково сверкавший отовсюду, оказывается, сыграл с приятелями дурную шутку. Только теперь, почти добравшись до цели, оба увидели, что цели-то и нет. Ртутно-серебристое пространство за овражком было девственно чисто. Ни штакетников, ни колодца, ни самодельного строения в романском стиле.

* * *

К Мурыгину вернулся дар речи.

- Ты говорил, тебя вчера к овражку зашвырнуло... - с недоумением обратился он к Стоеростину. - Дачи еще стояли?

- А черт их знает... - оглядывая исподлобья новый пустырь, отозвался тот. - Снег, темно... Да и не до того мне было...

Знакомая картина. Кусты и деревья остались, а все прочее как корова языком слизнула. Кошек тоже не видать. Очевидно, сбежали. Жилья нет, укрыться негде...

- Территорию, что ли, решил расширить?.. - растерянно предположил Мурыгин.

Костик неопределенно повел плечом.

- Как же мы теперь без колодца?

- Снега с веток наберем...

- А завтра?..

Угрюмые, озабоченные, они перешли на ту сторону, остановились. Похоже, строения пропали еще до начала вчерашней метели - в крайнем случае, до того как она кончилась. Хрупкий влажный снежок лежал ровным, нигде не порушенным слоем.

- М-да... - сказал Стоеростин. - Я ему не завидую...

- Ты о ком?..
- Об этом вашем... Обрященке...
- Обрященке, - поправил Мурыгин.
- Теперь ему еще и эти участки выкупать...
- Выкупит.
- Колодец пропал - плохо... - Костик мыслил вслух. - Зато отсрочка.

Пока договорится, пока заплатит... Как полагаешь?

Ответить помешали.

Умб!..

Обоих приподняло и шлепнуло оземь. Разлетелись алмазные брызги.

- С ума сошел?.. - заорал Костик, вскакивая. - Это же мы!.. Своих не узнаешь?..

Умб!..

Падение повторилось. И опять их отшвырнуло в ту же сторону - откуда пришли. Не искушая более судьбу, кинулись бежать. Очутившись на своей территории, обернулись, ошарашенные, мокрые, сотрясаемые дрожью.

- Совсем оборзел?.. - крикнул Костик, потом запнулся - и вдруг изумленно захихикал. - Слушай, Серый!.. - чуть ли не в восторге повернулся он к Мурыгину. - По-моему, нас наказали... Гулять не выпускают...

Стискивая несессер, Мурыгин свободной рукой стряхивал влагу с куртки. Недвижные глаза его были устремлены за овражек.

- Это не он... - глухо произнес Сергей Арсентьевич.

- Кто не он?

- Там, за овражком - не *наш*, - все тем же замогильным голосом изронил Мурыгин. - Это кто-то еще участок себе оттяпал... Ты же видишь, шуганули нас! Не нравимся мы кому-то...

Словно подтверждая его слова, в следующий миг обоих погладили. И не просто погладили, еще и понянчили, отняв от земли. Успокойтесь, котики, просто не ходите туда... Там злой... Ласково подтолкнули в сторону миски...

Ошеломленно облизываясь, побрели, куда велено. Вокруг по-прежнему шуршало и хлюпало. Снег обрывался в снег.

- Хорошо хоть инструмент в карман сунул... - ворчал Костик. - Добывай потом... с той стороны... Паста - ладно, а вот щетка... - Помолчал, покряхтел. - То-то у меня ваш поселок из головы не выходит! - признался он. - Зеленая зона... Потом, ты говоришь, нашелся кто-то смелый. Взял да и застолбил себе участок. И пошло-поехало... Как же ты теперь в город будешь выбираться?

Мурыгин вздохнул.

- Через заливной луг, через Пузырьки... Как еще?..

Среди стоеростинского барахла нашлось и пластиковое ведро из-под мороженого. Хотели собрать в него снег с веток, но Костик

заколебался.

- Зубы застудим, - мрачно предрек он. - А у меня коронка падает...

Отдал ведро, вернулся к миске - и замер.

- Серый... - позвал он. - Ну-ка поди сюда...

Серый подошел - и тоже замер. В узорчатом венце отростков стояла вода. Водича. Теплая, поскольку над ней поднимался парок. Но самым поразительным было то, что примерно там, где раньше на спиле располагался центр годовых колец, толкался снизу кулачок родника. Однако уровень почему-то не повышался.

- Ну так это совсем другое дело... - Костик стал на колени и поднес губы к подвижному водяному бугорку.

- Куда рыло суешь?.. - придя в себя, прикрикнул Мурыгин. - Не в бомжатнике, чай!.. И на будущее давай договоримся: только ведром...

* * *

Вскоре объявились пропавшие кошки. Видимо, пошастали по округе, много жилья не нашли и, решив, что от добра добра не ищут, вернулись к прежним покровителям, таким же бездомным, как и они сами. Пришлось скормить им вторую банку сардин, поступив на сей раз бережливее: разломали полбуханки и смешали с содержимым консервов.

- Специалистами открыты у паразитов паразиты... - хмуро процитировал Костик, подставляя испачканные в сардиночном масле руки под водопадик, изливающийся из наклоняемого Мурыгиным ведерка. Влагу можно было не экономить. Похоже, поилка была неиссякающей. - Ну так что решил? В город идешь?

- Да надо бы... Куплю консервов подешевле. Они ж нас к вечеру съедят!

- Пожалуй, я с тобой...

- А-а... Все-таки манят блага цивилизации?

- Да. Одно. - И Костик предъявил левую туфлю с отставшей подошвой. - Как я сразу не сообразил резиновые сапоги надеть...

- А они у тебя есть?

- У соседей лежат. Вместе с твоими чемоданами. Кстати, чемоданы прихватчу...

Окольный путь оказался тернист и скользок. Кое-как перебрали хлюпающий и чавкающий заливной луг, выбрались на поросшую ивняком насыпь, тянущуюся влево до самой дамбы, а вправо - невесть куда. В ту сторону Мурыгин не ходил ни разу.

- Козел!.. - заругался Костик, пытаюсь очистить обувь подтаявшим снежком.

- Кто? Не я, надеюсь?

- Да *этот!* Который себе за овражком участок оттяпал... Ну я ему сделаю!

- Что ты ему сделаешь? Всех кур ночью передушишь?

- Еще не знаю. Придумаю что-нибудь... Так где они, эти твои Пузырьки?

- Там... - Мурыгин не слишком уверенно махнул рукой. - За рощей... Давай-ка лучше к дамбе. Может, автобус придет...

И заскользили они по насыпи к дамбе.

Вскоре ивняк кончился. Справа раскинулось обнесенное колючей проволокой учебное поле, принадлежащее базирующейся неподалеку части МЧС, откуда, скорее всего, и приезжала позавчера многострадальная гусеничная амфибия. Из крохотных вороночек во влажном снегу торчали мертвые стебли бурьяна. По всей территории растопырились щиты с предупреждающими надписями и ржавели какие-то выстроенные рядком болванки: не то оболочки бомб, не то ракетных боеголовок.

Слева замаячила бетонная коробка. Считалось, что ожидающие автобуса дачники могут укрыться в ней от непогоды. На пяточке перед переездом никакого автобуса не обнаружилось - стояли только две легковушки и пикапчик, кажется, принадлежащий владельцу исчезнувшего строения в романском стиле. Водители, покинув салоны, яростно бранились. Двое убеждали в чем-то третьего, а тот, судя по жестам, упорно стоял на своем. На дамбу въезжать не отваживались. Зато кое-кто, видать, попытался уже одолеть ее в пешем строю - пальтецо на одном из спорщиков было от поясницы и ниже замарано мокрой глиной.

Наконец упорствующий вырвал плечо, за которое его пытались удержать, и решительно двинулся к переезду. Дальше ему, правда, пришлось прыть свою умерить: разбитая вдрызг дорога состояла из бугров и полных талого снега рытвин, ногу поставить некуда.

- Внимание... - предвкушающе произнес Костик.

Умб!..

Смельчака уложило на спину. Ошалев, кинулся вспять на четвереньках. Встретили его шумно.

- А ведь предупреждали умные люди... - сказал Мурыгин. - Ну что? Пойдем узнаем последние новости...

Однако, стоило приятелям подойти поближе, за новостями кинулись к ним.

- Арсентьич... быть-мыть... Откуда? Оттуда?!

Без шляпы и в измазанном глиной пальто Тимофей Григорьевич Тарах был неузнаваем. Во всяком случае, издали. Выходит, это именно он, уже испытав на собственном опыте, насколько неприятен умб в такую погоду, пытался удержать смельчака - и не смог.

- Мы... с тыла шли... через луг... - несколько оторопев от неожиданной встречи, ответил Арсентьич.

- Слышь... обнть... Что там?..

- Где?

- Перед овражком... мыть-быть!..

- Ничего, - сказал Мурыгин. - Уже ничего. Ни домов, ни колодца...

- Давно?

- С утра.

Вопросы кончились. В тягостном молчании все посмотрели на черно-серую дубраву, заслоняющую места, где раньше стояли дачи. Шуганутый остервенело обирал грязь с рукава.

- Не знаешь, автобус будет? - спросил его Костик.

- Нет, - буркнул тот. - Возле завода теперь в объезд надо, а он там не пройдет...

- Почему в объезд?

Пострадавший насупился и промолчал.

- Ползавода накрылось... - с кривоватой шальной ухмылкой пояснил третий водитель. - Шоссе, проходные, ремонтный цех...

Мурыгин изменился в лице.

- Костик... - шепнул он, беря Стоеростина за локоть. - Давай-ка отойдем потолкуем...

Отошли.

- Слышал?

- Ну.

- Приперло, Костик... Кончились наши отсрочки. Завод - не дача. У них там в цехе эмальпосуды каски делают... А дальше-то, дальше, прикинь! Дальше - плотина... ГЭС! Стратегический объект... Представляешь, что сейчас будет? Ты вспомни, кто у нас дивизией командует!

- Кто? - ошалело спросил Костик.

- Генерал Бурлак!

При всей своей аполитичности о Бурлаке Стоеростин был наслышан.

- Это тот, что ли?.. Из Чечни?

- Вот именно... Короче, давай выбирать. Или упасть кому на хвост, чтобы в город отвез... Только тогда, учти, назад хрен вернемся... Оцепят, дорогу перекроют...

- Или?

- Какое тебе еще тут к черту «или»?

Глава 10

Они отступили к мегалитическому сооружению, возле которого раньше

останавливался автобус, присели на лавку из железных труб под неплотно состыкованными бетонными плитами навеса, стали прикидывать, как жить дальше.

- Ты понимаешь?.. - зловеще шелестел Мурыгин. - Бурлак - не Обрыщенко. Он же за все эти объекты в ответе! Он же может и военное положение объявить, и зачистку устроить...

- Любопытно было бы посмотреть... - заметил Стоеростин. - Во-первых, что зачищать? И от кого?

- А! Сперва подеремся, потом разберемся... О другом думай! При зачистках обычно страдает кто? Мирное население. А в данном случае мирное население - это мы с тобой... Соображаешь?

- Н-ну... начнут-то наверняка с завода...

- Начнут с завода. А потом?.. Костик, пойми: если во что-то вмешалось государство, лучше держаться в стороне. Как бизнесмен тебе говорю! Давай попрошу Тараха - отвезет...

После этих слов Стоеростин совсем приуныл. Ссутулился, обмяк, уронил плечи.

- Что не так? - спросил его Мурыгин.

- Все не так... Не хочу я никуда отсюда!

- Ну, знаешь!..

Бетонный короб пошатнуло. Скрипнули плиты, стрельнуло мелким щебнем, крякнула, идя на разрыв, арматура. Как вскочили, ни тот, ни другой не помнил - оба очутились разом у земляной насыпи, по которой сюда пришли. То ли показалось, то ли в самом деле, но асфальтовое полотно лениво колыхнулось. Автовладельцы, ополоумев от страха, кинулись к машинам, плюхнулись на сиденья. Двое рванули с места, третий застрял на старте.

- Бегом к нему!.. - сипло скомандовал Мурыгин. - Пока не завелся...

Но тот уже завелся. Серая «девятка», взвизгнув по крышкам, ушла вдогон. Достигла поворота и тоже скрылась из глаз. Стало тихо. В дубраве орали вороны.

- Что это было? - с запинкой спросил Стоеростин.

Сергей Арсентьевич не ответил. Одна из ворон шумно опустилась на снежное месиво рядом с дамбой и, посомневавшись, клюнула некий таинственный предмет серого цвета, вскоре перевернутый и оказавшийся шляпой Тимофея Григорьевича Тараха.

Постояли, озираясь. Минуты две ничего не происходило, потом померещился легкий шорох, пришедший со стороны учебного поля. Всмотрелись. Вроде бы все по-прежнему...

- Проволока... - сдавленно сказал Костик.

И Мурыгин прозрел. Столбики стояли, как и раньше, но между ними было пусто. Глаз едва успел уловить момент, когда, рассыпавшись, опало пылью последнее звено колючего ограждения. Вскоре настал черед самим столбикам - тихо сказали «фух» и расползлись

пригорками серого пепла, сровнялись с землей.

И наконец тяжело вздохнуло, оседая, мегалитическое строение из бетонных плит, откуда Мурыгин со Стоеростиным только что выскочили как ошпаренные. Оба невольно попятнулись, замороженно глядя на расплывающееся белесое месиво. Зрелище впечатляло, особенно если представить себя погребенным под этой грудой.

Выходит, сторож не врал. Вот, значит, как это все выглядит...

- Гуманные... - с непонятной интонацией вымолвил Костик. - Тряхнули, предупредили... А споткнулись бы мы?.. Шнурками зацепились?.. Кто не спрятался - я не виноват?..

Метров двести дороги тоже испарилось, что, кстати, было замечено обоими лишь сию секунду. Стоеростин решился и шагнул вперед.

- Шуганут... - предостерег Мурыгин.

Костик диковато оглянулся на друга и, чуть помедлив, двинулся дальше. Остановился, притопнул, как бы проверяя почву на прочность. Ничего, держит. Видя такое дело, осмелел и Сергей Арсентьевич.

Сходили до учебного поля, следов от столбиков не обнаружили. Когда вернулись к бывшей автобусной остановке, белесая грудка растворенного бетона успела застыть покатым землистым бугром.

Их не шуганули, хотя и не погладили ни разу. Надо полагать, владелец третьей, только что возникшей деланки был совершенно равнодушен к приبلудным. Ходят - и пусть себе ходят.

* * *

Странно, однако тот факт, что от города они отрезаны, подействовал на Костика благотворно. Сделать какой-либо выбор, помнится, и раньше было для него мукой мученической: Такой уж характер. Теперь же, когда податься стало некуда, к Стоеростину вернулись спокойствие и беспечность.

- А знаешь, даже хорошо, что не успели, - убеждал он Мурыгина, пока они одолевали заливной луг в обратном направлении. - Ну, начнется заваруха... Где начнется? Возле завода, возле плотины?.. А про нас тут вообще никто не вспомнит. Серый, самое сейчас разумное - пересидеть, перекантоваться как-нибудь... А там видно будет.

И, следует признать, резон в его словах был.

- Минутку! - перебил он сам себя. - А вот это очень кстати... С емкостями у нас проблема...

Шагах в пяти от тропки валялась сплюснутая пластиковая бутылка. Сходил, подобрал.

- Город!.. - продолжал разглагольствовать он, с чавканьем высвобождая ступню из черной вязкой тины. - В городе, если хочешь знать, сейчас еще опаснее... Возьмут и комендантский час объявят!

Не-е, токо тут... А представляешь, если до плотины очередь дойдет? Еще и свет вырубят...

Сергей Арсентьевич хмурился, но больше по инерции. То, что остальные (Раиса, Обрыщенко, Тарах...) тоже могут лишиться благ цивилизации, казалось ему отчасти даже справедливым.

- Туфля не развалилась пока? - ворчливо осведомился он.

- Нет.

- Развалится...

- Да наверху уже, наверное, подсохло, - беззаботно отвечал Костик. - Ты за меня не волнуйся... Консервов совсем не осталось?

- Банка сайры есть.

- Значит, и котейки с голоду не помрут...

- А морды у них от сайры не треснут?

- Никогда!

По глинистой тропе они выбрались из низинки и очутились на родном пустыре. Стоеростин был прав - подсыхало вовсю. Травка еще местами влажновата, но снежок почти подобрало. Из крупных почек сирени подглядывали готовые выбежать листья.

- У тебя телефон заряжен? - спросил Костик.

- Вчера заряжал.

- А мой сдох. Слушай; у тебя в нем радио есть?

- Нет и не будет, - с достоинством отозвался Мурыгин. - А зачем тебе? По шансонье соскучился?

- Новости послушать.

- Опаньки!.. - выдохнул Сергей Арсентьевич. Остановился, сунул руку во внутренний карман бежевой куртки. - Как же я сам-то не смикитил?

- Ты же говоришь, у тебя радио нет...

- Ну так а интернет-то на что?

Достал свой весьма скромный для бывшего владельца оптового склада гаджет, тронул кнопки - и вскоре болезненно охнул.

- Читай, - угрюмо велел Костик.

- Ни фига себе заголовочки... - испуганно бормотал Мурыгин. - «Армейские подразделения берут под контроль территорию атакowanego завода...», «Антитеррористическая операция...», «Бурлаки на Волге», картина Репина...» А, ч-черт!..

- Чего там?

- Отцепился, - с досадой сказал Мурыгин. - Странно. Вроде «Мегафон» срываться тут не должен... В прошлом году мачту поставили...

- Берут территорию под контроль... - озадаченно повторил Стоеростин. - Как же это они, интересно, ее берут?.. И кем атакowaną?..

Не оставляя попыток выйти в сеть, продолжили путь, пару раз налетели на плодовые деревья, чуть не споткнулись о миску.

Обломанные утром рогульки, венчающие пень, успели отрасти до прежней высоты, налились, округлились, окрасились в разные цвета. Кушать подано.

Костик зачерпнул ведром парной водицы, начал отмывать обувь. Отмыв, зачерпнул еще, ополоснул найденную бутылку. Мурыгин тем временем упорно пытался просочиться в интернет.

- Да что я мудрю! - сообразил наконец он. - Звякну сейчас Тараху и спрошу... Уж он-то теперь наверняка все знает!

Но и с Тарахом связаться не удалось. Телефон искал сеть. То находил, то терял.

- А где ее поставили, эту мачту? - хмуро осведомился Стоеростин.

- Да рядом... Я ж тебе показывал, когда проезжали... До этого у нас тут, можно сказать, вообще связи не было - за дамбу ходили... - Мурыгин осекся, уставился на Стоеростина. - Ты думаешь, и мачты уже нет?..

- Думаю, лучше бы ты поменьше выпендривался, - весьма нелицеприятно высказался тот. - Радио-то - оно и без мачты радио... Все бы сейчас новости узнали...

* * *

Новости они узнали часа через полтора и безо всякого радио. За горизонтом легонько ухнуло, затрещало.

- Ну вот... - обреченно выговорил Мурыгин. - Начинается...

- Ты уверен? - усомнился Стоеростин. - По-моему, салют. Какое сегодня число?

Привстал, поднес к уху сложенную раковиной ладонь. Отличить на слух нынешние фейерверки от боевых действий - задача не из простых.

- По-моему, оттуда... - предположил он, указывая в сторону овражка.

- Завод! - решительно сказал Сергей Арсентьевич. - Там - завод! Берут территорию под контроль... кретины! Ой наворотят, ой наворотят!..

Обедали без аппетита. Мурыгин нервничал.

- Нашли, кого назначить! - говорил он. - Бурлак... Ну вот в кого они палят?!

- Приказано - и палят, - со вздохом отвечал Костик. - Ты мне лучше скажи, куда котейки делись?..

Действительно, странно. Никто не приставал, не вымогал съестного, не умирал с голоду у них на глазах.

- Тебя это так заботит?

- Да. И знаешь почему? Интуиция у них хорошая. Все наперед чувствуют... Сергей Арсентьевич обмер.

- Но это ж не землетрясение... - беспомощно вымолвил он.
- Без разницы, - отозвался Костик. - Перед инфляцией домашние животные тоже беспокоятся...

Наверное, пошутил.

- Н-ну... может, они к себе вернулись, - судорожно предположил Мурыгин. - Где раньше дача стояла... эта... средневековая...

Версия прозвучала неубедительно. Вообще-то в народе бытует мнение, будто кошка привязывается к дому, а не к хозяину, хотя прежде всего она, конечно, привязывается к жратве.

- А давай-ка сходим посмотрим, - неожиданно сказал Костик. - Вдруг правда...

И оба, прервав трапезу, поспешили по зеленеющей дороге к овражку. Поразительно, однако мохнатая банда и впрямь дрыхла на припеке в полном составе, причем точно там, где раньше располагалось крылечко под стрельчатой кирпичной аркой. Но самым поразительным было то, что дрыхли-то котейки не на влажной оснеженной земле, а в полуметре над ней.

Такое ощущение, что стрельба за дубравой то ли стихла, то ли отдалилась.

- Ну... это уже... вообще... - выдавил Сергей Арсентьевич, инстинктивно держась подальше от незримой границы, за которой начиналась делянка злого соседа. - Нас шугает, а их...

- Предпочитает кошачьих. - Стоеростин понимающе кивал, не в силах отвести взгляда от зависшего в воздухе подобия дышащего мехового покрывала из разных шкурок. - Я, кстати, тоже... Что ж, приятно...

- Приятно?.. - вскипел Мурыгин. - По-моему, *он* над нами просто издевается... Дразнит! Или *нашего* дразнит - не знаю...

- Значит, так! - бодро объявил Костик. - Во-первых, подавись своей сайрой. Судя по рылам, накормили их до отвала и доставать они нас не будут... А в-главных... Хорошо лежат. Безмятежно. Стало быть, и нам в ближайшее время, считай, ничего не грозит...

- Думаешь?

- Надеюсь...

За горизонтом по-прежнему ворчало и погромыхивало, но уже не так тревожно.

* * *

Остаток трапезы прошел в спорах.

- Подружка одна Раискина! - возмущался Мурыгин. - Знаешь, что однажды ляпнула? «Мой кот, Царство ему Небесное...» А?! Ничего себе?..

- Может, он крещеный был...

- Кончай ерничать! Я сам кошек люблю. Но равнять их с человеком... - Отломил от пенька рогульку дынного цвета, откусил, замолчал.

- Все равно что равнять человека с собакой, - завершил за него фразу Стоеростин с тем важным видом, с каким обычно готовился отчинить нечто особенно возмутительное. - Люди приручили собаку, вывели до хрена пород. А кошки проделали то же самое с нами. Приручили - ну и...

Склонный к антропоцентризму Мурыгин поперхнулся.

- Это какие же, позволь узнать, породы у людей?

- Как? А расы? Белая, черная, желтая...

- Где вычитал?

- Нигде.

- Сам придумал?

- Чего тут придумывать? По-моему, очевидно...

Вдали хлопнуло так громко, что разговор оборвался,

- Ого... - пробормотал Стоеростин. - Всерьез пошло...

Стало совсем неуютно.

- Слушай, - встрепенулся Мурыгин. - Но ведь если это военные действия...

- То что?

- То мы с тобой... - холодея, проговорил Сергей Арсентьевич. - Костик, кто мы с тобой тогда?

Оба задумались.

- Изменники Родины... - с уважением произнес Костик. - Хотя нет. Бери выше. Предатели человечества... - покосился на Мурыгина, осклабился. - Отмажемся, Серый! - утешил он. - Ну попали на оккупированную территорию, ну...

- Отмажемся... - недовольно повторил тот. - А присяга?

- А я этой стране не присягал, - нагло ответил Костик. - Я Советскому Союзу присягал. Меня вообще спросили, когда его рушили?

- Между прочим, спросили!

- Ага, спросили... А сделали все равно по-своему! Вот и катись они под гору со своей полицией, со своими олигархами... Ишь, патриота нашли! С работы выгнали, квартиру отобрали - и я же их теперь защищай? Да я сейчас, если хочешь, согласно присяге, должен с оружием в руках попереть на твоего генерала Бурлака...

- Значит, *эти*... которые нашу с тобой землю делят на дачные участки... *Они* тебе ближе, да?

- Нашу? Какую нашу? Вот эту, что ли, землю?.. Так она не твоя и не моя. Она Раискина... или уже Обрыщенки...

- А как насчет человечества?

- Слушай, не надо насчет человечества, - попросил Костик. - Опять подеремся, за шкуру оттаскает...

Батальные звуки за горизонтом внезапно смолкли. Мурыгин со

Стоеростиным переглянулись, выждали минуту. Да, так и есть: ни уханья, ни трескотни...

- Во! - сказал Костик, простерши руку туда, где наконец-то воцарилась тишина. - Бурлака уже, кажется, оттащали... Эх, где ж *они* раньше-то были? Взяли бы за шкирку Сталина с Гитлером, Рузвельта с японцами...

Мурыгин сидел ни жив ни мертв.

- Что с тобой?

Сергей Арсентьевич пошевелился, медленно облизнул губы.

- Слушай... - упавшим голосом начал он. - А почему мы с тобой так уверены, что генерал Бурлак *их* побьет?

Должно быть, предыдущих слов Костика он не расслышал.

- Кто уверен? - возразил тот. - Я, например, в этом далеко не уверен. Если мы кого и побьем, то прежде всего самих себя. Это уж как водится. А *им*, по-моему, вообще ничем не повредишь...

- Слушай... - повторил в тоске Мурыгин. - А вдруг уже и города нет никакого?..

Глава 11

Решили сходить на разведку, только не через луг (в той стороне они уже были), а в обход озерца, сосняком. Сначала шли в молчании.

- Странно, что *он* плодовые деревья не тронул... - произнес наконец Костик после долгого раздумья.

- Почему странно? - полный недобрых предчувствий отозвался Мурыгин. - Они ведь живые...

- Ну как... Сорняки тоже вон живые...

- Сорняки? - не уловил мысли Сергей Арсентьевич.

- Хорошее определение вычитал, - сказал Костик. - У одного виноградаря... Все, что истощает почву, - сорняк. Значит, наши культурные растения - сплошь сорняки. Да и мы сами тоже...

- Чепуха! - бросил Мурыгин. - Слово «сорняк» придумано человеком. Вредное растение. То есть растение, вредное человеку.

- Человеку - да, - не стал перечить Стоеростин. - А *ему*?.. Так что, боюсь, вишни, сливы, яблони - все засохнет... - подвел он грустный итог. - Их же поливать надо, подкармливать...

- Нас подкармливает, - напомнил Мурыгин.

- Двоих, - уточнил Костик.

Они обогнули озерцо, в лица пахнуло хвоей. Под ногами зашептали опавшие иглы, захрустели изредка мелкие растопорщенные шишки. Низкорослый разлапый сосняк, изрядно прореженный за зиму дачными бензопилами, тянулся отсюда почти до берега. Шелушащиеся стволы

телесного цвета, тронутые солнцем, обретали багряный оттенок.

Умб!..

- Едрить твою в корень!.. - выбранился в сердцах Костик, поднимаясь с толстого влажного слоя рыжих иголок и отдирая от брючины смолистую веточку. - И здесь тоже?

- Через луг надо было идти, - проворчал Мурыгин, чья бежевая куртка, казалось, собрала на себя весь верхний пласт хвойного покрова. - Через остановку... Тому хотя бы по фигу, ходим мы там, не ходим...

Они взяли чуть левее и нарвались на очередной умб.

- Нету у нас бензопилы, нету!.. - укоризненно сказал Костик незримому хозяину сосняка и даже руки предъявил. - Частник ты хренов!..

- По-моему, полицей и тот был с нами культурнее... - заметил Сергей Арсентьевич. - Когда с пенька прогонял...

- Это он с тобой, с буржуином, культурнее... - огрызнулся Костик. - А мне чуть руку из плеча не вынул... И, кстати, сравнение твое некорректно. Он-то - не человек! Вот представь: повадились у тебя скворцы черешню клевать... Ты ж, дачник хренов, подшибешь скворца и подвесишь на ветку... В назидание прочим! Чтобы впредь неповадно было! А он нас шуганул - и только...

- Никогда я никого не подвешивал, - сердито сказал Мурыгин.

И это было правдой. Скворцов подвешивал Тимофей Григорьевич Тарах. Говорил, что в самом деле ни один потом не подлетит.

Двинулись вдоль опушки и выбрались вскоре на горелую пустошь, по которой и продолжили пешее свое продвижение к берегу Волги. Знатно здесь полыхало прошлым летом - три пожарные машины тушить приезжали. Хорошо еще ветер был от поселка, а то бы и сосняк занялся. Вот они - окурки, вот они - шашлыки на природе...

- А ядерный удар? - неожиданно спросил Мурыгин.

- Что - ядерный удар?

- Ядерный удар их уничтожит?

- Не знаю, не пробовал, - откликнулся Стоеростин. - Тебе хочется, чтобы нас накрыли ядерным ударом?

- Война, Костик... - стонуще промолвил Мурыгин. - Война начинается... Причем такая, каких еще не бывало!

- Ну, это с какой стороны посмотреть, - резонно сказал Стоеростин. - Мы на них - да, прем... А они что? Так, шугают... Нас шуганули, Бурлака шуганули...

- Ты уверен? А может, он их! Вон какой грохот стоял!

- А может, он их... - задумчиво изрек Костик. - Всяко бывает... Знаешь, что мне сейчас в голову пришло? Замочить мы их, конечно, не замочим... А вот прогнать можем запросто. Ну сам подумай! Вот у тебя участок. И поперла на него саранча. Все жрет, ничего не вырастишь... Из года в год. Зачем тебе такой участок? Что ты с ним делать будешь?

- Н-ну... кому-нибудь другому продам...

* * *

Высоко над поймой закружил вертолет, но не пожарный и не рыбнадзорский: хищные очертания, пятнистый окрас. Возможно, высматривал цели.

- Видал? - сказал Мурыгин. - Летает себе...

- Летает... - согласился Костик. - Главное, чтобы не шкодил...

Впереди проглянула темно-синяя, почти черная, с золотой насечкой Волга. Вышли на кручу, приостановились возле голого тополя, балансирующего на самом краешке. Весенние разливы сильно подъедали берег, так что теперь дерево большей частью опиралось на хитросплетение обнаженных корней. Под полутораметровым обрывом брал начало песчаный пляж, скатывающийся к воде и уходящий под расколотые, подтаявшие льдины.

- Ну вот он, твой город, - молвил Костик. - Цел-невредим. Да и плотина тоже... Успокоился?

Мурыгин неотрывно смотрел на тот берег. Судя по недоверчиво-счастливой физии Сергея Арсентьевича, он, пока шли, ожидал наихудшего. Насмотревшись, спохватился, осунулся.

- Все равно ведь доберутся... - безнадежно молвил он.

- Со временем - да, - подтвердил Стоеростин. - Со временем и Солнце погаснет, и Вселенная схлопнется... А вот чемоданы твои сразу надо было сюда забрать...

Взгляд его переключался с того берега на этот.

- Кто такое? - изумился Костик.

У подреза воды присело на корточки нечто черное, скользкое, несомненно человекообразное. Вот оно выпрямилось, нагнулось, погрузило руку в колышущийся у берега волокнистый лед.

- Боже!.. - содрогнувшись, сказал Стоеростин. - Ну и служба у них... Спецназовец?

- Какой тебе спецназовец? Сетку с налимами не видишь?

Хватаясь за корни, спустились на холодный песок, сошли к воде. Нырятьщик в препоясанном свинцом гидрокостюме обернулся, оказавшись сухопарым молодым человеком с трехдневной рыжеватой щетиной на долгом подбородке. Маска сдвинута на лоб, невероятной длины ласты лежат у ног.

- Ну, что там? - напряженно спросил его Мурыгин, кивнув в сторону плотины.

- Такой завал нашел... - поделился радостью нырятьщик.

- Завал?

- Ну, бревна притонули, коряги... - пояснил тот. - Там судаков!..

Надо полагать, все его новости были подводного происхождения.

Наземные дела, судя по всему, небритого юношу интересовали мало.

- Ты что, стрельбы не слышал?

- Стрельбы?

Ну правильно! Какая ж на дне стрельба?

- Сам-то ты откуда? - продолжил допрос Мурыгин. - Городской?

- Городской... - озадаченно подтвердил земноводный молодой человек.

- И что там говорят?

- О чем?

- Ползавода пропало! - рявкнул Мурыгин. - О чем?!..

- А-а... - с облегчением сообразил ныряльщик. - Так ведь это же где-то в Огайо!..

Теперь уже ошалел Сергей Арсентьевич.

- Где?!

- В Огайо... - Юноша пожал гладкими тюленьими плечами. С правого свисала бурая рваная тряпочка. Возможно, водоросль. - Вечером вчера передавали... Завод пропал. Америкосы туда сначала полицию, потом армию двинули... Бомбят уже всюду...

Мурыгин со Стоеростиным повернулись друг к другу медленно и надолго. Потом снова уставились на страшного вестника. Тот стоял на одной лапке конечности и, сам не подозревая об убийственной сути сказанного, обувал другую.

- Про ядерный удар ничего не говорят? - У Сергея Арсентьевича сел голос.

- Вроде ничего... - невнятно ответил ныряльщик, вправляя в рот пластиковый загубник. Надвинул маску, подобрал сетку с налимками и, приветливо помахав на прощание, зашлепал по льдистому мелководью.

Хотели вскарабкаться наверх по тем же корням, но балансирующий на краешке обрывчика тополь так страшно дрогнул, что решили не будить лиха и побрели вдоль крутого песчаного откоса, высматривая хорошую промоину. Идущее к закату солнце зависло над противоположным берегом. Волга пылала. Чайки, подобно камушкам рассыпанные по дальней отмели, стали из белых розовыми.

- Значит, вот оно как... - пришибленно повторял и повторял Сергей Арсентьевич. - Значит, не только у нас... Значит, везде...

Стоеростин в ответ лишь уклончиво двигал бровями.

Наконец обрывчик пошел на снижение и вскоре достиг метровой высоты. Мурыгин посадил Костика, а Костик потом вытащил наверх Мурыгина за руку. Глазам предстал предвечерний сосняк, особенно красивый отсюда, с берега: стволы - будто остывающий металл.

- Да... - уныло подал голос Стоеростин. - По сравнению с *ними* мы даже не кошки. Мы - муравьи. Но, знаешь, иногда после муравьев от людей одни скелеты остаются...

И вспомнились Мурыгину виденные по телевизору кадры кинохроники: чудовищные авианосцы, вспучивающийся ад атомного взрыва... Деяния человеческие. А самих творцов всей этой жути издали даже и не видать - действительно, мураши мурашами...

- Если американцы уже бомбят... - продолжал размышлять вслух Костик. - Тогда и мы скоро...

- Но начнут-то с завода?..

- Начнут с завода...

- А может, не будут?..

- Черт их знает...

Сами не заметили, как одолели половину сосняка. Наконец Стоеростин сообразил, всполошился:

- Какого ж хрена мы через лес идем? Нас же сейчас...

Замерли. Апокалиптических видений как не бывало. Вплотную подступила угроза третьего по счету умба.

- А бегом?

- Да нет... Бегом - заметит. Давай-ка тихонечко...

Сделали первый робкий шаг - и к удивлению своему были поглажены. Правда, как-то не так, не по-хозяйски. Небрежно, машинально. Скорее потрепали, чем погладили.

- Чего это он? - выпершил, придя в себя, Мурыгин.

- Чего-чего... - не слишком уверенно и поэтому с вызовом ответил Стоеростин. - Бывает... Раз на раз не приходится... Тогда у него плохое настроение было, сейчас - хорошее...

Перевели дух, двинулись дальше. Костик мыслил.

- А вдруг они нам землю в аренду сдали? - брякнул он ни с того ни с сего.

- То есть?

- Ну... роду людскому... В смысле: всю Землю...

- Когда?

- До потопа!.. - небрежно объявил Костик. - А мы забыли, вообразили себя хозяевами... Времени-то вон сколько прошло... А теперь, пожалте бритесь, срок аренды кончился - гони земельку назад...

- Баламут ты!.. - бросил в досаде Сергей Арсентьевич.

Стоеростин не обиделся. Он вообще редко обижался.

- А ты не баламут? - незлобиво осведомился он. - Война, война... Почему война? Война - это мобилизация. А тут сидят все по своим полянкам...

- Откуда знаешь, что сидят? Ты их видел?

- Видеть не видел, а ощущать ощущал. Кстати, только что...

До миски добрались без приключений. Дело шло к вечеру. Закат оседал за рощу. В лиловатом небе стояла льдистая полупрозрачная луна. Снежный плинтус вокруг незримого купола за день растаял, так что различить границы укрытия было теперь затруднительно.

- Может, *он* навесик только в непогоду ставит? - высказал догадку Мурыгин.

Стоеростин шагнул внутрь предполагаемого круга, обернулся, беззвучно пошевелил губами.

- Чего? - переспросил Мурыгин и последовал за приятелем.

- Оглох, что ли?.. - не понял Костик. - Я говорю, на месте твой навесик...

- Интересно... - озадаченно молвил Сергей Арсентьевич. - Оказывается, изнутри тоже ничего не слышать...

- В самом деле?..

Проверили еще раз. Да, все верно, звукоизоляция двусторонняя. Хотя ничего удивительного...

Поужинали. Зубы, по требованию Мурыгина, пошли чистить в ящичек, то бишь под второй навесик - тот, что в низинке. Вернулись, стали устраиваться на ночь. Заново расстелили брезент, сверху набросили драный клетчатый плед.

- Все-таки жестковато, - посетовал Костик. - А на *нем*, наверное, спать можно только снаружи. Жаль...

- Зато утром на землю не сбросит... - рассудительно сказал Мурыгин. - Слушай, а может мы *их* так лечим? Лежим на *них*, мурлыкаем...

- В смысле - храпим?

- Почему бы и нет? Вдруг у нас храп целебный!..

- Ты это брось! - Костик нахмурился.

- А что такое?

- Да соседка у меня... Ну та, которой я чемоданы занес... Говорит, кошек надо менять как можно чаще. Полежит на тебе, полежит, полечит, соберет все твои хвори, все твои беды - вот тогда выгоняй и бери новую. Лучше, если котенка...

- Хм... - с сомнением отозвался Сергей Арсентьевич. - Я тоже что-то похожее слышал... От одной подружки Раискиной...

Глава 12

Тепло и тихо. Неподалеку зябкий ветерок пошевеливает в сумерках тяжелые от почек ветви сирени, однако желтый язычок свечи стоит, почти не колеблясь. Странно: лежишь на рваном пледе, а земля под ним почему-то теплая; сгущается вокруг стылая мартовская ночь, а озноба почему-то не ощущаешь.

- Свечек много еще? - спросил Сергей Арсентьевич.
 - Предпоследняя.
 - И что будем делать?
 - Сообразим что-нибудь. Или *он* сообразит...
 - На Бога надейся, а сам не плошай, - проворчал Мурыгин.
- Каждый думал о своем. То есть примерно об одном и том же.
- Костик, - позвал Мурыгин. - За кого болеешь?
 - В смысле?
 - За нас или за *них*?
 - За *них*.
 - Почему?

Стоеростин долго обдумывал ответ.

- Миска, - негромко подсказал Мурыгин. - Навесик. По спинке гладит...
- И это тоже, - согласился Костик.
- А что еще?

Стоеростин молчал. Молчал и Мурыгин, решивший, очевидно, дожидаться исповеди во что бы то ни стало. Наконец Костик шевельнулся, вздохнул.

- Знаешь, Серый, к чему я пришел с годами? - признался он. - К тому, что все естественное - безобразно. Почти все...

- Странно, - сказал Мурыгин. - Мне казалось, ориентация у тебя традиционная...

- Я же сказал: почти. Почти все... - Лицо Стоеростина было печально. Голос звучал ровно, отстраненно. - Вот я продукт естественного отбора. От одной этой мысли можно удавиться. У меня за спиной - мириады смертей. Амебы ели амеб, медузы ели медуз... Миллионы лет жрали друг друга заживо - и все только для того, чтобы на свет появился Костик Стоеростин...

- Вполне естественно!

- А я о чем?

- Ну так уверуй в Бога - и все дела!

- Эх! - с горечью сказал Костик. - Как бы я хотел уверовать, что дважды два равняется пяти! Но, ты понимаешь, сколько ни раскладываю пальцы - все четыре да четыре выходит... Как я в Него уверую, если вокруг сплошной естественный отбор?

- Сам же говорил, что без самообмана не проживешь.

- Да. И это, к сожалению, тоже естественно...

Разговор грозил уползти далеко в сторону от главной для Сергея Арсентьевича темы.

- Так почему тебе лучше, чтобы мы *их* не одолели?

- Потому что вы, суки, опять заставите меня бороться за существование! А я не хочу бороться за существование! Противно мне бороться за существование...

- Ну удавись, - дружески предложил Мурыгин.

- Тоже не хочу... - Стоеростин поднялся, зачерпнул ведерком водицы, принялся наполнять бутылку. - Сейчас приду...

С пластиковым сосудом в руках он вышел во внешнюю тьму и вдруг пригнулся, почти присел. Выждав секунды три, медленно выпрямился - и тут же присел снова. Явно заколебался, не вернуться ли, но передумал и, не разгибаясь, побежал в сторону ящичка.

Мурыгину оставалось лишь гадать о смысле увиденного. Если это был нагоняй, то по какому поводу (вроде бы ни в чем не провинились), а если очередная дурацкая шутка Стоеростина, то что она могла означать?

Сергей Арсентьевич достал и включил сотик. Устройство пока не разрядилось, но по-прежнему искало сеть. От чего еще придется отказаться, если *они* захватят и поделят всю землю на такие вот экологически чистые участки? От горячих ванн, от автомобилей, от денег?.. Да, в том числе и от денег. Мурыгин представил подобное будущее и ужаснулся. Пусть у него не было сейчас ни того, ни другого, ни третьего, однако он хотя бы мог надеяться, что со временем все эти блага к нему вернуться. А так...

Сергей Арсентьевич спрятал телефон и достал сигареты - успокоить нервышки. Кстати, от сигарет тоже придется отвыкнуть... Прикурил, хотел задуматься вновь, когда справа из ночной темноты беззвучно полыхнуло. Зарница? Похоже... Надо полагать, с севера подкрадывалась первая гроза. Рановато, однако в этом году весна и впрямь выпала неслыханно быстрая и сумбурная. То снег, то теплынь.

Зарница повторилась, и в ее красноватых отсветах Мурыгин увидел среди голых стволов согнувшуюся в три погибели человеческую фигурку, направляющуюся бегом к навесу. Это возвращался с горшочка Стоеростин...

Он шумно ворвался в заколдованный круг, едва не налетев на кормушку. Свеча колыхнулась, запрыгали тени. Отдышался, уронил опустевшую пластиковую бутылку, тяжело осел на драный плед. Глаза у Костика были круглые.

- Что это с тобой? - неприязненно спросил Мурыгин.

- Со мной?.. - хрипло переспросил Стоеростин. - Наружу выгляни!

Над рощицей взошло, затрепетало бледное зарево. Ощупанный страхом, Сергей Арсентьевич поднялся, осторожно боднул невидимую оболочку защитного пузыря - и был оглушен. Ночь выла, ревела, визжала.

- Что это? - отпрянув в тишину укрытия, в ужасе спросил он.

- Авиация, друг мой... - с идиотской восторженной улыбкой ответил ему Костик. - Военная авиация... с артиллерией...

- Бомбят?!

- Нет еще. Но, кажется, сейчас начнут.

- Неужели... ядерный удар?.. - еле вымолвил Мурыгин.

- Рядом с городом? С такой высоты? Брось... Для начала долбанут чем-нибудь попроще. Сигарету подбери. Плед прожжешь...

Сергей Арсентьевич послушно подобрал и выбросил оброненную сигарету. Оказавшись снаружи, огонек разлетелся искрами, облепившими на миг незримую выпуклость оболочки. Должно быть, против ветра бросил...

Темнота заворочалась, вспучилась, вывернула алое нутро - и половина защитного пузыря стала видимой - вспыхнула ослепительными штрихами. Надо полагать, хлестнуло землей, осколками, ветками. Язычок свечи колыхнуло, но не от ветра - почва подпрыгнула. Мурыгин не упал рылом в плед исключительно потому, что все произошло совершенно беззвучно.

- Ничего... - услышал он малость подрагивающий голос Костика. - Держит... Интересно, сам-то он как... снаружи?..

- Думаю... не пропадет... - В горле Сергея Арсентьевича сделалось шершаво. - Что это было? Бомба? Снаряд?

- А тебе не все равно?

- Ну... все-таки...

- Ф-ф!.. Мр-р!.. Ш-ш!..

Оба привскочили от неожиданности и уставились на возникшее возле миски существо. Это была знакомая им кошечка щучьей расцветки с двумя рыжими подпалинами на хребте. Шерстка - дыбом, зрачки разъехались во весь глаз. Ночная тварь.

- Господи... - поражение вымолвил Мурыгин. - Откуда ты, киска?..

- Откуда-откуда... - ответил за пришелицу Стоеростин. - Из-под артобстрела!

- Я понимаю... Как ее туда занесло? Или он им даже укрытия не сделал?

- Кто?

- Сосед наш!

- Черт его знает!..

- Или прямое попадание?.. - с затаенным страхом произнес Мурыгин.

- В навесик?

Тот не ответил. Вроде бы кошечка была цела-невредима, только сильно испугана.

- Может, просто погулять пошла, а тут все и началось... - с надеждой предположил Костик. Протянул руку, но погладить не решился. От ужаса могла и цапнуть. - Напугали киску... дураки здоровые... - Он обернулся к Мурыгину. - Сайру вскрой!

Сайру кошка есть отказалась. Снова ослепительно чиркнуло по куполу, снова шатнулась земля.

- Угодит - выкорчует на фиг... - предупредил Мурыгин.

- Пожалуй... - с кряхтением согласился Костик.

Бушующий снаружи ад был в точности таков, каким он представлен в

Писании: огонь и тьма кромешная. Единственное отличие - тишина. В конце концов не выдержали - залегли.

И все равно было очень страшно. Во время снегопада по крайней мере обозначались очертания купола, а тут полное ощущение незащитности: лежишь ничком, опасаясь поднять голову, то ли оглохший, то ли контуженый, а вокруг - огненно-черный кошмар, неслышный армагеддон. Вдобавок земля под навесиком не только содрогалась при взрывах - она еще издавала звуки. Недра тихонько взрыкивали.

Потом кто-то вскочил на спину Мурыгина - и тот чуть не заорал. Передние когтистые лапки деловито, по-хозяйски размяли Сергею Арсентьевичу загорбок, словно бы взбивая подушку, после чего бесцеремонная киска свернулась клубком промеж лопаток. Хотел сбросить, как вдруг сообразил, что обнаглела-то она не зря - явно почувствовала себя в безопасности. А коли так...

Закинул руку за спину, попытался погладить.

- У президента заболи, у спикера заболи, у киски заживи...

Лежащий рядом Стоеростин нервно заржал.

* * *

Конца света они так на сей раз и не дождались - уснули. Просто устали бояться. Приблудная зверушка перебралась на Костика, належанного многими поколениями котов, замурлыкала. Это мурлыканье и было последним, что запомнил Сергей Арсентьевич, перед тем как провалиться в сон.

Сначала ему привиделось черт знает что, точнее - ничего не привиделось. Громоздились кругом серые глыбы мрака, ворочались, скрежетали, ревели. Словом, почти все то же, что наяву, только гораздо шумнее. Потом пригрезилось, будто никакая это была не бомбежка - и они со Стоеростинным пробудились после ночной грозы. Свежий воздух, ясное небо, мокрая трава. «Ну! - хотел сказать во сне Мурыгин. - Что я тебе вчера говорил? А ты: бомбят, бомбят...»

После чего и впрямь проснулся.

Воздух в укрытии, казалось, точно отдает недавней грозой, да и утро выдалось солнечное. Стоило, однако, привстав с драного пледа, оглядеть окрестности, сделалось жутко. Дымящаяся роцца, изломанный обугленный сад, разбросанная взрывами земля. Удивительно, но нигде ничего не горело, хотя копоты хватало с избытком.

Мурыгин содрогнулся и отвел глаза. Взгляд его упал на вскрытую консервную банку. Вылизана до блеска. А кошечки нет, кошечка ушла - должно быть, подалась к своим.

Затем обернулся к Стоеростину. Тот сидел и, сгорбившись, неотрывно смотрел на миску. Словно медитировал. Сергея Арсентьевича поразило выражение его лица - отрешенное, исполненное затаенной муки.

- Что?.. - шепотом спросил Мурыгин. Костик очнулся, облизнул губы.

- Видишь?.. - обессиленно выговорил он.

Мурыгин взглянул. Обломанные вчера за ужином съедобные отростки скукожились, усохли. Исчез и родничок. От водицы на пне осталась жалкая лужица.

- Что?.. - беспомощно повторил Мурыгин.

- Завтрака не будет, - сказал Костик. Равнодушию, с которым он это произнес, не верилось.

- Ты думаешь... - Мурыгин не договорил.

- Суки!.. Суки!.. - В тихом голосе Стоеростина заклокотало бешенство. Сжал кулак, погрозил небесам. - Чем же мы вас так достали, а?.. Никуда от вас не денешься!..

Умолк. Потом встал, усмехнулся через силу.

- Вот почему кошке не следует жить дольше хозяина... - с ядовитой назидательностью изрек он.

- Может, он просто ушел?.. - жалко скривясь, предположил Мурыгин. - Достали - и ушел...

- Какая нам разница?

- Может, вернется еще...

Костик дернул плечом и вышел наружу. Мурыгин поспешил за ним. Легкие обожгло гарью. Отовсюду наплывали негромкие шумы: шелест, потрескивания, шорох - словно где-то неподалеку оползал по склону песок. Однако непривычные эти звуки воспринимались совершенно естественно. Они вполне соответствовали царящему вокруг хаосу. Другое потрясло Мурыгина: в изломанной роще орали вороны, а в голой кроне чудом уцелевшей яблони опять шла воробьиная разборка...

Растерянно оглянулся:

- Но... навесик-то выдержал...

- Навесик выдержал... - безрадостно отозвался Стоеростин.

- погоди! А вдруг ему просто не до нас было? Вспомни, что тут творилось!.. Костик, ну ты же сам сколько раз забывал жратвы дать коту...

В ответ Стоеростин скорчил такую гримасу, что могло показаться, будто он боится расплакаться.

Побрели по исковерканному пустырю. Пахло пожаром, металлом, смертью. И все вокруг изрыто воронками. Самая большая была подобна кратеру. Как будто метеоритом долбануло. Остановились на краю вынутой взрывом земли.

- А ты еще спрашивал вчера, за кого я: за нас или за *них*...

Мурыгин попытался собраться с мыслями, когда рыхлая земля под ногами шевельнулась, подалась вперёд, под уклон. Торопливо отшагнули подальше - и внезапно ощутили знакомое ласковое касание. Будто огромный шершавый язык нежно лизнул их спины - прямо сквозь одежду.

Переглянулись, не веря.

- Ну слава богу... - выдохнул Костик. - Значит, не осиротели...

А грунт продолжал тем временем сползать в воронку. Нанесенная земле страшная рана затягивалась на глазах. Владелец участка исправлял причиненные за ночь повреждения.

- Может, помочь ему? - неуверенно предложил Сергей Арсентьевич.

- Сам справится...

Стало легче дышать. То ли потому что успокоились, то ли потому что из воздуха стремительно улетучивалась гарь. В роще прозвучала дробь дятла.

- А ну как снова бомбить начнут? - спохватился Мурыгин.

Костик вознес глаза к небу, словно ожидая немедленного повторения ночного кошмара, да так и застыл. Мурыгин запрокинул голову - и с ним приключилось то же самое.

Метрах в ста над землей хвостом вверх неподвижно висел исковерканный бомбардировщик. Такое впечатление, будто его сначала шваркнули оземь и лишь потом подвесили - в назидание прочим.

Чтобы впредь неповадно было.

Видеодром

ХИТ СЕЗОНА

ГИНЗБУРГ И ПУСТОТА

Американский режиссер (бывший советский эмигрант) благодаря взгляду со стороны и своей убежденности смог сделать то, что многим казалось невозможным - экранизировать роман Виктора Пелевина.

Лет двадцать назад, или около того, модно было обсуждать следующий вопрос: тексты Пелевина - это литература или не литература? Потом Виктор Пелевин стал безусловной звездой, практически властителем дум, и подобный вопрос больше не задают. Теперь, когда один из самых знаменитых романов автора «Generation П» вышел на большой экран, другой вопрос встал на повестку дня. Фильм Виктора Гинзбурга - это адекватная экранизация или жалкий суррогат, в котором дух книги полностью утрачен? Кажущаяся простота вопроса привлекла внимание многих критиков и блоггеров.

Нужно напомнить, что «Поколение» - один из самых затянувшихся «долгостроев» отечественного кинопроизводства. Первое объявление о работе над фильмом было сделано в 2004 году, съемки начались пять лет назад. Все эти годы внимание публики подогревалось информацией об очередных изменениях в сценарии и кастинге, при том что выпуск картины раз за разом откладывался. За это время можно было заподозрить американского режиссера в творческом бессилии, прикрываемом «точечным пиаром». Пожалуй, это было бы в духе романа - за пиаровскими разводами скрывается пустота и все такое. Нас преследовал ужас буквального прочтения начинающим режиссером книги, которая, казалось, не поддается экранизации.

Ведь «Generation П» - это не юмор с сатирой, не роман про пиарщиков и не философская проза, Пелевин пишет в собственном, уникальном жанре, обдирающем скорлупу и мишуру со всех прочих жанров и выставляющем на показ скелеты, спрятанные в чужих шкафах. Технологии манипуляции сознанием, одни из которых имеют многотысячелетнюю историю, а другие основаны на новейших технологических платформах, он объединяет в общий конгломерат, который вываливает читателю на голову. Для кого-то результатом прочтения становится а-ля буддистское просветление, для кого-то - окончательное расставание с миражами прошлого, а кто-то положит в свою котомку мировоззренческий сарказм. Подобные впечатления, как и смысл рассказа, - о том, что человечество вожделеет само себя посредством телевизора и рекламы, - вряд ли уместятся в рамки экранного сюжета.

Но оказалось, что «русский американец» Гинзбург поступил проще и лучше. Он не стал создавать «экранный аналог» романа, исключив из своей работы многие псевдомистические, фантастико-философские и политико-мафиозные темы первоисточника. В фильме представлен в

основном лишь «пиаровский» срез: почти линейный сюжет нагружен ясными, точно прочитываемыми образами, передающими дух эпохи. Типичная ситуация: гуманитарий Вавилен Татарский в начале 1990-х потерял возможность зарабатывать на жизнь и нашел себя в роли «криэйтора», адаптирующего западные бренды к российской ментальности. Рекламный кураж 1990-х, когда многие заказчики относились к рекламе с той же дотошностью, что и фараоны - к строительству пирамид. Всамделишные пирамиды, построенные на заброшенных землях Подмосковья. Тайные ритуалы, прокладывающие путь к власти. Политические кукловоды, которые управляют страной, моделируя картинку на экране телевизора. Цитаты из Пелевина подаются правильно, с нужной интонацией, получается точно и смешно. Зритель находит на экране развернутую картину 90-х годов прошлого столетия, достоверно передающую отношение граждан независимой России к тем ужасам и прелестям, которые неожиданно обрушились им на голову.

Однако неверно было бы утверждать, что фильм представляет всего лишь «картину перехода России от коммунизма к капитализму», как нас в том пытается уверить американская кинобаза IMDb. Хотя мифологический компонент укорочен режиссерскими ножницами, Вавилена Татарского по-прежнему ждут ритуальная женитьба на богине Иштар и роль живого идола, притягивающего к себе взгляды миллионов. Как и многие идолы современности, он создается человеческим взглядом, - зрители платят дань древней богине, возлагая свои вау-факторы на ее алтарь.

Разумеется, фильм не является адекватной экранизацией книги, и по своему правы критики, упрекающие режиссера в отрыве от источника. Но при этом набор впечатлений, которые картина оставляет у подготовленного зрителя, конгруэнтен впечатлениям от пелевинского романа. С этой точки зрения экранизация удалась. В фильме великолепный актерский состав (В.Епифанцев, М.Ефремов, И.Охлобыстин, В.Меньшов, А.Панин, Р.Литвинова), некоторые из актеров фактически играют самих себя.

Пелевинские читатели с энтузиазмом будут ждать новой работы Гинзбурга, который, по сообщениям прессы, уже приобрел права на экранизацию «Empire V».

Сергей НЕКРАСОВ

рецензии

ХРАБРЫЕ ПЕРЦЕМ

(YOUR HIGHNESS)

Производство компаний Stuber Productions и Universal Pictures (США), 2011. Режиссер Дэвид Гордон Грин.

В ролях: Дэнни Макбрайд, Джеймс Франко, Расмус Хардайкер, Натали Портман, Тоби Джонс, Джастин Теру, Зои Дешанель, Чарлз Дэнс, Дамиан Льюис, Саймон Фарнэби и др. 1 ч. 42 мин.

Жили-были два брата - Славий и Завидий. Первый - сильный, храбрый и ловкий, настоящая гордость королевства. Второй - его полная противоположность. Но когда злой колдун похитил невесту Славия, прекрасную Белладонну, Завидию, дабы избежать изгнания из королевства, тоже пришлось взяться за меч и отправиться в смертельно опасное путешествие...

Несмотря на банальную фэнтези-завязку, интриг, неожиданных поворотов и интересных персонажей в фильме «Храбрые перцем» намного больше, чем требует того жанр комедии. Другое дело, что отличный сюжет можно легко не заметить под наплывом шуток, которые делятся на два вида: ниже пояса и про «траву». Причем первых в разы больше, чем вторых. Впрочем, чего еще ждать от фильма с рекламным слоганом «Для тех, кому жмут гольфики!» и режиссера «Ананасового экспресса: сiju, курю». Как ни странно, шутки действительно заставляют улыбаться и смеяться, невзирая на их специфику. Хотя местами создатели явно перегибают палку. Потому что отрубить минотавру причиндалы, долго размахивать ими перед зрителем, затем повесить себе на грудь в качестве трофея, а потом пытаться отнять их у юной девы - это уже перебор, который не очень красит в целом крепкую картину.

Однако перегнули палку не только создатели фильма, но и отечественные переводчики. Творческая группа «Кураж-Бамбей», известная прежде всего по переводу популярного сериала «Теория большого взрыва», явно перестаралась с адаптацией «Храбрых перцем» для российских экранов. Поэтому вместо Фабио и Тадэуша приходится слышать Славия и Завидия, вместо оригинального «Что за фигня?» звучит заезженная комиками и переводчиками фраза: «Меня терзают смутные сомнения», а герой, оказавшийся в Лабиринте, предсказуемо восклицает: «Замуровали, демоны!».

Стоит добавить, что есть и другая версия перевода в исполнении Гоблина, без отсебятины и прочих огрехов.

Степан Кайманов

TOP

(THOR)

Производство компаний **Marvel Entertainment, Marvel Studios Inc. и Paramount Pictures (США), 2011.**

Режиссер Кеннет Брэна.

В ролях: Крис Хемсворт, Натали Портман, Энтони Хопкинс, Том Хиддлстон, Стеллан Скарсгард, Кэт Деннингс, Кларк Грегг и др.

1 ч. 55 мин.

В Голливуде очень любят брать сказки, мифы и легенды, разбирать их на детали, а потом собирать заново, подстраивая под нужды сценариста. Так когда-то случилось с «Аладдином» и «Геркулесом». Так случилось и со скандинавской мифологией. У человека, знакомого не понаслышке с германскими мифами, просмотр фильма «Тор» вызовет недоумение. Тому, кто зачитывался одноименными комиксами, подарит пару часов счастья. Для прочей аудитории картина Кеннета Брэны станет очередной возможностью взглянуть на то, как 150 миллионов исчезают в фейерверке спецэффектов.

У Всеотца Одина было два сына - могучий Тор и хитрый Локи. Каждый из них мог занять трон Асгарда. Но выбор пал на Тора, который и стал бы новым правителем, если бы не его заносчивость и вспыльчивость. Показывая молодецкую удачу, Тор неожиданно разжег войну между Асгардом и ледяными великанами. Чему отец, конечно, не был рад и в наказание сослал Тора на Землю, лишив его всех божественных сил. Чтобы вернуться в Асгард, Тору необходимо доказать: он достоин трона. Но сделать это будет нелегко, ибо Локи, сам желающий занять трон, постарается помешать возвращению брата...

Как видно, ни о каком Рагнареке, вокруг которого крутилась скандинавская мифология, в киноадаптации речи нет. В основе сюжета лежит простая история о супергерое, желающем во что бы то ни стало вернуть свои способности. Увы, кроме этого, создатели «Тора» больше ничего предложить не могут. Звездный актерский состав (Энтони Хопкинс, Натали Портман и Рене Руссо) никак себя не проявляет, зачастую проигрывая новичкам - актерам, исполняющим роли Тора и Локи. Декорации Асгарда выглядят неправдоподобными, картонными, кукольными. В качестве места основных событий и вовсе взят какой-то захолустный американский городишко. Словом, помимо интересной истории картине существенно не хватает масштаба.

Алексей Старков

ПАСТЫРЬ

(PRIEST)

Производство компаний Buckaroo Entertainment, Michael De Luca Productions и Screen Gems (США), 2011.

Режиссер Скотт Чарлз Стюарт.

В ролях: Пол Бетгани, Карл Урбан, Кэм Жиганде, Мэгги Кью, Лили Коллинз, Брэд Дуриф, Стивен Мойер, Кристофер Пламмер, Алан Дэйл и др.

1 ч. 28 мин.

Скотту Чарлзу Стюарту отчаянно не везет на хорошие истории. Первый же его фильм «Легион», к сценарию которого режиссер наряду с Питером Шинком сам приложил руку, отличался повышенным содержанием бреда и дыр в сюжете. Но при этом запомнился яркими экшен-сценами и крайне харизматичным главным героем в исполнении Пола Беттани.

С «Пастырем» произошло то же самое. Экранизация корейского комикса про войну людей и вампиров получилась богатой на действие, но скупой на сюжет. Если строго определять жанровую принадлежность картины, то получается, что перед нами альтернативная история с элементами фантастического боевика. Из века в век люди и вампиры бились друг с другом, пока Церковь не создала пастырей, которые и переломили исход войны. Уцелевшие вампиры были сосланы в резервации, а люди укрылись в огромных мегаполисах за высокими стальными стенами. Именно об этом повествует пролог, оформленный в виде комикса. Сам фильм стартует с того, что вампиры возвращаются и похищают дочку брата одного из пастырей. Убитый горем отец, естественно, взывает к пастырю о помощи. И получает ее, несмотря на сопротивление Церкви, которая не желает слышать о том, что вампиры вернулись.

Пастыри - это такие суперсолдаты Церкви, способные убивать сильных и быстрых вампиров голыми руками. Но откуда они появились? Как их нашла Церковь и заставила служить? Почему они обладают таким могуществом? Ни на один из этих вопросов фильм не дает ответа. Как и в случае с «Легионом», многие факты остаются за кадром. Например, странная мотивация Церкви, не желающей отпускать храброго пастыря на помощь своему другу. И, как в случае с «Легионом», картину спасает исключительно Пол Беттани. Все прочие актеры недоигрывают или переигрывают.

Отдельно хочется сказать о 3D. Оно в «Пастыре» ужасное. И либо не проявляется вовсе, либо делает картинку существенно хуже.

тема

НОВЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

«Вы занимаетесь тем, чего нет» - эта крылатая фраза из комедии «Гараж» была сказана отнюдь не про детскую кинофантастику. Однако... Есть ли у нас детское фантастическое кино?

Сказка о потерянном времени

Какую бы роль семидесятые и восьмидесятые годы XX века ни сыграли в развитии отечественного кино, для детского кинематографа это было время расцвета. Снимали Ролан Быков, Леонид Нечаев, Владимир Грамматиков, Павел Арсенов, Константин Бромберг. Затевались амбициозные международные проекты («Мио, мой Мио»). На детские фильмы выделялись более значительные бюджеты, чем на «взрослые», хотя, конечно, с голливудскими было не сравнить, Но недостаток средств лишь подстегивал фантазию художников.

Детской фантастики, если приплюсовать сюда и фильмы-сказки, выходило на экраны в разы больше, чем взрослой. Причем сказка и НФ имели тенденцию пересекаться и скрещиваться: робот в «Тайне железной двери» Юзовского, инопланетяне в «Сказке о Звездном мальчике» Нечаева, препарат «балдин» в «Руки вверх!» Грамматикова. А в «Незнайке с нашего двора» дело дошло до отнюдь не детского столкновения прагматизма и романтики, выраженного в знаменитых песенных строчках: «С кем водятся волшебники? А с тем, кто верит в

них!».

Интересно, что подавляющее большинство детских киносказок было музыкальными фильмами. Леонид Нечаев в интервью так сформулировал причину музыкальности: «Ребенок воспринимает мир в абсолютном счастье. А счастье лучше всего выражается в песнях».

В детских сказках снимались лучшие советские актеры, которые видели в этом возможность сбросить груз серьезности, от души порезвиться в образе и одновременно продемонстрировать свой профессиональный класс. Ведь приходилось играть рядом с детьми, да и юный зритель всегда более требователен и бескомпромиссен.

Девяностые подкрались незаметно, и детская кинофантастика едва не ушла в небытие. Пальцев на двух руках вполне хватит, чтобы пересчитать все жанровые детские картины, снятые за целое десятилетие.

В первой половине 1990-х еще выходили фильмы, во многом продолжающие советскую традицию: «Подземелье ведьм» Мороза, «Безумная Лори» Нечаева, «Волшебник изумрудного города» Арсенова, «Маленький принц» Росса. Хотя при этом темы поднимались уже совсем иные, на какие в 1980-е особо не принято было снимать - например, религия.

На фоне слома любых творческих и мировоззренческих рамок иногда получались весьма необычные гибриды. Скажем, «Хаги-Траггер» Эльдора Уразбаева представляет собой микс трех жанров и стилей. С одной стороны, это типичный для своей эпохи бандитско-милицейский фильм с политическими аллюзиями, с другой - перепев голливудских хорроров категории «Б» про кукол-убийц. А с третьей - узнаваемая манера съемок детского кино: музыка Евгения Крылатова, Георгий Вицин в роли чудаковатого волшебника и кукла - главный герой, больше похожая на своих собратьев из кинолент, что показывали в передаче «В гостях у сказки». Но делался фильм явно не для детей. Впрочем, не вполне понятно, для кого... Другой любопытный образчик - снятая украинскими кинематографистами четырехсерийная телевизионная картина «Кольца Всевластья». Здесь причудливым образом переплелись восточноевропейский антураж и явные толкиновские мотивы, в сюжете даже нашлось место аналогу гигантской паучихи Шелоб.

А потом наступил век двадцать первый...

Шаг с крыши

Фильмы, вышедшие в начале, во многом повторили схему предыдущего десятилетия - они прежде всего пытались подражать лучшим советским образцам. Иногда даже были прямым их

наследием: новый век для отечественной кинофантастики начался с выхода осовремененной версии «Через тернии к звездам» Ричарда Викторова, которую осуществил его сын Николай. «Подновили» спецэффекты и звук, добавили несколько ранее вырезанных минут и подогнали хронометраж под новые стандарты проката. Нечто подобное в метафорическом смысле можно сказать и об оригинальных жанровых работах.

При этом заметна тенденция, пришедшая с Запада: детское кино стало не сугубо детским, а ориентированным на семейную аудиторию. Так, «Сверчок за очагом» Леонида Нечаева (2001) вообще можно отнести к фильмам для детей с большой натяжкой. Здесь всего один второстепенный персонаж - девочка-подросток, да и проблематика абсолютно взрослая, пусть и раскрытая в сказочно-рождественском ключе. Режиссер отказался от острых социальных или философских тем, присущих его более ранним сказкам, в пользу, выражаясь словами Льва Толстого, «мысли семейной». При этом «Сверчок за очагом» визуально практически не отличается от нечаевских работ советского периода, разве что вкраплениями компьютерной графики и качеством пленки.

«Повелитель луж» (2001) Сергея Русакова похож на детские фильмы 1980-х, несмотря на то что сюжет принадлежит новому времени и напоминает третью серию «Детей шпионов»: несколько юных героев побеждают злого гения виртуального мира. Похож прежде всего атмосферой морской романтики и опять-таки смешением элементов научной фантастики и волшебной сказки, когда в пространстве компьютерной игры действует обыкновенный водяной. Пожалуй, такого открытого морским просторам фильма с тех пор у нас так и не сняли.

Только несколько эпизодов и те же самые элементы компьютерной графики выдают «современное» происхождение «Тайной силы» (2002) Марины Казниной, созданной, по мотивам уральских сказов П.П.Бажова. И опять же, хотя по жанру это фильм-сказка и одним из центральных героев выступает маленькая девочка, все-таки внимание зрителя сосредоточено на, взрослом персонаже - камнерезчице, которую играет Нонна Гришаева, ее личностных и творческих проблемах, вряд ли понятных юному зрителю. Впрочем, едва ли не отдельным действующим лицом и «спецэффектом» выступает могучая уральская природа.

Традиции киносказок наподобие «Там, на неведомых дорожках» продолжает «Чудеса в Решетове» (2004) Михаила Левитина, где в современном провинциальном городе действуют Кощей Бессмертный, Баба-яга, русалка, говорящий кот и тому подобные представители мифологии. Фильм тоже относится к категории, скорее, семейного кино, к тому же хоровод сказочных персонажей дан сквозь призму постмодернистской иронии. Чего стоит одна Василиса Прекрасная,

меняющая мужей почти как Иштар у Пелевина в «Generation П». К недостаткам можно отнести и рыхлый сюжет со слабой интригой, и слишком грубую компьютерную графику, особенно в сценах метаморфоз Кощея..,

У времени в плену

Переломный момент в детской кинофантастике наступил во второй половине «нулевых». Хотя «переломный», конечно, сильно сказано. Речь в любом случае идет о единичных образцах. Но кое-какие общие тенденции все же проглядывают. Перелом связан с выходом дилогии Тимура Бекмамбетова о Дозорах, Формально «Ночной Дозор» и «Дневной Дозор» не относятся к детскому или подростковому кино (и даже семейному), Тем не менее зрительский успех фильмов predetermined дальнейшее направление развития.

Знаменовали это как минимум два обстоятельства. Во-первых, резко возрос технический уровень - специальные эффекты и по количеству, и по качеству стали вполне сравнимы с западными фильмами. Причем не только категории «Б», но и «А», хотя, конечно, до зрелищности летних голливудских блокбастеров было еще очень и очень далеко. Тем не менее стало возможным переносить на экран более прихотливые фантазии, чем раньше. Во-вторых, жанровый кинематограф, кроме пары исключений, почти полностью отказался от советских традиций. Вернее, они перестали играть ведущую роль: соотношение «ностальгического» и современного выражается в пропорции участия знаменитых и любимых зрителями советских актеров и более молодых «звезд», чей дебют пришелся на 1990-е или даже позже. Причем малый золотник оказался воистину дорог - сыгранные представителями старой школы эпизоды с легкостью затмевали основные партии, что наглядно продемонстрировали те же «Дозоры».

Подражание западной кинофантастике тут же обернулось пришлыми болезнями: ходульными образами, штампами, заметными невооруженным глазом сценарными прорехами. Средний американский фантастический фильм, особенно для детской и семейной аудитории, строится на стандартных, но проверенных сюжетных блоках, Такие фильмы не раз и не два сравнивали с любимым блюдом кинотеатров - попкорном: пищевая ценность низкая, но съедается легко. Однако это главное достоинство попкорна зачастую не дается отечественным киноделам: фантастика выходит мало того, что вторичная, так еще и неровная, трудная для потребления. А способность устойчиво выдерживать уровень - одно из главных отличий профессионала от дилетанта. Другая специфическая

и до сих пор не изжитая болезнь нового российского кино - увлечение компьютерной графикой. Это напоминает ситуацию «школьница и ее первый косметический набор».

На волне «Дозоров» в 2006 году вышел «Азирис Нуна» Олега Компасова - экранизация повести Сергея Лукьяненко и Юрия Буркина «Сегодня, мама!». Его сильными сторонами были как раз графика и эпизодические роли, сыгранные Александром Филиппенко - из «старых» и Максимом Авериным - из «новых». Слабыми - все остальное. Любопытно и то, что, несмотря на внушительный для середины десятилетия пятимиллионный бюджет, картина смотрится так, будто снималась для телевидения в качестве пилота сериала.

В том же году увидел свет фильм «В плену времени» Вячеслава Афонаина - детская фантастика о путешествиях в разные эпохи с помощью изобретения таинственного мастера. В актерский состав попал и единственный подросток из «Дозоров», исполнитель роли Егора - Дмитрий Мартынов, которому, впрочем, досталось очень мало экранного времени, и потому его появление в кадре выглядит своеобразным cameo. «В плену времени» не может похвастаться ни одним из достоинств новой киноэпохи - здесь нет ни зрелищных эффектов, ни мощных советских актеров в эпизодах. Зато все недостатки, увы, присутствуют: непроработанный сценарий, «телесериальная» игра и постановка, откровенная дешевизна многих сцен (так, в эпизоде нападения гигантского паука кукла даже не двигается). Несколько оживляет действие только Елизавета Арзамасова, она впоследствии прославилась ролью в сериале «Папины дочки».

Не прервалась и линия «гибридных», наполовину арт-хаусных фильмов, представленных и фэнтези, и неким подобием НФ. В первом случае это сказочная «Лесная царевна» (2005) Тэмо Эсадзе и Александра Басова. Эсадзе, выступивший и автором сценария, взял за основу тот же фольклорный сюжет, что и в «Сказе про Федота-стрельца», но разбавил его мотивами других русских народных сказок. В то же время здесь чувствуется влияние и кинотрилогии о Кольце Питера Джексона. Картина получилась на удивление крепкой, с режиссерскими находками и тонким балансом между сказочным, романтическим и комедийным элементами. Хотя спецэффекты оставляют желать лучшего, особенно примитивная графическая модель кота Баюна, зато на высоте жутковатый пластический грим нечеловеческих персонажей. Однако режиссеры подпустили в картину и долю психоделики. По сюжету, главный герой, царский сын Иван, должен раздобыть «то, не знаю что» не где-нибудь, а в царстве мертвых. Мистическое путешествие Ивана в небытие, занимающее треть фильма, напоминает кадры из культового фильма Джима Джармуша «Мертвец».

Другая картина, «Крэйк» (2007) Марины Казниной, тоже являет своего рода трип в глубь бессознательного, несмотря на то что на первый взгляд четко ориентирована на детскую аудиторию. Хотя в основу положена известная повесть Д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика», сюжет вращается вокруг пересечения реальностей. Современный подросток, способный передвигаться только в инвалидной коляске, играет в компьютерную игру, управляя другим подростком, доисторическим. Однако и пещерный мальчик Крэйк не так прост. Ему известно о своем «кукловоде», а кроме того, Крэйк пользуется остатками технологий працивилизации, чье развитие превышало даже современный земной уровень. В фильме переплетаются мистика, виртуальная реальность, рассуждения о Шамбале и явление девочки из древней Лемурии, живущей в каком-то ином измерении. Хотя объяснений происходящему толком не дается, вместо этого множество намеков, медитативные планы и клиповые вставки. Возможно, все дело в крайне ограниченном бюджете, из-за чего зрелищность пришлось заменить претензиями на «кино не для всех»... Справедливости ради следует сказать, что «Крэйк» предвосхитил увлечение «аватарами» и «суррогатами», охватившее через несколько лет далекий Голливуд.

На особенном положении оказались две картины, прошедшие всего на нескольких широких экранах и почти не замеченные. «Новая старая сказка» (2006) Наталии Калашниковой переносит в современные реалии Бабу-ягу, сыгранную Еленой Санаевой. Этот фильм снят по сценарию Сергея Козлова, ушедшего из жизни в начале 2010 года... Стала последней картиной для своего создателя и «Дюймовочка» (2007) Леонида Нечаева, мучительно снимавшаяся три года. Все, за что зритель любил фильмы режиссера, он найдет и здесь, отчасти благодаря тому, что сценарий написан постоянным соавтором Нечаева Инной Веткиной еще «в те годы». Однако и на прежние киносказки «Дюймовочка» не похожа: место традиционных для нечаевских картин почти театральных декораций занял откровенно виртуальный фон с отчетливо видимым «хромакеем». Но все же это ни много ни мало последний советский фильм для детей, долетевший к нам через полтора десятка лет...

Страшилки советского детства

К концу десятилетия оформилась и еще одна тенденция - появилось и стало развиваться молодежное жанровое кино. В советском и раннем постсоветском кино фантастики специально для молодежи как таковой еще не было: ставились фильмы, адресованные или детям, или взрослым, но которые могли смотреть в том числе и подростки. Это не

значит, что молодежных фильмов не было вообще, они снимались еще в дозвучившую эпоху - например, «Красные дьяволята», - а в 1960-е расцвели буйным цветом. Однако кинофантастика, адресованная этой категории зрителей как отдельное явление; со специфичными персонажами и проблемами, возникла только в новом веке.

Причин сразу несколько. Во-первых, рынок начал дробиться на сегменты - и сформировалась новая платежеспособная аудитория, которая захотела видеть себя на экране. Во-вторых, в конце 1990-х такой кинематограф обрел второе дыхание на Западе. На волне успеха постмодернистских фильмов ужасов Уэса Крэйвена из серии «Крик» появились и фантастические ленты «Факультет», «Непристойное поведение», «Пункт назначения»... В-третьих, повысилась техническая база - такого зрителя примитивными компьютерными эффектами не завоюешь, хотя традиционно даже в Голливуде молодежное кино относится к разряду малобюджетного.

Едва успев оформиться, российское фантастическое кино для молодежи тут же стало бурно ветвиться на жанры и поджанры. Возникли образчики российского подросткового фильма ужасов: снятые в духе японских хорроров о детях-призраках «Мертвые дочери» Павла Руминова, паранормальный триллер «Индиго» Романа Прыгунова и слэшер в традициях «Пятницы, 13» и «Городских легенд», но выстроенный на основе родных детских страшилок - «С. С. Д.» Вадима Шмелева. Наиболее самобытно в этом ряду выглядит лента Андруса Пуустусмаа «1814», или «Восемнадцать - четырнадцать», где канонический сюжет о маньяке и группе тинейджеров перенесен в реалии царскосельского лицея. Слегка подправив и домыслив вполне реальный случай из жизни юного Александра Пушкина с друзьями, отраженный даже в стихах лицейского периода, авторы создали редчайший пример сочетания «ужастика», детектива и «альтернативной истории».

Вместе с разновидностями триллера пришли и другие жанры - романтическая сказка («В ожидании чуда», «Тариф Новогодний», «Цветок дьявола»), фантастическая авантюра («Скалолазка и последний из седьмой колыбели»), абсурдная кинопародия («Самый лучший фильм»), подростковая «славянская фэнтези» («Русичи»), супергероический экранный комикс («Черная молния», «Темный мир»),

Одновременно в молодежном кино куда шире, чем в детском, стали использоваться характерные НФ-мотивы: путешествия во времени - «Мы из будущего» Андрея Малюкова, развитие компьютерных технологий - двухсерийный «На игре» Павла Санаева.

Новая русская подростковая фантастика несет на себе отпечаток переходного возраста: стремится больше казаться, чем быть, гонится за внешним эффектом, старается выделиться, но подражает западной моде часто даже в мелочах, вызывая себе себя ведет, грубит («Самый

лучший фильм» в этом плане стал притчей во языцех). И если режиссеры еще пытаются как-то удивить или по крайней мере не ударить в грязь лицом, показать, что «и мы можем не хуже», то уровень актерской игры невысок, как и в случае с «чистым» детским кино. Впрочем, здесь ситуация не многим отличается от того же Голливуда, достаточно сравнить фильмы начинающих Леонардо ДиКаприо или Джонни Деппа с их более зрелыми актерскими работами, а по поводу лицедейства повзрослевших артистов-детей из киносаги о Гарри Поттере критически не высказался разве только ленивый. Однако многие отечественные жанровые фильмы для молодежи оказываются все-таки на порядок выше картин для более юного зрителя. Нередко просто потому, что в них вкладывается больше денег.

Новый рубеж?

В конце десятилетия произошли еще три неоднозначных, но знаменательных события в детской кинофантастике.

Во-первых, в России начала кинопроизводство компания «Дисней». Первый диснеевский фильм, снятый на материале русских сказок, - «Книга мастеров» Вадима Соколовского - вышел осенью 2009 года. Рецепт использовался апробированный: зрелищная компьютерная графика, несколько свежих молодых лиц на первом плане плюс любимая поколениями «старая гвардия» - на втором. Только на этот раз всего вышло больше: спецэффектов - как в настоящем добротном блокбастере, и актеров старой школы не один-два, а целая плеяда. Правда, у всего есть обратная сторона. Спецэффекты смотрятся лихо, но насквозь вторично. Актерам негде развернуться. Красочная картинка, выражаясь декораторским жаргоном, «не зафактурена» - деревенские мужики ходят в расписных кафтанах с иголки, и все выглядит как русский аттракцион в Диснейленде (может, откроют?). А что до сюжета.., Он представляет собой шитый на живую нитку набор «цитатных» шуток и анахронизмов, детям вряд ли понятных. Но поговорку о первом блине никто не отменял...

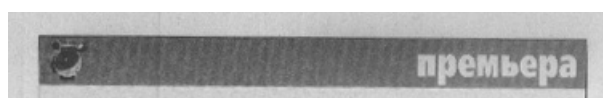
Во-вторых, на экраны вышел, пожалуй, самый амбициозный детский фильм, снятый отечественным кинорежиссером - девяностомиллионный «Щелкунчик и Крысиный король» Андрея Кончаловского. Конечно, отечественной эту картину назвать нелегко, финансирование, а также основной состав актеров и съемочной группы - иностранные, снимался фильм за рубежом. Подробно разбирать его здесь нет смысла³, стоит лишь заметить, что это своеобразный венец линии «гибридов» семейного и арт-хаусного кино.

³ * См. рецензию «Челюсти под елкой». «Если», № 3, 2011.

В-третьих, показателен куда более скромный фильм - «Легенда острова Двид» Анарио Мамедова. В кои-то веки кинематографисты обратились к творчеству современного отечественного детского писателя. Экранизации подверглась повесть «Дети синего фламинго» Владислава Крапивина. Причем сделано это при невысоком бюджете, на региональной киностудии, смотрится же вполне на уровне, даже по спецэффектам. Однако недаром конечный результат усилий съемочной группы так не понравился самому писателю. Фабула соблюдена довольно точно, и лишь акценты... Предательство друзей, у Крапивина возможное лишь под пытками, стало добровольным шагом. А герой, вместо того чтобы сразу уничтожить тиранию огромного механического ящера, крушит с его помощью весь город, словно играет в компьютерную игру. Впору задаться вопросом: или авторы так видят современных детей, или... просто не задумывались над тем, что у них получается. И что хуже?

Будущее у русскоязычной детской кинофантастики есть. По крайней мере, ближайшее. Уже в этом году мы увидим фэнтези Екатерины Гроховской «Волшебный кубок Роррима Бо» с Ренатой Литвиновой, а скоро обещана и новая долгожданная экранизация похождения Алисы Селезневой «Пленники Трех планет». Есть и внушительный кассовый потенциал, который уже осваивают не только западные хиты, но и российская полнометражная анимация. Однако настоящее новое детское кино у нас появится, когда художники будут внимательны к каждой мелочи. Ведь для детей надо не только писать, но и снимать - как для взрослых, только лучше.

Аркадий ШУШПАНОВ

преьера

УРОКИ МИФОЛОГИИ

Предлагаем вашему вниманию традиционный обзор российских жанровых кинопремьер грядущего полугодия. Напоминаем, что график премьер дан по состоянию на май 2011 года, и даты

начала проката некоторых фильмов могут быть изменены.

Центральными событиями **июльского** проката, безусловно, станут долгожданное окончание многолетней эпопеи экранизации поттерианы «*Гарри Поттер и Дары смерти. Часть 2*» (*Harry Potter and the Deathly Hallows: Part II*) и выход на экран фантастической ленты ныне скандально известного Ларса фон Триера «*Меланхолия*» (*Melancholia*). Картина рассказывает о приближении к Земле планеты Меланхолия. Стоит отметить появление на большом современном экране еще одного культового героя американских комиксов - Капитана Америки в блокбастере «*Первый мститель*» (*The First Avenger: Captain America*). Японская космическая НФ 2010 года «*Космический линкор Ямато*» (*Space Battleship Yamato*) уже славно прокатилась по миру и наконец дошла и до наших кинотеатров. То же касается и аниме «*Ариэтти*» (*Kari-gurashi no Arietti*) о стране лилипутов. Звери научатся говорить и станут помогать служителю зоопарка в личной жизни в игровой комедии «*Мой парень из зоопарка*» (*The Zookeeper*). Вампиры, зомби, чудовища и близнецы-телепаты промаршируют по целому ряду фильмов: «*Убить заново*» (*Re-Kill*), «*Страшно красив*» (*Beastly*), «*Близнецы-убийцы*» (*Seconds Apart*), «*Кошмар за стеной*» (*Derriere les murs*).

Август начнется с давно ожидаемого приквела популярной саги о планете Обезьян - «*Восстание обезьян*» (*Rise of the Apes*). Ремейк классической фэнтези «*Конан-варвар*» (*Conan*) также неизбежно привлечет внимание поклонников жанра. Противостоять нашествию пришельцев будут сначала подростковые банды в комедии «*Чужие на районе*» (*Attack the Block*), а затем обитатели Дикого Запада в боевике «*Ковбои против Пришельцев*» (*Cowboys and Aliens*). Очередную смену тел предложит зрителю комедия «*Хочу как ты*» (*The Change-Up*). Ремейк культового ужастика 1973 года «*Не бойся темноты*» (*Don't Be Afraid of the Dark*), пятая часть модного цикла «*Пункт назначения 5*» (*Final Destination 5*), а также боевик «*Последнее племя*» (*The Tribe*) представят жанр хоррора. Юному зрителю перед началом школы прокатчики приготовят продолжение популярного цикла Роберта Родригеса «*Дети шпионов 4: Армагеддон*» (*Spy Kids 4: All the Time in the World*), мультик про маленьких существ «*Смурфики*» (*The Smurfs*) плюс обновленные и переработанные анимационные взгляды на классику «*Красная Шапка против Зла*» (*Hoodwinked Too! Hood VS. Evil*) и «*Медвежонок Винни и его друзья*» (*Winnie the Pooh*).

Сентябрь, как обычно, беден на фантастику. Можно упомянуть разве что отечественную комедию «*Беременный*» и голливудскую «*Пришелец из космоса*» (*Extraterrestre*). Из классиков кино в фантастике отметился Педро Альмодовар в драме «*Кожа, в которой я живу*» (*La piel que habito*). Хоррор напомнит о себе лентами «*Челюсти*

3D» (*Shark Night 3D*) и «Ночь страха» (*Fright Night*), а анимация - комедией «Братва из джунглей» (*Delhi Safari*).

В **октябре** стоит сходить на очередной ремейк арктического НФ-триллера «Нечто» (*The Thing*), на фантабоевик о битвах роботов «Живая сталь» (*Real Steel*), любовную НФ «Ева: Искусственный разум» (*Eva*) и НФ-триллер о мире будущего, где время стало валютой, - «Время» (*In Time*). Как всегда, количество ужастиков под Хэллоуин сопоставимо с количеством остальной фантастики: нас поугаюют картины «Дом в конце улицы» (*House at the End of the Street*), «Вой: Перерождение» (*The Howling: Reborn*), «Дом грез» (*Dream House*), «Паранормальное явление 3» (*Paranormal Activity 3*), «Коллекционер-2 3D» (*The Collection*), «Красный штат» (*Red State*), а также «Шкапулка Диббук» (*Dibbuk Box*). Юным зрителям вновь предложат современное, новое прочтение классики в ленте «Кот в сапогах» (*Puss in Boots*).

Ноября с нетерпением ждут молоденькие девушки, ведь на экраны выйдет очередная серия любовно-вампиурской саги «Сумерки. Сага. Рассвет - часть 1» (*The Twilight Saga: Breaking Dawn*). А школьники противоположного пола привыкли изучать античную мифологию по фильмам вроде «Война Богов: Бессмертные» (*War of the Gods*). Ужасы вновь будут править бал в фильмах «11-11-11», «Пирания 3D» (*Piranha 3D: The Sequel*), «Цунами 3D» (*Bait*), а доброе детского кино вроде «Приключений Тинтина: Тайна Единорога» (*The Adventures of Tintin: Secret of the Unicorn*) по-прежнему скромно займет место в уголке.

Зато в предрождественском **декабре** мультфильмы и семейные фильмы свое возьмут: здесь отечественные «Волшебный кубок Роррима Бо» и «Иван Царевич и Серый волк», французский «Монстр в Париже» (*Un monstre a Paris*), голливудский «Секретная служба Санта-Клауса: Операция «Глобальное рождество» (*Arthur Christmas*), корейский видовой «Тарбозавр 3D» (*Tarbosaurus*). Выйдет игровой фильм «Хранитель времени 3D» (*Hugo Cabret*), мистический «Монах» (*The Monk*) и опять-таки хоррор - «Фантом» (*The Darkest Hour*). Но все же главными кинособытиями декабря надо считать новую версию классики НФ-боевика «Универсальный солдат 3D» (*Universal Soldier: A New Dimension*) и паропанковский сиквел «Шерлок Холмс: Игра теней» (*Sherlock Holmes: A Game of Shadows*).

Тимофей ОЗЕРОВ

АНЖЕЛА И КАРЛХАЙНЦ ШТАЙНМЮЛЛЕР

ПЕРЕД ПУТЕШЕСТВИЕМ

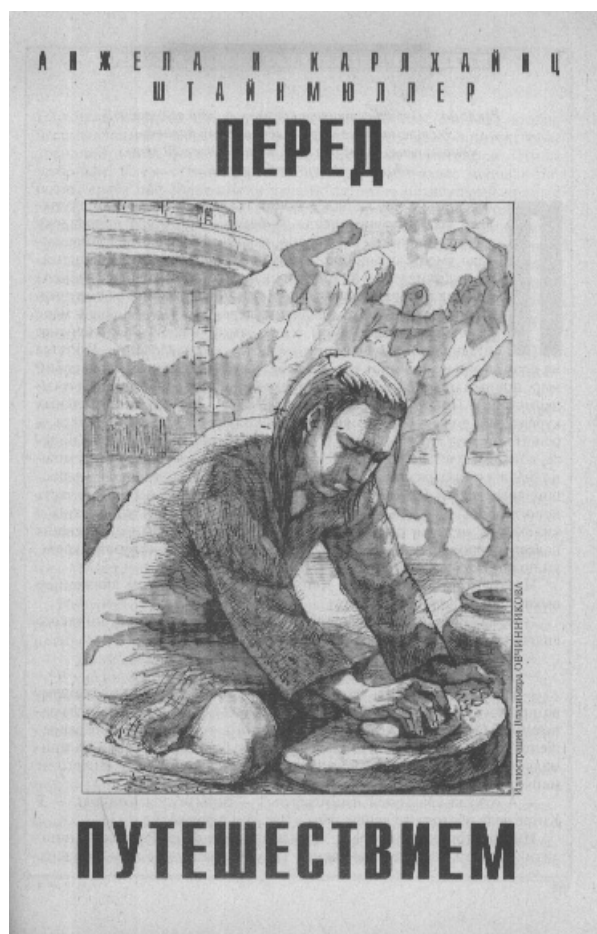

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

*Реклама: «Путешествия во времени - это возможно!».
«Экстремальные туры в ледниковый период».
«Уникальный шанс для тех, кто моложе 32 лет».
«Заявки можно отправлять...»*

Платформа повисла над высокой травой. Летнее тепло окутывало тело, словно одеяло. В бамбуковой роще неподалеку щебетали птицы. Интересно, как они называются? Мира сидела вместе с Кендрю, Рышардом, Глорией-Мэй и еще пятью кандидатами на низкой скамейке, которая была закреплена на поверхности платформы. Они держались за поручни. Надо будет выучить названия деревьев. По меньшей мере тех, что приносят плоды. Уже с самого начала им стало ясно: путешествие во времени - отнюдь ни развлечение. Поездка на свой страх и риск, без багажа и без службы сервиса. Варварский мир, полный опасностей. Нечто, подходящее для суперженщин и супермужчин. Прыжок в каменный век. Здесь, на подготовительных курсах, они должны будут ощутить, насколько трудно им придется, и

решить, смогут ли выдержать. И они начали понимать это еще в полете, когда самолет скользил над лесом, где в зеленом море листвы можно было изредка разглядеть темные острова мертвых городов и заросшие автострады. Потом был маленький аэродром - вероятно, часть некогда большого, но заброшенного аэропорта, затем километры и километры пути на платформе. Иногда - над улицами опустевших навсегда городов, иногда - над рекой. И тишина, от которой мурашки по спине.

Инструктор повернулся к Кендрю и одним быстрым движением выхватил компад из его руки.

- Я, кажется, уже предупреждал вас: никаких новостей, никакого видео, никакой электронной почты!

- Но я только хотел посмотреть результаты выборов!

- Здесь все равно нет спутниковой связи.

- Не можешь выжить без утренней зомбификации? - насмешливо протянул долговязый испанец, чье имя Мира никак не могла запомнить: Оливеро, кажется... или вроде того. - Клонирование запрещено. Суррогатное материнство не может быть профессией. А нормальную процедуру иммиграции так и не могут утвердить. Ничего не меняется.

- А откуда возьмутся иммигранты? - огрызнулся Кендрю. - В Китае дела обстоят не лучше, чем у нас. А в Африке...

Инструктор резко прервал зарождающийся спор. Разговоры о политике в этой поездке запрещены. Табу. Мира была с ним согласна.

Ей хотелось просто наслаждаться дыханием леса, оставив все позади: бессмысленные дебаты, рев моторов, перепродажу ипотек, рост арендной платы, бесконечные стоны экспертов-демографов. Птицы щебетали. Слева сквозь каменные руины пробивалась молодая поросль, трава под солнечными лучами источала незнакомый пряный запах. Там, куда они отправятся, их ждут суровые зимы, с буранами и метелями. «Вы будете противостоять мощи первозданной природы, - говорила женщина-аватар на видеопрезентации. - Все, что вы только могли вообразить себе в кошмарах, может стать реальностью». Холод. Голод. Боль. Подъем на вулканы и спуск в ледяные пещеры. Мира не чувствовала уверенности, что готова к этому, но собиралась попробовать. В конце концов она всегда может отказаться и потеряет не так уж много денег, только первый взнос и медицинскую страховку.

Платформа остановилась над обрывом. Брызги ударили в лицо. Впереди лежало озеро. Воздушная подушка взбила на его поверхности волны, когда платформа начала опускаться. Может быть, эта болтовня Сети о бесследно исчезнувших туристических группах, отправившихся в «пожизненное путешествие во времени», - нечто большее, чем провокации для привлечения внимания?..

Испанец Хернандо-и-Боливар, или как там его, первым спрыгнул с

платформы на землю. Кендю подал руку Глории-Мэй. Так называемая «тестовая площадка» напоминала туристический поселок с туземным колоритом: хижины, крытые тростником, открытое место для собраний с костровищем в центре, канаты, натянутые между деревьями. Может, путешественникам надо научиться передвигаться над землей?

Инструктор показал им хижины. Мире досталась в соседки Глория-Мэй. Не лучший расклад, но, возможно, потом удастся поменяться?

- Называй меня Джи-Эм, - предложила та.

В хижине было темно. Когда же глаза привыкли к полумраку, девушкам стало ясно: внутри грязь и запустение. Сквозь щели между темными досками пола проросла трава, мебель покосилась, стены покрывала плесень. Казалось, здесь целую вечность не было работа-уборщика.

- Вы можете отчистить хижины песком, - посоветовал инструктор. - Наберите его на берегу.

- Идиотизм! - проворчала Джи-Эм. - Отчищать дерьмо дерьмом - ничего себе идея!

Им раздали одеяла, грубые, домотканые, из натуральных волокон, все в бурых пятнах. Мира начала понимать, почему на инструктаже им говорили: «Брезгливость нужно оставить дома». Джи-Эм приподняла одно из одеял кончиками пальцев, и из-под него вылез гигантский паук.

- В двухстах метрах отсюда ручей, там вы сможете постирать вещи, - ответил инструктор на незаданный вопрос. - Но для начала вам лучше поискать пищу.

Стоя на коленях, Мира растирала зерно между двумя камнями. Джи-Эм ждала, чтобы выгрести в платок горсть грубой муки и насыпать новую порцию зерен. На лбу у Миры блестели капли пота. Раньше ей удавалось вспотеть только после интенсивных занятий гимнастикой, но тогда ее ждали душ, прохладный напиток и чистая одежда. Теперь же привычные блага цивилизации казались такой далекой роскошью, что Мира даже не думала о них.

Она с трудом выпрямилась и вытерла лоб.

- Ты можешь меня подменить?

Джи-Эм покачала головой.

- Это какой-то трюк! Искать зерна, молоть их, месить тесто. Неизвестно, откуда брать соль. Собирать дрова, топить печь. Мы должны проводить целые дни в поисках еды и пытаться ее приготовить. Нет, тут какой-то трюк! Нам не справиться.

- Этот трюк называется «разделение труда», - устало ответила Мира. - Все работают, никто не стоит в стороне. У каждого свое задание.

- Разве разделение труда придумал не Форд? Или Тейлор? Или как там звали этого парня? Индустриализация, конвейер, то-сё... Или, может быть, оно появилось с аграрной революцией?

Мире не хотелось спорить. «Я знаю, откуда взять соль», - подумала она, глядя, как капли пота падают в намолотую муку.

- Я не понимаю, почему мы должны так мучиться! - продолжала Глория. - В ледниковом периоде мы как-нибудь сможем прокормить себя. На крайний случай возьмем консервы. Если уж мы сами не вызовем временного парадокса, то пара жестянок и подавно. Они распадутся за десятилетия. И почему-то никто не запрещает нам пользоваться стальными ножами.

Но кто знает, что придет в голову их предкам из ледникового периода? Может быть, они захотят принести консервы в жертву своим богам? И туристов заодно? Мира снова посмотрела на маленькую горстку муки и подумала: удалось ли парням поймать рыбу? Или они просто играют в Конана-Варвара? Неужели им придется есть червей, как предупреждал инструктор? Она с силой нажала на жернов, и по его краям выступила узкая белая полоска муки.

- Я спрашиваю себя, должны ли женщины тратить столько сил ради чертовых углеводов? - не успокаивалась Джи-Эм. - Сколько себя помню, мне говорили, что я должна их ограничивать.

Она помогла Мире выпрямиться и встать на ноги. Той казалось, что ее суставы заржавели и плохо сгибаются.

- Видишь, и от меня есть толк, - улыбнулась Глория. - В каком-то смысле это тоже разделение труда.

Мира сидела вместе с товарищами у тлеющего костра. Но это не было похоже на романтический вечер из рекламного ролика. Никто не пел песен. Неужели им нужно было захватить оборудование для караоке? Или дело в том, что они слишком устали? Первый день закончился, и она чувствовала себя разбитой и опустошенной - как после начальных тренировок в гимнастическом зале. Друзья говорили, что она может гордиться своим атлетическим телом. Но теперь у нее болели мышцы, как у новичка.

Инструктор, сидевший напротив Миры, говорил:

- Ваша главная задача - избегать временного парадокса. Это значит, вы не должны выделяться. Словом, в Риме веди себя как римлянин.

Харкан, еще один из туристов, вздрогнул и испуганно оглянулся.

- Вы слышите? - спросил он. - Музыку... Там, за озером.

Но никто с ним не согласился. Кажется, это была слуховая галлюцинация. Тишину, царившую вокруг, нарушали только потрескивание костра да шелест листьев. «Если Харкан так нервничает из-за отсутствия плеера, что же будет дальше?» - подумала Мира.

- Я не могу понять, почему мы должны отправиться в прерию, а не в один из древних городов? - подал голос Рышард. - Александрия, Анкор, Пекин... Листья следует прятать в лесу. Там, где много людей,

легче всего затеряться.

Снова завел свою шарманку... Мира закрыла глаза. Этот Рышард уже начал ее доставать. Перенос был возможен только в немногие точки пространства-времени. В так называемые аттрактивные пункты пространственно-временного континуума. Мира никогда не была сильна в физике, но ей очень нравились загадочные слова вроде «интрепорального трансфера» или «макроскопического квантового эффекта».

Она сглотнула и потыкала палочкой зарытую в золе картофелину. Скоро будет готово. Мира на это надеялась - ее желудок уже начал потихоньку переваривать сам себя. И тишина действовала на нервы. Она вспомнила, как возмущался один из мужчин на презентации:

- За свои деньги я хочу путешествовать с комфортом! Им что, жалко персонала?! Я должен сам заботиться о питании и безопасности? Это неслыханно!

Картофель обжигал пальцы. Мира перебрасывала клубень с ладони на ладонь, нетерпеливо отскребала запачканную золой кожу. Ее не волновало сейчас, что вообще-то они не должны поедать картофель - они же отправляются не в Америку. Аватар на презентации говорила о Европе. «Европейский интергляциал» - еще одно красивое слово. Только это же не эпоха оледенения, а как раз наоборот - между оледенениями. Кажется, речь шла о 1500 годе. До рождества Христова или после? Средневековье или каменный век? Кровавый понос или чума? Какая разница... Горячий картофель провалился в желудок, и Мира едва не потеряла сознание от наслаждения.

Боже мой, зачем только она ввязалась в эту авантюру? Впрочем, дома ее не ожидало ничего такого, о чем бы она скучала. Вечеринки онлайн или в реале? Она устала от шума. Спектакли и медиашоу? Они не волновали ее воображение. Приключения в киберпространстве или поездки на курорты? Все это так предсказуемо... Казалось, ничто не может ее увлечь. Плата за довольство - пресыщение. Чувство пустоты. Может быть, когда она вернется из путешествия во времени, то снова научится чувствовать.

- Почему мы не можем нанести антибактериальное покрытие на кожу?
- продолжал спрашивать Рышард. - Это могло бы здорово нам помочь.

Харкан что-то напевал себе под нос - все громче и фальшивее.

Инструктор терпеливо объяснил: они не должны брать с собой ничего из современных технологий. Никакой инфотроники. Никаких искусственных веществ. Никаких наноматериалов. Только одежда из натуральной шерсти и льна, и они сошьют ее сами. Ножи - их они сами скуют из железа, которое сами же выплавят. И, разумеется, никакой косметики, никаких спреев, дезодорантов, мыла. Никаких удовольствий. Только суровая реальность, первобытная жизнь - и боги, которые любят сильных. Возможно, им следует научиться молиться

богу грозы. Пусть вспомнят, что говорил один из врачей, проводивших обследование. «Путешествия во времени - это спорт для экстремалов. В наше время ничто не может обеспечить такой выброс адреналина». Почему он сам не отправится с ними? Он не может. Диабет. Специальный имплантат поддерживает в его крови нужный уровень гормонов. Что касается кожи, то натуральные краски, которые они научатся изготавливать, смотрятся на ней лучше, чем любые татуировки. Но на самом деле здоровая кожа и так красива...

Мира вздрогнула, почувствовав руку инструктора на своем плече.

- Кто вам позволил дотрагиваться до меня? - воскликнула она.

Все рассмеялись.

Марти, девушка из Венгрии, бежала к берегу, где над водой покачивалась платформа.

- Я больше не могу! Я не хочу! - кричала она.

Ухватилась за край платформы, забралась на нее, села в кресло.

- Скатертью дорога, - проворчала Джи-Эм, украшавшая окно гирляндой из белых цветов. - Какая жалость, что инструктор не может увезти ее и Харкана сегодня же.

Грубая одежда царапала кожу. Мира открыла дверь, и ей на лицо упали первые капли дождя. Никогда не думала, что это так приятно. Она уже и забыла, когда последний раз попадала под дождь. Роботакси могло подъехать прямо к парадной. Ей даже не требовалось смотреть на электронный датчик, чтобы определить, какая погода на улице, - к ее услугам всегда была комфортная температура. Девушка поежилась от холода. Здесь датчики ей тоже не нужны.

Кендю тащил к хижине, которую он делил с испанцем, большую ветку.

- Хочу сделать зонтик! - крикнул он и добавил: - Вообще-то не помешал бы капюшон. А лучше куртка.

- Можете соорудить войлочные шляпы, - предложил инструктор. - Если сами сваяете войлок.

Он стоял под дождем с непокрытой головой, капли стекали по шее за ворот.

- Если он простудится, сам будет виноват, - мстительно сказала Джи-Эм.

«Об этом нечего беспокоиться, - подумала Мира. - Мы все получили прививки». Но кто сделает прививки аборигенам от тех инфекций, которые путешественники могут принести с собой? Проклятый инструктор (он так и стоял, не замечая дождя, словно андроид из нержавеющей стали) наверняка знает ответ и на этот вопрос. Может быть, их будут облучать при входе в портал, чтобы убить всех микробов?

- Вы не против, если мы с Оливером исследуем сегодня заброшенный город? - спросил Кендю.

- Что ж, пожалуй, не против... - ответил инструктор. - Только если вы не забудете о поиске пищи.

Мира поморщилась. Все шло наперекосяк. Им так и не удалось найти съедобные грибы. Они не умели ставить силки для птиц. Здесь есть загон, в котором можно было ловить свиней, но охотники больше боялись добычи, чем добыча их. А теперь эти мальчишки потащатся в развалины искать приключения на свою голову. Лагерь располагался в центре обширной равнины, и вблизи от него обнаружилось несколько деревень, опустевших всего пару десятков лет назад. Когда-то здесь жили настоящие крестьяне. Тогда это место носило название Мекленбург-Померания - это говорили на презентации. Правда, Рышард называл его Romorze и говорил, что так это имя звучит на языке его предков - поляков.

Здесь было довольно много людей, в основном стариков, которые хотели остаться на своей земле, но все они постепенно вымерли в середине столетия. Померания была не единственной обезлюдившей территорией в Европе. То же творилось в Южной Италии, на большей части Иберийского полуострова, Балканах, Украине... Молодежь жила в городах, много путешествовала, подыскивая страны, где налоги в пенсионный фонд были минимальными. Бедные старики жили в гетто, богатые - забаррикадировались в домах престарелых и держали оборону. Повсюду висели растяжки с изображениями счастливых многодетных семей и лозунгами, прославлявшими деторождение, но на пропаганду давно уже никто не обращал внимания.

- А почему Марти свалила? - возмутилась Джи-Эм. - Она должна добыть яйца нам на завтрак.

Оказалось, что, отправившись за яйцами, Марти наступила босой ногой в птичье гуано. Это и стало последней каплей.

Следующим оказался испанец Рамон Боливар-и-Оливеро. Он сошел с дистанции как раз тогда, когда Мире удалось запомнить его имя. Сначала его кожа покрылась красными пятнами. Путешественники гадали: это аллергия? Ожог листьями растения вроде крапивы или борщевика? Потом пятна превратились в прыщики, а прыщики - в пустулы. Рамон сказал, что раньше у него были имплантаты, регулирующие иммунный ответ, но их извлекли, когда он решил присоединиться к экспедиции. Теперь, похоже, он столкнулся с последствиями этого решения. Инструктор задал очень простой вопрос:

- Продержишься или сдашься?

Рамон сдался и попросил новый имплантат.

На следующее утро Джи-Эм спросила:

- Ты не возражаешь, если я перееду к Кендрию, на освободившееся место?

Мира не возражала. Она уже привыкла к тихому топоту мышей по ночам и почти не боялась их. Также ее не смущали пауки, которые поселились под потолком и охотились на мух. Правда, когда парни решили устроить ей проверку и посадили большого жирного паука прямо на подушку, Мира скрипнула зубами. Но и только.

Странно, но ей, пожалуй, не хватало бесконечной болтовни Джи-Эм. В хижине сразу стало странно тихо. Хорошо хоть волчьего воя не услышишь! Волков здесь нет, говорил инструктор. Мира сняла кожаный жилет и положила на кровать. Инструктор знал все. Например, места, где можно найти землянику и ежевику. И червей. Сегодня на десерт у них были черви. Мире казалось, что она попала в дурацкую комедию. Остальные, кажется, считали, что участвуют в фильме-фэнтези, где много приключений и знойного секса. Вероятно, ей стало бы легче, если бы она тоже могла так ко всему относиться. Но у нее никогда не складывались отношения с мужчинами, так что романтика свободной любви ее не привлекала. Дважды она была влюблена. Один раз это был Том - милый мальчик, на несколько лет моложе ее. Второй - Бертран, спокойный и надежный. Оба раза она хотела ребенка. Но Бертран предложил ей сходить в банк спермы. А Том наделал долгов, которые она до сих пор отдавала. Да и зачем ей ребенок? Укреплять Европейский союз?

Собирая ежевику, она засадила шип под ноготь. Но не запаниковала, как это было бы несколько дней назад, а извлекла занозу зубами, по совету инструктора. Спокойно и отстраненно. Посмотрела на крошечную ранку и слизнула кровь.

Вечером, засыпая, она с невольной гордостью смотрела на свои исцарапанные руки. И думала, сколько еще шрамов прибавится во время путешествия. Но эта мысль ее не встревожила.

- Сегодня мы переходим ко второму этапу тренировок, - объявил инструктор. - В прошлом привычные вам формы коммуникации и социального регулирования могут не сработать. Вам нужно научиться защищать свои интересы физически. То есть драться. Мира, подойдите ко мне. Сейчас мы попробуем.

И внезапно он ударил девушку кулаком в бок. У Миры перехватило дыхание. Это было так обидно и глупо. Ей никогда прежде не приходилось драться. За это в общественном месте назначали штраф, насилие над женщиной каралось тюремным заключением. Но в эпоху оледенения еще не слышали о тюрьмах и штрафах. Кто защитит ее там? И она ударила инструктора. Вернее, только обозначила удар - ей не хватало решимости, чтобы причинить боль.

- Правильно, Мира, - сказал он. - Око за око.

И дал ей пощечину. Она услышала, как ахнула Глория-Мэй. В голове зазвенело, из глаз брызнули слезы, щека вспыхнула огнем.

- Вы должны обороняться, Мира. И - вперед.

Она ударила, целя ему в голову. Инструктор уклонился, и тогда она ударила еще раз - в грудь. И тут же отступила. Нельзя увлекаться. Око за око, но не больше. Но тот не отступал. Он схватил ее за руку и заставил встать на колени. Несправедливо: его рост и вес давали ему преимущества. И тогда Мира вспомнила, что в занятия гимнастикой входили тай-чи и бои с тенью. Им говорили, что так они смогут почувствовать свое тело, И она действительно чувствовала его, каждый мускул, пока колотила инструктора, царапала, кусала. И ей было все равно, справедливо это или нет.

Наконец она осознала, что противник лежит на земле, а она заламывает ему руку, не давая подняться.

Позже она спросила, почему тот не вызвал на спарринг мужчину.

- Половые различия, - ответил тот. - Мне почти не пришлось бить вас. После первых ударов нужно было только защищаться.

Шерстяное одеяло отчаянно кололось. Если его скинуть, то мгновенно становится холодно. Ночные шорохи не давали уснуть - кто-то возился в листве, пыхтел, кряхтел. Кажется, еж. Мира теперь знала, как пыхтят ежи. Она знала почти все голоса этого мира. Чем дольше она лежала без сна, тем больше ей становилось жалко себя. Где-то у кого-то были компьютерные игры, телевизор, ридер. А у нее только мысли - докучные, однообразные, они крутились в голове и не давали покоя.

Она была одна. Сейчас она обрадовалась бы компании Джи-Эм, этой лентяйки и болтушки. Ей нужно было слышать хотя бы еще одно человеческое дыхание... Бог мой, как же она сглупила! Как могла поверить, что в прошлом ее дожидается земля обетованная с молочными реками и кисельными берегами? Неужели ей так хотелось покрасоваться и похвастаться необыкновенным приключением? Перед кем? Перед экс-бойфрендом номер один или перед эксом номер два? Да пошли они все! И ее родители заодно. Отца Мира до сих пор не могла простить. Он добровольно ушел из жизни - согласно статистике, это была вторая по частоте причина смерти среди людей его поколения. Послал ей прощальный мейл и принял яд. Так просто, как будто ему не о чем было жалеть, оставляя этот мир. Или не о ком. Люди старше ста двадцати лет обычно устают от жизни, так говорили специалисты на ток-шоу. Но ее отец не дотянул и до половины этого срока. Из него получился бы чудесный бодрячок-пенсионер, всем пенсионерам пример. Кризис среднего возраста, так сказал его врач. Утрата цели жизни. А у Эльзы (Мира не могла заставить себе называть ее матерью) было в жизни слишком много целей: процветание ее фирмы, забота о том, чтобы обеспечить всех нуждающихся великолепными зубными имплантатами, и все это во имя дальнейшего развития экономики и общества.

Что-то укололо в левую щеку. Мира хлопнула себя по лицу и почувствовала под пальцами какое-то насекомое. Ей не хотелось зажигать свечу. Посмотрим утром. Продержишься или сдашься? Если она все еще мечтает увидеть «иное небо и иную землю», придется держаться.

Из темноты донесся далекий, приглушенный лай. Одичавшие собаки. Когда же это наконец закончится? Они сидят на месте и все готовятся, готовятся. Учатся тому, учатся сему, становятся все более агрессивными и нетерпеливыми, а инструктор еще ни разу не сказал, когда же начнется путешествие. Собственно, их можно отправить назад - впечатлений и так хватит надолго. Но что их ждет дома? Мягкая одежда, полный желудок и политкорректность?

А что если их предприятие - просто афера? Нет никаких путешествий во времени, никакого временного портала? Фирма просто ждет, когда они все сдадутся и уедут, потеряв задаток. Мира не слишком разбиралась в физике и понимала, что ее легко обвести вокруг пальца. И разве это не то, что обычно делают фирмы или правительства, - хитрят, обманывают, заставляют верить в иллюзии?

Нет, она на это не согласна! На минуточку, ее недавно избили. И что, тоже зря?!

Она вышла из хижины. Ночь стояла лунная. Мира подумала, что никогда прежде не видела такой большой и светлой луны. Казалось, она попала на какую-то другую планету. Из хижины, где теперь жили Кендю и Джи-Эм, долетали поскрипывания и стоны. Что ж, отлично. Пусть будут счастливы, если им больше ничего не нужно. Но ей необходимо путешествие во времени, и она намерена получить его во что бы то ни стало!

Инструктор жил один. Его хижина больше, чем у других, и в ней не было окна. Мира не собиралась стучать - она просто распахнула дверь. Нечего церемониться с обманщиками!

Инструктор вышел ей навстречу. Она не могла видеть его лица в темноте и не знала, удивлен он или рассержен. Впрочем, это не важно.

- Мира, это вы.

Он не спрашивал, а утверждал.

- Во-первых, я хочу сказать, что сыта по горло. Во-вторых, вы - обманщик. А в-третьих, вам не удастся меня одурачить. Путешествие во времени сейчас же! Или верните деньги!

Инструктор шагнул назад, снял с полки кресало и кремень, высек искру и зажег масляную лампу. В комнате стало немного светлее.

- Это естественно, что вы на меня злитесь, Мира, - произнес он спокойно. - Нормальная эмоциональная реакция.

Его голос в противовес смыслу слов звучал сухо, будто у деревянной куклы. Мира почувствовала, как по щекам катятся слезы.

- Вы должны стать более открытой, Мира. И я думаю, вы уже на пути к

этому.

Девушку захлестнул жгучий стыд. Как глупо, как нелепо она себя вела! Наверное, ее крики перебудили весь лагерь. И что теперь подумают люди?

- Простите, что разбудила вас. Я вела себя как полная дура.

Он улыбнулся - так искренне, что Мира не могла поверить своим глазам.

- Я вряд ли смог бы хорошо выспаться. Полнолуние влияет на всех. Наши организмы начинают жить в соответствии с природными ритмами. Хороший знак.

Закрывая дверь, он легонько шлепнул ее по заду. Абсолютно неполиткорректно. Но Мира поняла, что он хотел этим сказать.

Утром Мира подоила козу, налила теплое жирное молоко в котелок, где лежали зерна, добавила горсть ягод ежевики и поставила на огонь. Она слышала, как на пляже ссорятся Кендрю, Глория и Рышард. Инструктор прав, как всегда: наверное, все дело в полнолунии.

- Можно, я снова поселюсь у тебя? - спросила Глория, вернувшись с пляжа.

- Так быстро? Тебе не понравилось?

Глория попробовала кашу.

- У Кена завелись то ли вши, то ли клопы, - сказала она. - И он каждый раз спрашивает, не хочу ли я его, таким тоном, как будто он принц Альберт, а я королева Виктория. Вот дурак! А Ричи помешан на своей сперме. Якобы его выбрали за то, что его сперма стопроцентного качества. Сто процентов долбанных живых сперматозоидов. Он мечтает о том, как будет оплодотворять славянских дев. Как возродит человечество, трахаясь с нашими праматерями.

«Тогда он создаст временной парадокс, - подумала Мира. - Рышард - Производитель Парадоксов. Звучит забавно».

- Надеюсь, его заставят воспитывать всех этих младенцев. Это было бы справедливо. А у нашего инструктора наверняка нет ни одного живого сперматозоида. Он и сам неживой и спать может только с роботами. Типичная жертва химии, онанизма и кибернетического секса! - Джи-Эм плюхнула в миску половник каши и принялась за еду.

Мира отрыгнула и, не успев прикрыть рот рукой, усмехнулась.

- Наверное, мы должны научиться и этому. Рыгать и пукать. Тогда наши предки примут нас с распростертыми объятиями.

Но Джи-Эм подобная перспектива не утешила.

Остатки каши Мира вывалила в корыто для свиней. Черный хряк тут же принялся тыкаться в объедки пятакком, выбирая самые лакомые куски. Инструктор вышел из своей хижины и начал отжиматься. Мира к нему присоединилась, считая в уме: «Сорок пять, сорок шесть, сорок семь». Ни одного живого сперматозоида, говорите? Есть вещи

поважнее.

Кен продолжал спорить с Рышардом на повышенных тонах, их голоса далеко разносились в утреннем воздухе. «Клонирование? Кто будет этим заниматься? А женщины - просто биологические матери. Тела, приспособленные для вынашивания!» Снова они о сексе! Лучше бы позаботились о завтраке!

Инструктор закончил отжимания и поднялся. Мира досчитала до шестидесяти. Неплохо.

Пот катился с инструктора градом. И от него пахло.

- Вы должны принять решение, - сказала Мира, поднимаясь на ноги. - Иначе в нашей группе не останется кандидатов.

Не отвечая, инструктор подошел к деревянному насосу и начал качать воду. Зря он повернулся к ней спиной. Око за око!

Мира отвесила ему хороший шлепок.

С берега донесся отчаянный крик. Там началась драка. Дебора напала на Рышарда, Джи-Эм вцепилась в волосы Хайке и тащила ее по земле. Почему инструктор ничего не предпринимает? Почему он стоит, скрестив руки на груди, и смотрит на все это с олимпийским спокойствием? Мира хотела вмешаться, но он ее остановил.

Солнце отчаянно пекло, все были голодны и на нервах, но нельзя же в самом деле терпеть драки! Или это тоже часть программы? Навык, которому они должны научиться, прежде чем отправиться в путешествие? Если они придут туда опытными бойцами, возможно, им удастся захватить власть и стать лидерами местного племени?

Теперь Дебора сцепилась с Джи-Эм, Кен бил Рышарда по лицу, Хайке отползала в сторону. Образцовые путешественники во времени!

Не обращая внимания на инструктора, Мира бросилась на пляж. Этому нужно положить конец! Они не варвары!

Рышард повернулся к ней, по его лицу текла кровь, но он все равно занес руку для удара.

- Не трогай меня! - взвизгнула Мира.

Рышард толкнул ее в плечо. Мире удалось удержать равновесие, и тут ее настиг новый удар - под дых. Сложившись пополам и хватая ртом воздух, она свалилась на песок.

А инструктор с видимым удовлетворением наблюдал за ними. Драка вскоре прекратилась сама собой.

- Все. Достаточно. Я уезжаю! - Мира стояла прямо перед инструктором и смотрела ему в глаза. - Нет необходимости отправляться в прошлое. Мы и так уже достаточно одичали. Я не хочу на это смотреть.

Инструктор медленно закрыл ноутбук, стоявший на грубо сколоченном Столике. Поднялся на ноги.

- Вы - наша лучшая ученица, - возразил он. - Мы не ожидали, что вы покажете такие великолепные результаты. Вы готовы к путешествию.

Больше она на это не купится!

- Я уже решила.

- Решительность - отличное качество. Вы заметили, как меняетесь день за днем? Вы стали увереннее в себе, тверже, не такой тонкокожей. Мы готовы предложить вам не только путешествие во времени, но и работу. Очень важную и нужную для всех вас. Я имею в виду - для всего Европейского союза.

- О, я понимаю ваши уловки. У вас нет временного портала. И никогда не было. Возможно, это только разработки. Возможно, просто фальшивка, приманка для легковых юнцов. Вы хотите отправить меня в фальшивое поселение каменного века или средневековый поселок. А я буду обманывать других туристов и помогать вам зарабатывать деньги. Отличная идея! А может, мне предстоит играть аборигенку? По-моему, я стала достаточно грязной и вонючей!

- Нет. - Инструктор покачал головой, он выглядел усталым и печальным. - Подумай о том, куда мы движемся, Мира. Мы все. Человечество. Футурологические модели предсказывают, что уже в этом десятилетии начнется глобальный экономический кризис на территории от Атлантики до Урала. Встанут заводы и фабрики, рухнет энергосистема, начнутся пожары, голод и эпидемии в городах. Нам потребуются люди, которые смогут справиться с этим. Которые выживут и помогут выжить другим.

- Люди вроде Рышарда?

Он молча кивнул.

Мира усмехнулась. Рышард с его стопроцентно живой спермой! Рышард, который только что отмутузил ее ни за что ни про что! Все еще улыбаясь, она вспомнила то, что ей пришлось пережить. Холод и голод, проливной дождь и жару, тяжелый, выматывающий труд и слепую ярость. И внезапно поняла, что это была настоящая жизнь. Ее путешествие во времени только начинается.

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Karlheinz & Angela Steinmuller. Vor der Zeitreise. 2003. Печатается с разрешения авторов.

ОЛИВЬЕ ПАКЕ

УМЕРЕТЬ СТО РАЗ, СТО РАЗ ПОДНЯТЬСЯ

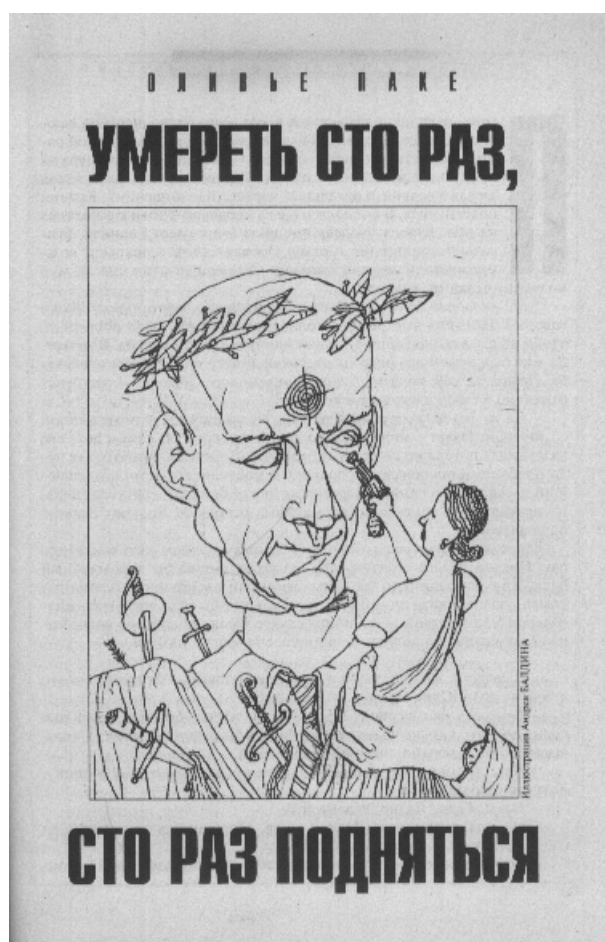

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Первая пуля прошла насквозь через левое плечо, перебив ключицу. Она глубоко впилась в деревянный косяк оконной рамы. Вторая попала прямо в сердце - струя крови хлынула на кафельный пол. Третья пробила правое легкое; следующая засела в печени, а остальные изрешетили кишечник. Колени подогнулись. Я поскользнулся в кровавой луже и грузно осел на пол. Вторая очередь прошла меня сверху донизу, буквально пришпилив к окну. Осколки стекла покрыли кожу множеством мелких порезов. Следующая пуля снесла мне половину челюсти, еще одна...

- Стоп! - заорал Бруно. - Черт подери, Левис, я что, по-китайски говорю?! Никаких выстрелов в голову; сколько раз надо повторять, чтобы до вас наконец дошло? Этому клону всего три месяца. Вот черт, он мне был нужен для роли на следующей неделе. Предупреждаю тебя, Левис: ты сам оплатишь новый экземпляр. Обещаю - это будет отражено в твоём следующем контракте.

- Да это все из-за оружия, Франсис. Не привык я к этим автоматам.

Франсис Эхарт с ворчанием поднялся со стула. На самом деле его раздражала потеря не клона, а кибермозга. Девятимиллиметровая пуля пробила металлическую оболочку и повредила участок, отвечающий за сенсорную память. Карта памяти, где была записана

эта сцена, превратилась во множество кремниевых осколков. Восстановлению не подлежит.

Левис не упустил своего шанса. Дело было в одном-двух сантиметрах. Попади пуля в середину лба, из строя вышел бы двигательный блок. Хирурги зачинили бы раны, заменили электронные элементы, командующие движениями робота, и тот мог бы еще послужить каскадером или жертвой. А в данном случае Франсис потерял воспоминания и ощущения смерти, хранившиеся в картах памяти.

- В качестве компенсации я могу предоставить тебе память моего клона из роли Юлия Цезаря. Вчерашняя.

- Так она у тебя с собой? Но твой клон должен был проиграть всю сцену до того, как позволить себя убить, а там много реплик. У того, которого ты испортил, была именно смерть.

- Нет, с этим все уладили. Клон произносит только одну реплику, получая удар ножом.

- *И ты, Брут?* Ладно, давай карту.

Ассистентка принесла Левису кофр. Он порылся там, вытащил бархатный футляр и протянул Фрэнсису.

- Сейчас проверим. Этим вечером она мне понадобится.

- Вечно твои шуточки.

- Ты что, никогда не пробовал? Когда я включаю карту, информация передается прямо в нужный участок мозга, но это не более чем блеф. Мой интерфейс дает команду только тем мускулам, которым это нужно по программе, и не дает никаких приказов гипоталамусу. Мое сердце не подвергается ни малейшему риску.

- И тем не менее. Это похоже на контролируемое самоубийство.

- Я не Гедда Габблер и никогда не находил красоты в подобных вещах. Но, по правде говоря, приближать смерть - тоже времяпрепровождение, и у меня имеются для этого средства. С этими имплантатами никаких наркотиков не надо.

Франсис положил руку себе на затылок и принялся искать кнопку выброса. Он услышал характерное легкое шипение и щелканье выходящей карты. В правой руке оказалась пластинка, сверкнувшая в свете прожекторов. Четыре сантиметра длиной, сантиметр шириной и толщиной в три миллиметра. Этот крохотный предмет содержал в себе текст роли и инструкции режиссера: как встать, как повернуться, как грозно нахмурить брови, и главное - как умереть.

Вообще-то, артисты-люди не нуждались в подобной искусственной памяти. Но дело в том, что карта также была незаменимой базой личных данных. Каждый мог снова воспроизвести уже сыгранную сцену, снова найти и проанализировать чувства и ощущения. Мог беспристрастно посмотреть на свою игру со стороны, при этом

отвлечься от самого себя, найти новые акценты для следующего выступления. И все это было на карточке в четыре квадратных сантиметра, гладкой и блестящей, без малейшей шероховатости.

Ценой потери миллионов нейронов - это требовалось для установки нейронного интерфейса - Франсис вышел на новый уровень в своей профессии. Он мог экспериментировать, создавая тысячи вариантов прочтения текста, запоминать все эффекты и ощущения, одинаково хорошо улавливать малейшие нюансы голоса и положения тела. Он испытывал, наблюдал реакции, становясь собственным учителем, поправляя сам себя. Одновременно наблюдающий и наблюдаемый. Абсолютное зеркало.

Он положил в карман свою карту и достал из футляра карту Левиса. Подул на нее, убирая несуществующие пылинки. На самом деле не более чем ритуальный жест. Нажал кнопку «читать на повышенной скорости».

- Ну вот, теперь у меня есть все необходимое: реплика, удары ножа, ощущения. Твой клон не так уж и плох, Левис! Он хорошо улавливает замысел автора.

- Программист как следует оттянулся со сценой агонии. Он добросовестно проделал всю работу даже ради одного-единственного представления. Ты обратил внимание, с каким достоинством клон повернулся и рухнул с поднятой рукой? Настоящий Цезарь! Не знаю, в чем была идея, но, по-моему, это в какой-то мере становится блефом.

- С этими роботами-клонами можно изобразить все, что угодно. Жаль только, невозможно наделить их внутренними эмоциями. Тогда они бы смогли полностью заменить нас.

- Ну вот еще!

- Так нам же платят за то, что мы становимся бездушными инструментами.. Носителями текста, не более. Клоны демонстрируют эмоции так же, как мы произносим фразы, написанные другими. Зритель видит лишь одежду, оболочку. А внутри - пустота.

- И это говоришь ты? Твое имя повсюду, режиссеры дерутся за твое участие в фильме, тебя приглашают на все фестивали, во все телепередачи! Да при чем тут текст! Все хотят видеть тебя, твой неповторимый презрительный взгляд, все того же Мизантропа.

- Только текст, мой дорогой. Роль.

Левис пожал плечами и, ворча, покинул съемочную площадку. Франсис бросил последний взгляд на труп своего клона. Ассистенты подтирали пятна с пола. Техническая группа привезла серый металлический контейнер на колесиках. Двое приблизились к роботу-клону, подняли его и кинули в ящик. Труп упал туда с громким хрустом. Вытянутая нога беспомощно торчала наружу. Женщина из технической команды с яростью ударила по колену, сломав его. Остальные подобрали обломки, без всяких церемоний побросав это в контейнер.

Меньше чем через четверть часа съемочная площадка снова сияла чистотой, никаких следов только что произошедшего инцидента. Магия кино.

Женщина из технической группы подошла к Франсису с тактильным экраном.

- Вы подпишете распоряжение о переработке вашего клона?

- Уже?

- Чем быстрее начнем, тем меньше вещества потеряем из-за разложения. Достаточно лишь отделить голову.

- Как креветке.

- Что?

- Где подписать?

Женщина подала ему экран, Франсис приложил палец, и команда сразу же удалилась, толкая свой контейнер с кровавыми следами на металлических боках.

- Бруно?

- Да, Франсис?

- Как ты думаешь, когда я умру, с моим телом сотворят что-то в таком же духе? В металлический ящик - и на переработку?

- Нет, скорее всего, тебя ожидают похороны национального масштаба с длинными очередями поклонников. Женщины будут плакать, политики - произносить речи. Если я останусь жив, обещаю заснять все на видеокамеру и добавить адажио Альбиноно в качестве музыкального сопровождения.

- Вы, режиссеры, можете видеть реальность только через объектив. По крайней мере, все неплохо развлекается.

- Эй, Франсис, а ты часом не становишься сентиментальным? Можно подумать, тебя расстроила потеря клона.

- Нет, конечно, это всего-навсего робот в человеческой коже, но представь себя на его месте. Ты бы позволил себя убить, как кролика? Только представь: все поменять местами и убить оригинал, отправить все человечество на переработку, а клонов оставить жить.

- Клоны способны лишь выполнять указания, они не играют. Ты все еще незаменим, Франсис, и поверь, что иногда меня это просто бесит!

- Да, но клон... Ты думаешь, он знает, что он не артист?

Франсис вышел от режиссера Бруно Лиша, договорившись встретиться с ним на следующей неделе. Они собирались приступить к съемкам новой серии фильма «Смертельная дрожь». Его партнершей будет Мег Лоу. Они прекрасно знали друг друга.

Франсиса не покидала мысль о роботе-клоне, который как раз сейчас должен появиться на свет в лаборатории. Его жизнь продлится всего лишь один день. Таков сценарий: персонаж Франсиса умрет очень быстро. Эфемер.

Артист вышел из такси и подошел к девушке, стоявшей на тротуаре. Та без конца поправляла юбку.

Выбрав такую короткую юбку, она сама себя наказала. Как только она делала шаг, ткань сразу же забивалась между ног. Должно быть, клиенты по достоинству оценили ее вид, но женщина все равно чувствовала себя на редкость неуютно.

Роза далеко не всегда выставляла себя на тротуаре, пританцовывая на высоченных каблуках. Ей платили достаточно много, а ради этого можно смириться и с веревочкой стрингов, врезающейся в бедра, и с бюстгальтером, в котором невозможно дышать. По крайней мере, она избегала холодных улиц и загородной местности. Там едва ли можно поймать такую крупную дичь, как артист Франсис Эхарт, Дон Ливери из «Родиться в Палермо», Гамлет из «Увидеть Копенгаген и умереть» и особенно Марк О'Фланнаган из «Океанских беглецов». Роза плакала в кино, глядя, как он погибает в кораблекрушении. Ни один мужчина в жизни не заставлял ее столько плакать.

Роза удивилась - такой богач и живет в доме, выходящем прямо на бульвар. Здесь же постоянный шум машин! На входной табличке значится только имя: «Франсис Эхарт».

- Это ваш дом? Классно! Я думала, это будет что-то более уединенное, вроде усадьбы.

- Меня убаюкивает гул машин.

- Правда?

- А вы не верьте всему, что я говорю.

Он открыл дверь светлого дерева, и Роза вошла во внутренний дворик. В полумраке она различала два деревца и зеленые растения, выющиеся по белой стене. Она подождала, пока Эхарт зажжет светильник, и только тогда осторожно последовала за своим клиентом, глядя себе под ноги. Пол, выложенный декоративным камнем, был настоящим вызовом для ее каблуков-шпилек. Шагнув в холл, она сразу же заметила скульптуру, стоящую прямо напротив входа.

Это было нечто вроде маленького макета театра, полтора метра в высоту. С крышей и балконом, нависавшими над квадратной сценой. На сцене - две позолоченные головы, одна из них - в короне, находилась в равновесии, чуть покачиваясь. Рты персонажей были искусно проработаны до малейшей морщинки. Роза положила руку на одну из голов: металл. Она повернулась к Эхарту, когда из скульптуры раздался громкий голос:

- Король дарует мир Европе.

Другой голос, более теплый и грубый одновременно, с тем же металлическим акцентом произнес:

- Мир венчает Короля славой.

Диалог. Растерявшись, Роза наблюдала, как из металлических ртов

выходят слова, одно за другим. Искаженные звуки явно были не человеческими, но слова можно было легко понять.

- И мир даст счастье народам.

- О, Король, обожаемый отец своих народов, их счастье покажет Европе славу твоего трона.

Головы замолчали, снова принимая бесстрастный вид.

- Говорящие автоматы аббата Микала, - уточнил Эхарт, прежде чем Роза пришла в себя. - Эта модель датируется 1870 годом, но изобретатель предпочел разрушить свое творение, сочтя несовершенным, несмотря на отчеты Академии наук. Я заказал эту копию. Здесь используются механизмы, изобретенные Кемпеленом, другим знаменитым механиком.

- Как это ужасно, не по-человечески.

- Современный вокальный синтез, разумеется, звучит намного эффектнее, но в девятнадцатом веке все происходило посредством механики и труб. Пойдемте.

Они поднялись этажом выше, и Роза увидела целую галерею богато одетых фарфоровых кукол. Эхарт подошел к маркизу высотой чуть больше полуметра, в красном рединготе и с босыми ногами. Тот сидел за мозаичным столиком с птичьим пером в руке.

- Хотите, чтобы он что-нибудь написал? - спросил артист.

- Я даже и не знаю...

Эхарт улыбнулся, открыл дверцу и вставил диск с программой. Снова все закрыл и повернул рычаг. Тотчас же фарфоровый маркиз обмакнул перо в чернильницу и написал несколько слов на лежащем перед ним листке бумаги. Поставив последнюю точку, он остановился. Посреди листа появилась фраза, написанная по всем правилам старинной каллиграфии: «Я даже и не знаю».

- Автомат Пьера Жака-Дроза, та же эпоха, к которой принадлежат говорящие головы. Единственный экземпляр в мире, предок всех наших компьютеров и всего, что программируется.

- Вы их коллекционируете?

- Скорее, коплю. Подобные предметы нынче мало кого интересуют, музеи от них избавляются. Никто больше не считает эти предметы чем-то, заслуживающим внимания. Киборги и андроиды вытеснили их из истории техники.

- Тогда почему же вы храните все это?

- А они мои двоюродные братья.

Эхарт не дал Розе возможности задать другие вопросы и повел ее в салон. Она немного полюбовалась трофеями на камине и каннским призом за лучшую мужскую роль в фильме «Прощай, любовь». Она искренне восхищалась каждой наградой, но артисту это быстро наскучило. Он налил себе стакан виски, предложил Розе портвейна и начал просматривать почту. Закончив свою работу, Эхарт поднялся и

бросил ей: «Ну что, идемте?».

Роза с готовностью последовала за своим клиентом в комнату.

Кровать под балдахином, тяжелые бархатные портьеры цвета бордо, старинная мебель. Казалось, время здесь остановилось, как будто застыло во льду.

У ножки прикроватного столика Роза заметила корзинку, полную каких-то металлических прямоугольников, но предпочла ни о чем не спрашивать. Она начала стаскивать с себя юбку.

- Нет-нет, не трудитесь, мы же обо всем договорились.

- Но, месье, за эти деньги я могу вам много чего сделать. А так как я очень люблю ваши фильмы, вы сможете меня даже поцеловать.

- Вы не поняли. Я оплачиваю ваши услуги, а вы принимаете мои фантазии.

- Немного дороговато за такое, но раз уж вы так решили... Предупреждаю: я не принимаю наркотиков, это отмечено в моем контракте.

- Успокойтесь, располагайтесь, и все пройдет хорошо. Я сейчас лягу на кровать, если это вас не беспокоит.

- Только укладывайтесь с краю, я останусь на ковре. Я не хотела бы вывихнуть себе спину.

Эхарт потянулся к корзинке и вынул оттуда два металлических прямоугольника. Один он положил на столик у кровати, другой взял в правую руку и улегся с ним на кровать.

- Ну вот, не беспокойтесь, пока вы будете работать, я использую карту памяти. У меня будут немного странные реакции, но дело в том, что мне надо воспроизвести сцену.

- А что это такое?

- У большинства артистов есть нейронный интерфейс - он воспринимает карты памяти вроде той, которую я сейчас держу в руке. Ими пользуются, чтобы проиграть сцену для режиссера или в театре, когда все уже порядком устали. Можно их немного изменить, чтобы оставить место импровизации, но в кино все строго - там дело касается бюджета и экранного времени.

- Не понимаю. Эта карта дает вам возможность играть? Как автомату с его программой?

- Почти. Интерфейс связан с мускулами моего лица, с моим голосом, конечностями, но не с жизненными функциями. Все это не более чем разновидность симуляции. Вроде того пишущего автомата. Разница в том, что я могу выключать некоторые функции. Сейчас я прочитаю карту, которую уже записали и приготовили для робота-клона.

- Какие у вас странные шутки.

- Иногда об этом пишут в газетах. Роботов-клонов используют в качестве каскадеров или в той сцене, где герой должен умереть. Спецэффекты - это, конечно, неплохо, но не для крупного плана. Здесь

же у вас будет полное впечатление, что на ваших глазах убили живое существо, даже если это всего-навсего робот-клон.

- Вы убиваете клонов? Но это же преступление!

- У них нет сознания. Видите ли, клонирование не может дать им полноценно действующий мозг. Им вкладывают кибермозг, но они не думают и не испытывают никаких чувств. Они собраны, как и всякие роботы. Машины с человеческой кожей и некоторым количеством крови, но все же это машины. Они не страдают. Впрочем, к счастью для меня, иначе я не смог бы воспользоваться вашими услугами и доставить себе маленькое удовольствие. Мне передали карту памяти клона, погибшего во время театральной постановки. Я сейчас буду ее читать, а вы в это время займитесь мной.

Роза выпрямилась, стоя на коленях у его кровати.

- Мутное оно какое-то, ваше дело. Мне бы не хотелось таких историй.

Эхарт приподнялся на локтях и, улыбаясь, посмотрел на молодую женщину. В глазах его мелькнула какая-то нехорошая искорка, которая сразу не понравилась Розе.

- Вспомните автомат. Я считаю данные, мое тело воспроизведет всю сцену. Я проживу ощущения клона, записанные кибермозгом. Мое тело будет реагировать, но все останется на поверхности. Успокойтесь, я не собираюсь умирать. Это просто игра!

Роза нахмурилась. Эхарт продолжал смотреть на нее с улыбкой. Роза пожалала плечами и начала расстегивать его штаны.

- Подождите, милочка, я сейчас поставлю музыку.

Эхарт снова поднялся, взял на столике пульт и набрал: «Шуберт. Квартет для смычковых ре минор. Аллегро».

Музыка зазвучала, Роза принялась за дело. Эхарт распростерся на кровати, положив руку под голову, и внимал неистовым звукам скрипок и пианиссимо, которые сменяли друг друга. Завораживающая нежность охватывала его. Дыхание становилось все глубже, и он наконец нажал кнопку у себя на шее.

Каска ударил первым. Кинжал погрузился в мое тело, моментально пресекая дыхание. У меня еще оставалось достаточно сил, чтобы схватить его за руку, но новый нападающий пронзил мне плечо. Последовали удары других заговорщиков - в спину и в бока. Двадцать хорошо подготовленных ударов, двадцать хорошо заточенных ножей. Последний из убийц предстал передо мной с поднятым ножом. Увидев его, я не смог не воскликнуть:

- И ты, Брут?

- Пади же, Цезарь!

Нож погрузился мне прямо в сердце. Я в последний раз посмотрел на небо - это Олимп, который скрывался от меня. Моя рука поднималась и все тянулась к нему...

- Месье Эхарт! Месье Эхарт, проснитесь! Я прошу вас!

Артист привстал и вынул из шеи карту памяти. Положил ее на столик и выбрал другую. Он даже не повернул голову к той, что появилась в комнате.

Роза отошла от кровати, прикусив кончик языка. Она с трудом удерживалась от смеха при виде сцены, разворачивающейся на ее глазах.

Женщина застыла в дверях. Высокая, со светлыми волосами, уложенными в строгую прическу, она оставалась безмолвной, не выказывая никакого удивления. Франсис же, сидя на краю кровати с расстегнутыми штанами, сохранял царственный вид, высокомерный и презрительный.

Двое смотрели друг на друга, словно ожидая мифических трех ударов из-за кулис. Женщина первой нарушила молчание.

- Ты мог бы приберечь для меня реплику «О, небо, жена», а я бы удержалась от припадка ревности. Даже не рассчитывай, что я расплачусь. Готова спорить, ты сейчас мне заявишь, что репетировал роль с новой комедианткой.

- Вовсе нет, это проститутка.

- Ага, статистка.

- Многие статистики хотели бы иметь такой типаж и участвовать в такой мизансцене.

- Ты меня разочаровываешь, Франсис. Я обычно читаю в журналах о твоих похождениях. И снова вижу тот же глупейший беспорядок. Как это смешно!

- А чего ты хотела, Ребекка; я всегда мечтал закончить, как Цезарь.

У жены Эхарта начался нервный тик; правое веко дернулось вверх. Лицо ее внезапно побагровело.

- Худшее в том, что ты действительно способен устроить всю эту мизансцену твоей чертовой игрой словами. Ты всякий раз что-то придумываешь.

- Счастлив, что ты это оценила по достоинству, Ребекка.

Та повернулась к Розе, смерила ее взглядом и снова посмотрела на мужа.

- Ты хочешь, чтобы я сейчас ушла, хлопнув дверью, и потребовала развода. Но после того, как я столько лет терпела твой скверный характер, омерзительные фантазии и злость, я не доставлю тебе такого удовольствия. Ты был очень рад, что когда встретил меня, я была скромной программисткой роботов-клонов. Ты воспользовался мною, чтобы улучшить систему интерфейса и оставить позади всех конкурентов.

- Но с тех пор ты открыла свою собственную лавочку по клонированию. Ту, которая поставляет весьма дорогостоящих клонов. Мы с тобой составляем неразлучную парочку: Франсис и Ребекка Эхарт!

- Снова одна из твоих ролей. Ты утомителен. С меня достаточно гала-вечеров, на которые ты приходишь со мной, а уходишь с какой-то нимфеткой. Мне надоело, что, когда я тебе звоню, отвечает женский голос. Мне осточертело играть роль умной жены, которая со всем этим мирится. Скажи, Франсис, когда ты ведешь уроки в своей школе, разве ты говоришь ученикам, что надо уничтожать соперников на своем пути, красть их роли, одалживать деньги под проценты, жульничать, лгать? Какой же ты жалкий тип, Франсис!

Эхарт поднялся с кровати. Он потер шею, а затем склонил голову. Его глаза умоляли о прощении, а голос сделался нежным и сладким.

- Да, Ребекка, я скверный человек, я кругом виноват. Я жалкий грешник, воплощенная несправедливость, самый большой злодей, который когда-либо существовал на земле. Каждое мгновение моей жизни полно грязи и пороков. Она - скопище преступлений и разврата, и я вижу: Небо хочет, чтобы я в наказание посвятил оставшиеся дни умерщвлению плоти.

- Дурак! - бросила жена.

- Да, дорогая, говори! Назови меня гнусным предателем, вором, отщепенцем, убийцей, найди для меня еще более уничижительные сравнения. Я не скажу ни слова против, я всего этого заслуживаю. Я желаю лишь на коленях страдать от своей низости, от стыда за все преступления моей жизни.

Актер опустил перед женой на колени.

- Тартюф, акт третий, сцена шестая, - сказала она ледяным тоном. - Как ты можешь все это проделывать! Это уже слишком, с меня достаточно!

- На этот раз твоя реплика достаточно театральна, Ребекка. Можешь идти, я тебя не держу.

- Даю слово, что ты никогда больше не посмеешься ни надо мной, ни над кем-то еще. Твоя комедия слишком затянулась.

- Да не так чтобы очень. И постарайся избегать клише, это дурной тон. Четким жестом жена дала Эхарту пощечину и покинула комнату, хлопнув дверью. Эхарт встал и потер щеку.

- А знаешь, Роза, надо преподать жене несколько уроков. Если как следует потрудиться, она сможет стать хорошей артисткой.

- Я хочу уйти, месье. Заплатите мне.

Он вынул из заднего кармана джинсов банковскую карту.

- Служащий сообщит вам номер счета.

- Спасибо, месье. До свидания.

Роза в последний раз поправила юбку и пересекла комнату. Когда она открывала дверь, Эхарт догнал ее и взял за руку.

- Подождите. Я знаю, что вы сейчас думаете. Вы представляли себе, что в жизни я такой же, как в ролях, как по телевизору, и сейчас вы разочарованы. Вы стали свидетелем грязной семейной сцены.

Сожалею, но мне не стыдно, оттого что я таков, какой есть. Я насыщаю свое искусство лучшим и худшим во мне. Если мы когда-нибудь снова увидимся, позвольте продемонстрировать вам лучшее.

- Ваше лучшее я выплюнула пять минут назад. Не думаю, что захочу попробовать это еще раз.

Эхарт удивленно отступил, а затем зааплодировал.

- Великолепно! Превосходная реплика!

- Жалкий тип!

Роза ушла, хлопнув дверью. И она тоже.

- Я люблю тебя, но наш путь здесь заканчивается. Завтра я уезжаю в Бразилию, и тебя не будет со мной. Никогда больше. Ты хочешь спасти меня, защитить от моих демонов, но все потеряно. Наши худшие грехи всегда настигают нас. Прощай, Росс.

- Стоп, снято!

Крик режиссера и полнейшая тишина. Вся команда на съемочной площадке была загипнотизирована словами Мег Лоу. Молодая артистка буквально излучала очарование, и дело было не только в ее красоте, но и в харизме. Длинноволосая зеленоглазая брюнетка быстро выбилась в премьерши. Совсем неудивительно, что с ней работал сам Бруно Лиш.

И совсем неудивительно, что ее партнером по сцене был Франсис.

Он немного подождал, пока ассистенты придут в себя, вышел из кадра и присел на стульчик. Режиссер подошел и зааплодировал.

- Bravo, ваша сцена была просто волшебной. Мег, ты превзошла сама себя. На репетициях ты показала себя прекрасно, но то что сейчас сделала... У меня просто слов нет.

- Я не была удовлетворена вчерашними результатами и взяла свежую карту.

Пока готовили следующую сцену, молодая артистка подошла к режиссеру и Франсису. Декорации не менялись, требовалось лишь проверить, хорошо ли закреплены дверные косяки, и заменить фильтры у прожекторов. Операторы поедали бисквиты, сидя на своих кофрах в углу студии. В соседней комнате терпеливо ждали гримерши, продюсер наблюдал за съемкой из глубины коридора.

- У меня просто мороз по коже, - заметил Франсис. Я играю сцену уже десять лет, но прочие мои партнерши по уровню дарования не достают тебе и до лодыжки. За такое короткое время ты достигла небывалых высот!

- Отчасти благодаря тебе. Чтобы сыграть значительную сцену, требуется хороший партнер.

- Франсис, - добавил Бруно. - Тебя вчера не было на репетиции, но трактовка, которую она только что продемонстрировала, не имеет ничего общего с тем, что было приготовлено. Так намного лучше. Мег,

ты в самом деле перепрограммировала карту памяти?

- Да, я перенесла туда картотеку, содержащую тексты, и указания относительно постановки. У меня появилась идея - и все тут.

- Я должен был бы тебя выругать, - продолжил Бруно. - Репетиции для того и существуют, чтобы потом не переделывать приемы. Но ты прекрасно выкрутилась.

- Спасибо. Я все же взяла с собой карту с репетициями, на всякий случай. Скажи, Франсис, ты хочешь почувствовать разницу?

- Разумеется.

Мег положила руку на затылок. Интерфейс издал еле слышный щелчок. Мег вынула кусочек металла. Порывшись в сумочке, она достала еще один и протянула оба Франсису.

- Как же я их различу?

- Только прочитав одну из них.

Мег улыбнулась с самым невинным выражением лица, но в глазах ее прыгали чертики. Она была молода, полна планов и амбиций. Франсис даже пожалел, что она подходит к этому так добросовестно.

Он вложил себе карту с репетиции, включил режим быстрого чтения, но на первых же фразах замедлил.

- ...потеряно. Наши худшие грехи всегда настигают нас. Прощай, Росс. Здесь и говорить нечего. Версия со съемок звучит намного двусмысленнее. А здесь создается впечатление, что Маргарет преследует злой рок. Но твоя последняя трактовка вносит в монолог оттенок некоторого сарказма.

- Кто бы мог подумать, что наш ангелочек скрывает в себе такого демона? - добавил Бруно.

- Вы чересчур любезны, месье Лиш.

- Я должен поставить «Отелло» на авиньонском фестивале. И думаю о вас в роли Дездемоны.

- Спасибо, но у меня все еще нет контракта на клонирование. Если все пойдет хорошо, я могла бы его оплатить через пять или десять лет. Мне нравится играть Маргарет, первый раз мне доверили не такую однозначную роль. Надо добиться развития образа, а для отрицательных ролей у меня есть прекрасный учитель.

Франсис издал короткий нервный смешок и положил карты памяти в разные карманы пиджака.

- Я возьму их, очень хочется как следует изучить твою игру. Это редкий случай, когда можно сделать сравнение в подобных условиях.

- А для своих учеников ты такого не делаешь?

- Нет, я преподаю им актерское мастерство, когда у них еще нет нейронного интерфейса. Они работают по старинке, как я до имплантата.

- У меня такое впечатление, что все ими обзавелись. У нас в театральном училище презирали артистов с интерфейсом. Но все

равно они его поставили. Вот так.

- Театральные режиссеры используют роботов-клонов для трагедии. Иногда это дороговато в плане хирургии, но зрители предпочитают видеть настоящую смерть.

- Кстати говоря, - вмешался Бруно. - А вот и твой дублер для сцены смерти.

Из комнаты гримеров вышел новый Франсис Эхарт. Лаборантка управляла клоном при помощи коробки с командами, свисающей с его шеи. Ее пальцы колотили по клавишам, составляли коды, и голем передвигался так естественно, что становилось даже страшновато. Обычный робот шел на негнущихся ногах, у клона же не было заметно никакого отличия от оригинала. Гримерша полностью скопировала лицо Фрэнсиса, до крохотной морщинки. Если бы не присутствие лаборантки, этих двоих было бы невозможно отличить друг от друга.

Клон Франсиса поднялся на съемочную площадку и вошел в декорации.

- Совсем новый, и уже должен умереть, - пожаловался Бруно. - Если бы Левис не прострелил голову предыдущего, можно было бы его починить. Сцена-то всего на полчаса.

- Пленку назад уже не отмотаешь. Я найду карту памяти моего старого клона, когда играл ту же роль с Байрой Фарах. Я бы очень хотел сравнить эти две записи - нынешнюю и десятилетней давности. У этих машин просто колоссальная устойчивость! Их можно разрубить на части, изрешетить, сжечь, но даже после этого их все равно возможно починить. Только если будет повреждена голова, хирурги бессильны. А вот моя жена греет руки на ошибках Левиса!

Бруно наклонился к Франсису и прошептал:

- Ты немного беспокоишься, верно? Из-за всех твоих историй с женщинами у нее могло бы появиться желание тебе отомстить. Ты боишься за Мег?

- Если она не сделает для меня говорящего клона, то поставит под угрозу контракт своей фирмы с производителями. Голливуд ненавидит, когда такое получает огласку, и Баррандов не хотел бы, чтобы одна из его студий оказалась в центре скандала. Короче, моя жена дура, но не настолько, чтобы подвергнуть опасности свои капиталовложения. Я - ее рекламная витрина.

- И все же ты опасаясь. Я прав?

- Бруно, своей карьерой я обязан прекрасному знанию женщин!

Мег вошла в декорации и заняла место перед клоном. Реквизитор дала ей оружие.

- Начали! - заорал Бруно. - Мег, ты хорошо поняла, как пользоваться твоим пистолетом-бластером?

- Да, у меня такой уже был в «Атаке 2501». Прицеливаешься в живот, и выстрел разрывает все потроха. Во время репетиции я попробовала

его на манекене; не беспокойся, я не промахнусь! Для такого короткого эпизода даже карта памяти не нужна.

- Хорошо. Мадемуазель Фишель, устанавливайте автоматический выключатель клона на 45 секунд. Мег, тебе этого хватит?

- Чтобы сыграть сцену? Никаких проблем.

- Только без глупостей, хорошо? Когда клон начнет сцену, даже лаборантка не сможет поставить его на паузу. Во всяком случае сейчас мы снимаем общий план. Если у тебя выражение лица будет не совсем таким, как надо, есть возможность переснять отдельно. Все готовы?

Франсис поднялся со стула и встал за техниками у выхода в коридор. Ему нравилось наблюдать съемки издали. На площадке воцарилась тишина.

- Мотор!

Мег нацелила оружие в живот клона. Внезапно тот закричал, вырвал у девушки пистолет и яростно оттолкнул ее. Затем с выражением сильнейшего гнева на лице он повернулся к съемочной группе. Лаборантка не переставала колотить пальцами по кнопкам пульта управления, остальные же застыли, как в столбняке.

Со звериным воем клон бросился на Эхарта. К счастью, их разделяло довольно значительное расстояние. Пока клон пересекал студию, Франсис успел выбежать в коридор.

Он опрометью кинулся к первой же двери, но та оказалась закрыта. Он толкнул другую, но и этот путь к спасению был отрезан. Клон приближался. Лаборантка не смогла его выключить - значит, с кибермозгом кто-то поработал. Чтобы повернуть такое, врагам достаточно было связаться с каким-нибудь хакером. Ага, открытая дверь! Другой коридор. Какие все же громадные эти студии! Клон продолжал преследовать его, но пока отставал. Франсис представил себе, что это сцена в кино. Противник гонится за ним, играет со своей добычей, как кошка с мышкой. Чем же это все должно закончиться?

Но нет! Он не мышь и не добыча! Он будет бороться! Франсис яростно ударил ногой по очередной двери, и она открылась. Актер ворвался внутрь, не давая клону себя схватить. Тот колебался; это означало, что его «водитель» не предусмотрел смены программы.

Франсис свернул в студию. Никого. Он слишком далеко от съемочной площадки, чтобы рассчитывать на помощь. Кровь стучала в висках, кололо в боку. Он вошел в какой-то зал и остановился перевести дыхание. Внезапно за спиной раздался знакомый голос.

- Здравствуй, дорогой супруг. Ты всегда заставлял меня волноваться, но отныне все кончено.

- Ребекка, тебе нужно поработать над текстом. «Отныне» - это уже перебор.

- Вовсе нет. Ты продолжаешь издеваться надо мной, но ты у меня в руках. Наконец-то настал час мести.

- Ты или слишком много читала, или пересмотрела фильмов. Какая банальность! Ни один режиссер не возьмет сценарий с такими скверными диалогами.

- Ты так и не признаешь себя побежденным? Главное - еще разок меня унижить? Но это сплошное притворство. Ты давно опустошен. Ты пресен и безвкусен.

- Ага, паразитная рифма.

Франсис успокаивал дыхание, глядя на жену, которая нажимала кнопки пульта управления, висящего у нее на шее. Она оделась в черный камзол и спрятала волосы под беретом того же цвета. Лицо ее покраснело, но Франсис не знал, от гнева или от быстрого бега.

Он мысленно прикинул расположение студий. Выход недалеко. Ладно, посмотрим...

- Даже сейчас, перед лицом смерти ты насмехаешься надо всем миром. Ты воспользовался мной, чтобы заполучить лучшие технологии клонирования. Я поддерживала твою карьеру, терпела твое неуважение. Ты всегда так ведешь себя с женщинами? Отлично! У великого Франсиса Эхарта, сотню раз получавшего награды, во время церемоний не нашлось ни одного слова для своей жены. Ты благодарил режиссера, продюсера, партнеров, родителей, братьев, двоюродных сестер... Обо мне, программирующей твоих клонов, ты так и не вспомнил. Я ведь не артистка, да? Я не соответствую великолепному актеру, у которого толпы обожателей. Я всего лишь скромная девушка-техник, которую ты целовал в углу лаборатории, ожидая своей первой значительной роли. Но теперь с этим покончено, наконец-то я буду отмщена.

- Посредством клона? Ну-ну, оригинально! Боюсь, это плохо отразится на твоих делах.

Копия Франсиса Эхарта появилась в дверном проеме рядом с Ребеккой. Он все так же держал оружие в правой руке. Артист направился к другому выходу, но по пути споткнулся о ящики. Ребекка протянула руку к поясу и вынула обычный пистолет.

- Я все предусмотрела, - сказала она. - Я не один раз предупреждала службу безопасности, что над роботами можно потерять контроль, но режиссерам они слишком нужны, чтобы от них можно было избавиться. Знаешь, Франсис, я считаю, что Голливуд предпочтет копию оригиналу «великого артиста Эхарта». Ни зарплаты, ни актерского контракта, послушный, трудолюбивый, прямо солдатик. Достаточно лишь уметь его программировать. Моя фирма располагает целым банком карт памяти, достаточным, чтобы заменить всех настоящих артистов. Твоя смерть будет означать победу над всеми вами. Ты меня научил ненавидеть артистов. Можешь считать это своей удачей. Итак, покончим с этим, Маркиз!

Ребекка приблизилась к клону и положила руку ему на затылок -

нежный жест, перед тем как выпустить на свободу зверя. Франсис Эхарт отступил ко второй двери. Клон, потрясая пистолетом, вдруг произнес:

*Монархиню свою вы оскорбить посмели?
О нет! Чтоб уползти, вы не найдете щели.
Не пробуйте спастись. Я запер все давно.
Маркиз, сам сатана с тобой был заодно.
Но если он теперь спасти тебя желает,
Пусть из рук моих тебя он вырывает*⁴.*

- Отлично! - воскликнул Франсис. - Руи Блаз, акт пятый, сцена третья. Шпагу ты заменила пистолетом, но в целом идея недурна.

Клон меж тем продолжал:

*Он смел вас оскорбить? О! Этот человек!
Чудовище! Вчера он сердце мне рассек!
Меня он унижал, чтоб сделать мне больнее -
Всю душу истерзать насмешкою своею!
Я умолял его... И как он был жесток!
Он с полу приказал поднять его платок!*

- Ты можешь не подавать свои реплики, - произнесла Ребекка. - Просто прими свою смерть, дон Саллюст.

- Слишком много чести, ты пока еще не королева, - усмехнулся Франсис. - Твой план был почти совершенен. Ты предполагала, что я побегу сюда, и сама позакрывала все двери.

- Да, когда ты ломился в одну из них, я уж думала, что потеряла тебя.

- Увы, пренебрежение к спорту чуть меня не подвело. Но ты не учла одну крохотную деталь, Ребекка.

- Какую же?

А клон все декламировал свой монолог, не в силах остановиться:

*Маркиз! Какие шутки!
Ужель дворянские забыл ты предрассудки?
Дуэль со мной? С кем? Ведь я же твой лакей,
Наемник твой, один из челяди твоей,
Одетый в красную ливрею с галунами...
Какая же дуэль возможна между нами?
Я, жалкий раб, кого ты вправе гнать и бить, -
Я право взял одно - тебя убить.
И я убью тебя, как вора, негодяя,
Как бешеного пса!*

- Ребекка, в противоположность сцене с Руи Блазом, задвижка вовсе не заперта. До свидания!

В два прыжка Франсис подскочил к двери, распахнул ее и удрал, не оглядываясь. А вслед ему неслось:

Нет! Месть! Никто меча не сможет отвести.

⁴ * Здесь и далее - перевод Т.А. Щепкиной-Куперник.

И ангел демона не в силах уж спасти.

Произнеся эти слова, как того требовала программа, клон ринулся за Эхартом. По сценарию, Руи Блаз должен втолкнуть дону Саллюста в кабинет и там заколоть шпагой. Он будет преследовать Маркиза, пока не исполнит своего намерения. Никто не сможет остановить его.

Ребекка была удивлена реакцией мужа. Она даже не успела выстрелить. Но, в любом случае, ей не очень хотелось воспользоваться своим девятимиллиметровым. Он должен был послужить исключительно для устрашения Франсиса. Пачкать себе руки было бы слишком рискованно. Ребекка отправилась на поиски клона. Она не хотела пропустить развязку; ей обязательно нужно было видеть смерть артиста. Настоящую, окончательную смерть. Она доверяла программированию, своим лучшим техникам, но не удержалась от того, чтобы поучаствовать в спектакле лично. Она внимательно просмотрела данные о частоте контроля и создала такой кибермозг, какой ей был нужен. Практически идеальное преступление. Не останется никаких доказательств умысла. Взбесившийся клон отомстил за своих разломанных и переработанных собратьев, совсем в духе роли Франсиса Эхарта.

Крик. Хрип. Ребекка не услышала пистолетного выстрела, но эта модель известна своей, если так можно выразиться, деликатностью. Женщина вошла в комнату, погруженную в темноту, и нажала выключатель.

Первый Франсис Эхарт, казалось, ждал с пистолетом в руке, чуть наклонив голову вперед. Ребекка взглянула на второго, распростертого на полу, с руками, сложенными на животе. Она не верила своим глазам. У нее получилось! Она приблизилась, чтобы пощупать пульс Франсиса. Ей просто необходимо было это самое убедительное доказательство.

- Мне нужно было его убить.

Ребекка подскочила на месте. Клон заговорил.

- Не стоит на меня сердиться, я далеко не ангел. И ты прекрасно знаешь это.

- Франсис?

- Нет-нет, не надо извинений. Ты и в самом деле считаешь, что сможешь любить меня, в то время как весь мир от меня отвернулся? Твои утешение и поддержка всегда много значили для меня.

- Ты еще помнишь об этом? Ты плакал, прижимался к моей груди. Я просто обожала такие моменты! Ты казался таким слабым, таким...

- Я действительно веду себя как последняя свинья, но это у меня в крови...

- Достаточно, чтобы ты хоть немного изменился.

- Не думаю, что ты сможешь снова помочь мне. Это конец.

- Франсис!

- Я люблю тебя, но здесь наш путь заканчивается. Завтра я отправляюсь в Бразилию, и тебя не будет со мной. Никогда больше. Ты хочешь спасти меня, защитить от моих демонов, но все потеряно. Наши худшие грехи все равно настигают нас. Прощай, Росс.

Услышав это имя, Ребекка поняла свою ошибку. Она испустила придушенный вой и бросилась из комнаты, сопровождаемая клоном. Муж снова провел ее.

Бруно первым нашел тело Франсиса. Увидев его безжизненно лежащим на полу, он забеспокоился, но Франсис пошевелился, сел и произнес:

- Все в порядке. Ты был прав: жена захотела меня убить, используя для этого клон. Она всё предвидела, но я нарушил ее планы. Это чудовище гонялось за мной по всем студиям. Я быстро понял, что просто так от него не удрать. Пока робот не доиграет сцену, его не остановишь. И вот когда я увидел эту темную комнату, я не колебался ни минуты. Я вошел, спрятался за дверью и подождал. Как только клон показался на пороге, я бросился на него и вынул карту памяти.

- Bravo! Игра стоила свеч.

- От этого зависела моя жизнь. Единственная проблема состояла в том, что у Ребекки было оружие. Я не мог ждать ее, забившись в угол. Поэтому я засунул в клон карту Мег с записью твоих съемок, а себе поставил карту со сценой смерти. Видишь, как полезно бывает хранить карты памяти бывших клонов. Самым трудным оказалось отрегулировать хронометраж. На этих интерфейсах кнопки так неудобно расположены.

- Итак, Ребекка пришла и увидела, что ты мертв.

- Ну да. Не знаю, что произошло потом, но раз вы сейчас здесь, значит, моя стратегия сработала. Должно быть, она испугалась, что он выстрелит, и удрала.

Франсис выпрямился и обвел всех беспокойным взглядом. Похлопал себя, будто проверяя, что за это время не рассыпался на куски, и сунул руку в карман пиджака. Неожиданно он подпрыгнул на месте.

- Господи! В суматохе я ошибся картой. Я вставил себе ту, которая с репетицией Мег.

- И что это означает?

- То, что клон сейчас убьет Ребекку. Это продолжение сцены. Надо срочно туда бежать.

Тело Ребекки лежало перед неподвижным роботом-клоном. Ее черный берет упал, и светлые волосы разметались по полу. Выстрел настиг ее, когда она уже почти добралась до спасительного выхода.

Полиция долго расспрашивала артиста и всю съемочную группу.

Франсис казался потрясенным. Он и предположить не мог, что жена его настолько ненавидит, чтобы устроить всю эту мизансцену. Он чувствовал себя ответственным за это, и все вокруг хором утешали его. Большая киношная семья поддерживала его в этом несчастье.

Только к десяти вечера он добрался до паркинга. Все или почти все уже ушли. Он подошел к серой «школе-октавии» и открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

- Номер просто очарователен! - заявила Мег, увидев его. - Меня особенно восхитило твое «О, господи!». Ты и в самом деле великий артист.

- Ребекка чуть не сделала из меня дурака. Я не мог предположить, что она позакрывает все двери в студии. Я думал, она ограничится тем, что натравит на меня клона, но она сумела неплохо поставить всю эту мизансцену. А я смог неплохо выкрутиться. К счастью, я лучше ее знаю расположение студий.

- Когда ты унаследуешь ее долю в фирме по клонированию, ты организуешь мне эксклюзивный контракт, не правда ли, дорогой?

- Договорились. Ребекка никогда не хотела помогать тебе. Она догадывалась, что ты особенная.

- Тем хуже для нее!

Мег наклонилась к Франсису и поцеловала его в шею. Он позволил ей это сделать, но взгляд его блуждал в пустоте, очень далеко отсюда.

- Она попала в собственную ловушку. У сыщиков не возникло никаких подозрений, настолько очевидны были махинации моей жены. При необходимости Бруно все подтвердит, и эта шлюшка Роза тоже будет свидетельствовать в мою пользу. Бедная девушка, она расписала меня как последнего мерзавца, но в то же время прекрасно понимала, что участвует в спектакле. Преступление с картами памяти в качестве оружия. Только артист мог бы додуматься до такого.

- Чудовища. Нам платят за то, чтобы мы дурачили весь мир, жили только в иллюзиях, без всякой глубины и искренности.

- Ребекка мне говорила, что производители клонов когда-нибудь нас всех заменят своими созданиями. Им этого так хочется, но, сделав это, они совершат ошибку.

- Почему же?

- Мы еще более искусственные и пустые. *Сознательность и бессознательность! Искренность и ложь, все та же бесконечная лента, и когда она разворачивается, уже не различаешь, где одно, где другое. Идет речь о том, чтобы обманывать себя или других, о своего рода индукции себя или других. Искусство обманывать посредством чувств и модных сюжетов.* Клоны не способны испытывать чувства и обманываться.

Мег нахмурила брови и положила руку на шею Франсису.

- Ой, а я думала, что это слова с карты памяти, - произнесла она извиняющимся тоном.

- Я еще много чего мог бы вспомнить. Это слова артиста двадцатого века. Он был в ужасе от появления клонов, от того, как они соответствуют этой профессии. *Перед тобой два пути - или подвергнуться этому, стать бездумным инструментом, или попытаться понять, служить - служба, участвовать, достигать совершенства.* У наших клонов нет сознания, но мы точно так же являемся инструментами. Мы практикуем *отказ от себя*, вот почему мы производим впечатление поверхностных. Мы бьемся за *безличное*, а в итоге стоим не больше роботов, которых программируют.

- В самом деле никакой разницы? Ничего, что оправдывало бы наше существование? Франсис?

- Поехали.

Мег завела мотор и выехала с паркинга на объездной путь, ведущий к Праге. Фонари встречных машин словно обшаривали интерьер прерывистыми оранжевыми лучами. Франсис прислонил голову к стеклу двери, глядя на темные пейзажи, проносящиеся за окном. Его профессия вызывала у него отвращение, но он знал: это ощущение составляет часть его искусства, является его неизменным условием. Слова волнуют поверхность, но они, как свет спасительного маяка в ночи.

- Мег, разница все же существует. Послушай, мой друг. *Я говорю о себе самом. Я говорю также и о тебе, комедиант, брат мой. Это я говорю себе о себе самом. Послушай о трудностях актерского ремесла. Поразмышляй как следует сам с собой о своем призвании. Оно вовсе не то, чем ты его считаешь. Выбирай же, кем стать.*

Перевела с французского Злата ЛИННИК

© Olivier Paquet. Mourir cent fois, se relever toujours. 2011. Публикуется с разрешения автора.

КЕЙТ ВИЛЬХЕЛЬМ

ТВОРЦЫ МУЗЫКИ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Когда Джейк пришел на собеседование в журнал «Творцы музыки», он сознался, что знает о предмете очень мало, почти ничего. Он разослал пару десятков резюме, но откликнулся только этот журнал, однако Джейк понимал: надо заранее и честно предупредить о своих ограниченных познаниях в этой области.

Марша, дежурный редактор, кивнула:

- У нас есть критики и обозреватели. Я читала ваши рассказы в... как там называется газета?.. Где же я ее видела? В Манси? В любом случае, мне нравится, как вы пишете. И от вас потребуется в основном то же самое. Краткие биографические очерки о молодых перспективных музыкантах, их личные истории привлекут внимание аудитории.

На работу Джейка приняли семнадцать месяцев назад, а полгода назад он снова начал рассылать резюме. Вся его работа сводилась к заполнению «подвала». Тысяча слов рассказа урезалась до семи или даже пяти сотен, сколько требовалось для подверстки.

И вот новое задание. Марша назвала фамилию творческого деятеля и его адрес, и Джейк уставился на редакторшу во все глаза:

- Многообещающий?! Да этому парню стукнуло девяносто два, когда он помер!

- Он был значительной фигурой для многих всемирно известных музыкантов. Он достоин более чем обычного некролога, ведь это последнее, что мы можем для него сделать.

«Ничего не поделаешь», - мрачно думал Джейк, проезжая во взятой напрокат машине по торговым районам в окрестностях Мемфиса, штат Теннесси. Длинные ряды магазинов, ресторанов и офисов, заправка, торговый склад матрасов, стоянка подержанных автомобилей... Он снизил скорость, когда увидел огороженный белым забором яркий склон газона и большую магнолию. Свернув номер дома, он припарковался на обочине и снова заглянул в записи: Луэллен Жермен, она всю жизнь была компаньонкой старика или что-то вроде того. «Один час, - уже решил для себя журналист. - Больше тут не понадобится, остальное вытащу из Гугла или Википедии».

Дом был трехэтажный, белый с синей отделкой, окруженный многочисленными кустарниками и цветущими растениями. Здание, видимо, содержалось в хорошем состоянии и казалось столь же неуместным в соседстве с неказистым окружением, как и Джейк в своей работе - поиске перспективных музыкантов или старого деятеля, который неделю назад скончался.

Журналист взошел на широкую веранду, где стояли вазоны с цветущими геранями. Одиннадцать часов, он приехал как раз вовремя.

Луэллен Жермен открыла дверь:

- Мистер Манфред? Я Луэллен. Заходите.

Он был моложе, чем она ожидала. Темные, слегка отросшие волосы, темные глаза. Высокий, не слишком атлетического сложения. «Раздень его, - подумала она, оглядев молодого человека с ног до головы, - и, вероятнее всего, он окажется бледным и тощим».

На ум пришла ошипанная курица, но поскольку он был одет в помятую спортивную куртку и джинсы, трудно было утверждать наверняка.

- Проходите сюда, - сказала она, мановением руки приглашая его следовать за ней.

Джейк вошел в широкую светлую залу, где размещались несколько крупных кашпо с комнатными цветами. С одной стороны сводчатый проход открывал путь в полуподвальное помещение, словно утопленное в землю, широкие ступени вели на пару футов вниз, в комнату размером со стадион. Проходя через нее, молодой человек окинул взглядом многочисленные растения в горшках, расставленные группами стулья, расположенные по обеим сторонам камина диванчики... Еще несколько широких ступеней вели наверх.

Она шла все дальше, в глубину дома:

- Я думаю, нам будет удобнее в общей гостиной, - пояснила она. - Сюда, пожалуйста.

Она остановилась у двери и жестом пригласила его войти. Эта комната выходила окнами на другую сторону имения, здесь были

клумбы и лужайки, а чуть дальше стоял массивный дуб, обросший пробивающимся из-под коры испанским лишайником. Все вместе выглядело как великолепный луг, играющий всеми красками цветущих растений. «Современная Америка с фасада, - подумал он, - на заднем дворе превращается в прошлый век».

Плетенная из ротанга мебель с подушками цвета лайма, бледно-розовый ковер и снежно-белые, подвязанные розовыми лентами занавески на широких окнах делали комнату похожей на декорацию для журнала по домашнему дизайну. Джейк ощутил острую потребность выйти обратно на крыльцо и хорошенько вытереть ноги, прежде чем вернуться сюда.

Луэллен села и жестом пригласила его последовать ее примеру. Светлая негритянка, стройная, лицо без морщин, волосы серебристые - возраст невозможно угадать. Верная любовница-компаньонка старика? Служанка? «Ведет себя так, словно имение принадлежит ей», - смущенно подумал Джейк, сожалея, что дома не подготовился к встрече.

- Ну, мистер Манфред, так почему ваш журнал хочет опубликовать статью о Бобе Ренджере?

- Мы представляем портреты людей, играющих важную роль в музыкальном мире, - ответил журналист.

- Но он же уже... Возможно, когда-то - да, но это было очень давно.

- Он вдохновил многих великих творческих деятелей, некоторых вывел в люди, и это делает его личность весьма значительной, - пояснил Джейк.

- И многие из них тоже покинули этот мир, как и Боб, - с мягким упреком сказала она.

Джейк осознал, что уже потерял это интервью, и не понимал, как и почему это произошло, но Луэллен взяла нить беседы в свои руки, а он словно лишился дара речи. Журналист вытянул из кармана наладонник, деловито раскрыл его и снова взглянул на женщину. Она легко улыбнулась:

- Почему бы вам просто не задать мне несколько вопросов? - предложила она тем же мягким тоном, каким говорила раньше.

Ее голос был прекрасен, низкий и сердечный. Джейк решил, что это из-за акцента. Он был чарующим.

Не дождавшись вопроса, Луэллен начала сама:

- Полагаю, первое, что нам следует прояснить, была ли я дамой сердца Боба, его любовницей. Ответ - нет. Он любил Лео Корнинга, был привязан к нему лет шестьдесят, если не больше. А я просто певица нашей группы

- Он был... голубым? - Этой информации не нашлось ни в одном некрологе, которые он просмотрел.

- Гомосексуалистом, - поправила Луэллен. - Когда я была молода, -

добавила она, - слово «голубой» означало «светлый, радостный, невинный» и было связано с детством...

- Когда он привез свою группу сюда, в Мемфис? - спросил Джейк.

- Менялись времена, менялась и музыка, - сказала она. - Прошли «Битлз», Элвис, тяжелый рок, металл... Многие музыканты сменили свои предпочтения и уехали туда, где могли зарабатывать на жизнь. Казалось, люди все меньше и меньше интересуются джазом и блюзом. Мать Боба умерла примерно в то время, когда он опустился на самое дно, и она оставила ему дом. Он здесь вырос: малыш в семье из четырех девочек, престарелой тетушки, отца-адвоката, позже ставшего судьей, и матери, которая играла в церкви на органе и наказывала сыну держаться подальше от ее рояля, если он не в состоянии исполнять правильную музыку. В восемнадцать лет он покинул свое гнездо и оказался в Новом Орлеане - нашел местечко, где не чувствовал себя грешником среди ангелов. Мы, некоторые члены группы, приехали сюда сорок два года назад. Боб и Лео до сих пор здесь, их прах покоится вон там, - качнула она головой, - под дубом. Когда придет мое время, я тоже окажусь там.

По коже Джейка побежали мурашки. Слишком быстро он спросил:

- А скажите, группа после переезда выступала в каком-то клубе в Мемфисе?

- Мы играли прямо здесь, в доме. Пойдемте, я вам покажу.

Она провела его по другому коридору на один лестничный пролет вниз, в полуподвальную залу, которая была столь же громадна, как и первое помещение, через которое они проходили. Огромное окно во всю стену, стеклянные двери; дальняя часть комнаты полностью занята роялем. Ударная установка - наверняка полная и очень дорогая, а на двух стульях лежали гитара и кларнет. Остальное пространство отдано полдюжине маленьких круглых столиков со стульями.

- Ого! - воскликнул Джейк. - Собственный клуб.

- Поначалу с нами был Красавчик Билли, - рассказывала Луэллен. - Он заболел раком и умер в течение нескольких месяцев, попросив Боба сохранить барабаны и найти того, кто сумеет с ними управляться... - Потом она кивнула в сторону кларнета: - На нем играл Лео. Он покинул нас четыре года назад. Мог извлекать мелодию из чего угодно, лишь бы дуть, - горн, труба, саксофон, зажатая в руках травинка... - Она улыбнулась при этих словах и добавила: - Кларнет тоже остался в доме. Гитара - моя.

- Дом завещан вам?

Женщина выглядела здоровой и полной сил, хотя ей, вероятно, было за семьдесят, но разговоры о прахе под деревом подразумевали, что она останется в доме до тех пор, пока не придет ее время.

- О нет, - ответила она. - Теперь дом принадлежит Бетани Стедман, прапраправнучатой племяннице... На самом деле я не знаю, сколько

там должно быть «пра», но надеюсь, этих достаточно. Боб завещал рояль ее дочке Синди.

«Еще два персонажа, о которых я и понятия не имел», - подумал Джейк. Разве это все поместится в несколько сотен слов, которые ему позволят оставить?

- Как же она перетащит рояль наверх отсюда, из цоколя? - спросил он, рассматривая ступеньки, по которым они спустились.

- Боб нанимал людей, которые отрыли и убрали землю около дома, расчистили пространство на заднем дворе и построили вон тот пологий пандус, чтобы спустить инструмент сверху, - пояснила Луэллен. - Там было что-то вроде салона - так называла помещение его мать: первая комната, куда вы попали, когда только пришли. Она там устраивала музыкальные вечера. Понимаете, свою музыку он никогда не играл в ее салоне, да и не собирался. Вот и перенес рояль. - Она замолчала на секунду, потом продолжила: - Я поставлю вам пленку, которую мы втроем записали, до того как Лео покинул нас. Качество, конечно, не студийное, но общее представление вы получите. - Она подошла к комоду около стены и вынула из ящика старый кассетный магнитофон. - Пока вы слушаете, я приготовлю лимонад. Просто нажмите на кнопку, когда запись кончится. Если захотите, можете пройти через стеклянную дверь вверх по склону и навестить Боба и Лео под дубом.

Джейк посмотрел на нее изучающим взглядом, но она невозмутимо щелкала кнопками магнитофона. «Нанести визит двум очень старым и очень покойным мертвецам? Да ни за что!» - подумал он, взглянув на часы. Десять минут - и его здесь не будет. У него уже достаточно материала для заполнения отведенного журналом местечка, просто еще один бессмысленный клочок информации.

Как только началась музыка, Луэллен ушла наверх.

Зазвучала незамысловатая партия фортепиано с первых аккордов «Блюза в ночи». Мелодия усложнялась импровизациями, вступил кларнет, фоном пошла гитара. Словно слышался непринужденный разговор трех собеседников, перебивающих друг друга, импровизирующих, выстраивающих свои музыкальные фразы, и затем Луэллен запела печальным задушевым голосом, прекрасным чистым контральто:

Мне мама твердила, смешливой малютке...

Кларнет и фортепьяно заиграли, как сумасшедшие, заглушая песню.

Через некоторое время голос врезался в звучание инструментов, и певица завладела сценой:

Она убеждала и предупреждала: «И станешь ты петь блюз...»

Она спела еще несколько строк, перед тем как кларнет перебил ее, а потом началось нечто такое, что Джейк определил для себя как дружеская баталия, где то одна импровизация, то другая одерживали верх, чтобы через минуту вновь уступить сопернику.

...Послушай тоскливый свисток паровоза, о Боже, такой одинокий свисток...

Кларнет пронзительно вскрикнул, как сигнал поезда, и поглотил ее голос. Кларнет и рояль дуэлировали, но Луэллен не желала лишь слушать: ее сильный голос пробился сквозь музыку обоих - неистовый, страстный, сметающий все препятствия.

...Вот кончатся томные взгляды, вот кончатся сладкие речи, увидишь. Он бросит тебя, и станешь петь блюз в ночи...

С невыразимым страданием и мукой в голосе она вывела свою мелодию поверх волн музыки и завладела песней:

Твердила мне мама, убеждала упрямо: «Ты станешь петь блюз в ночи». И мама была права, похоже. Да, мама, была ты права. О Боже! Блюз в ночи...

Кларнет издал тоскливый свисток паровоза, эхом откликнулось фортепиано, и жалобный рефрен повторился - выразительно, в отчаянии, с надрывом:

Мне мама твердила... Блюз в ночи... Блюз в ночи...

Голос сорвался в стон, поднялся на более высокую октаву, задержался в этой тональности и иссяк почти до шепота:

Блюз в ночи...

Джейк не понял, как это произошло, но он очнулся сидящим около маленького столика.

- Ух ты! - выдохнул он. Когда он подошел выключить магнитофон, его рука слегка дрожала.

Он взглянул на часы: музыка продолжалась почти пятнадцать минут. «Как же неохота тащиться наверх по лестнице, искать Луэллен, благодарить ее и прощаться, вообще разговаривать, - подумал он с удивлением. - А надо бы сказать, как же она великолепна, как великолепно их трио». У него просто не было подходящих слов, он даже не знал таких, которыми смог бы выразить невероятное воздействие, которое оказала на него музыка. Вместо этого он прошел через стеклянные двери на улицу, по бетонному склону, по тропинке, ведущей к дубу...

Луэллен тоже взглянула на часы. Бет могла вернуться в любую минуту, им придется решать, что делать с информацией, которую она раздобыла. Кувшин с лимонадом уже стоял на столе, и она доставала из холодильника ветчину, когда услышала, как входная дверь открылась и закрылась. Одного взгляда на Бет оказалось достаточно, чтобы определить: их дела идут не слишком хорошо. Бежавшая позади матери Синди направилась прямо к холодильнику. Девочка была очень похожа на Бет: те же золотисто-соломенные волосы, темно-синие глаза, упрямый квадратный подбородок. Восемилетний ребенок, вечно голодный.

- Милая, убери-ка свой нос из холодильника, - велела Луэллен. - Я тут

готовлю ланч, и уж пять минут ты вполне способна подождать. Почему бы тебе не вымыть руки?

Синди скорчила рожицу, но пошла к двери и вдруг остановилась:

- А после еды ты меня научишь еще несколькими песенкам?

- Конечно, солнышко. Сразу после ланча. - И как только девочка скрылась из виду, Луэллен повернулась к Бет и спросила: - Что они сказали?

- Мне надо заплатить налоги. Тридцать две тысячи. Без льгот, вычетов и отсрочек. Луэллен, что нам делать?!

- Мы что-нибудь придумаем, - сказала Луэллен. - По тарифу коммерческого объекта?

Бет кивнула. Когда умерла мать дяди Боба, имение находилось в ведении округа и налоги были невысоки. Ни у кого даже мысли не возникало, что дом будет проглочен городом, неумолимо разрастающимся во все стороны. Теперь собственность оказалась в черте города - единственный жилой участок в коммерческом секторе. Хотя налоги страшно увеличились, благодаря возрасту дяди Боба, а также истории его семьи, проживавшей на этом месте долгое время, для него сделали льготу и отсрочили выплату налогов до поры, когда дом сменит владельца. Теперь они должники.

- Мы что-нибудь придумаем, - повторила Луэллен. - Тебе стоит освежиться. Этот человек пришел, чтобы написать статью. Полагаю, мы его тоже пригласим на ланч. Он снаружи, около дуба. Когда будешь спускаться, можешь захватить его и привести сюда, а о делах поговорим позже.

- Сколько бы мы ни говорили, делу это не поможет, Луэллен. Я вернусь через минутку.

Бет чувствовала себя разбитой и презирала себя за это. Если бы она не приехала навестить дядю Боба в первый раз, размышляла она, если бы он так и оставался семейной тайной, она бы до сих пор жила в Нью-Йорке и работала в «Зеленой Америке»⁵, по-прежнему несчастная, но не затянута в трясины новой ответственности. Синди было всего два года, когда Бет впервые приехала в этот дом, и теперь он принадлежит ей.

Тогда, шесть лет назад, Луэллен открыла дверь и оглядела мужчину, женщину и малышку, едва научившуюся ходить:

- Чем я могу вам помочь?

Бет ответила:

- Я Бет Стедман, это мой муж Дэниел, а девочку зовут Синди. Мы

⁵ * Некоммерческая компания *Green America* существует с 1982 года. Миссия компании - создавать честное и экологически устойчивое общество путем объединения усилий потребителей, инвесторов, бизнесменов и рынка в целом. (Прим. перев.)

приехали познакомиться с дядей Бобом, двоюродным дедушкой моей матери.

- Слава тебе, Господи! Заходите, ребята. Боб где-то здесь.

Бет долго колебалась: ехать - не ехать, но чувствовала, что это необходимо.

«Он выродок, извращенец, - поморщилась мать, когда Бет спросила о дяде Бобе двумя неделями раньше. - Семья отеклась от него десятилетия назад, и я думаю, вряд ли кто-нибудь знает, жив ли он еще».

Бет случайно обнаружила его имя в семейной Библии наряду с сотнями двоюродных и троюродных родственников, теток, дядьев, расселившихся по Югу. Когда Дэниел сказал, что ему надо съездить в Мемфис по делам организации, где они оба работали, она приняла решение познакомиться с дядей Бобом.

«Кошмарная встреча. Он ужасно старый, - подумала она тогда. - Лицо испещрено морщинами, кожа темно-ореховая от солнца, а узловатые пальцы искривлены артритом». В тот же день она познакомилась и с Лео. Чуть помоложе дяди Боба, как она предположила, очень черный сгорбленный афроамериканец. Казалось, у него все как-то перекошено: плечи, мешки под глазами, щеки. Когда Синди побежала по комнате, прикасаясь чуть ли не к каждой вещице, он тихонько захихикал, а глаза дяди Боба засветились радостью, и он громко рассмеялся. Девочка потрогала скрученную болезнью кисть дяди Боба и морщинистую ладонь Лео, погладила руку Луэллен и понеслась дальше - к столам, лампам... куда могла добраться.

Тихим голосом дядя Боб произнес:

- Маленький котенок метит свою территорию.

Бет не успела поймать дочурку, и Синди выбежала из комнаты в прихожую и остановилась у двери в цокольный этаж, пытаясь повернуть ручку. Бет и Луэллен вместе догнали ее, и когда Бет подняла Синди, та стала вырываться, не желая сидеть на руках.

- Там полуподвальное помещение, - пояснила Луэллен. - Полагаю, мы не хотим, чтобы она свалилась с лестницы.

Вернувшись в гостиную, Бет передала извивающегося ребенка Дэниелу и обратилась к дяде Бобу:

- Боюсь, она еще не слишком хорошо воспитана.

- Это она услышала музыку, - пояснил дядя Боб, приведя Бет в замешательство. Луэллен и Лео кивнули.

Синди слышала музыку.

Бет вымыла руки, освежила лицо, потом глубоко вздохнула и сказала себе тихим голосом:

- Мы что-нибудь придумаем.

В тот день Бет не поняла, что имел в виду дядя Боб. Теперь она знала. Синди услышала музыку, она слышала ее постоянно, и Бет

больше не могла этого отрицать.

Джейк уже направлялся обратно к дому, когда она вышла, чтобы пригласить его на ланч. Они встретились на тропинке и представились друг другу.

- Это великолепное место, - сказал Джейк. - Мирное и прекрасное.

- Нам здесь нравится, - призналась она. - Луэллен говорит, вам надо остаться на ланч. Вы более чем желанный гость.

- Мне бы не хотелось навязываться, - смутился журналист. - Я и так уже отнял у нее столько времени.

- Она просто золото! - улыбнулась Бет. - Всегда говорит, что из ее дома никто не уйдет голодным, и вы не станете исключением.

Милая молодая женщина улыбалась очень натянуто, и Джейк ощутил тревогу, заботы, даже глубокую тоску и отчаяние. Она была красива, молода, на пальце красовалось обручальное кольцо, но в ней не было того, чего ожидаешь от человека, получившего в наследство особняк.

- Вы собираетесь здесь жить? - спросил он по дороге в дом.

- Придется, - ответила она. - Неплохой предмет собственности, не так ли? - быстро добавила она, словно для того, чтобы сменить тему. - Даже несмотря на все окружающие стоянки подержанных машин и дешевые магазинчики, все равно он очень милый. Как только сюдаходишь, забываешь, что находится там, в окрестностях.

«Придется? Интересно, что она имела в виду», - задумался Джейк, но переспрашивать не стал. Они вошли в дом через черный ход и попали в небольшую комнатку, где был накрыт ланч.

Луэллен пригласила его за стол, и Джейк сделал слабую попытку протестовать.

- Не глумитесь, - качнула головой женщина. - Время подкрепиться, ланч на столе, так зачем убегать от такой заманчивой сделки? Сэндвичи с ветчиной и сыром, но если вы не любите мясное, можете взять просто с сыром, как наша Синди.

- Мясо - гадость, - сообщила Синди. - Вы пишете рассказы?

- Статьи о людях, - ответил он. Девочка казалась разочарованной. - Но когда-нибудь мне бы хотелось написать настоящий рассказ о твоём дяде Бобе.

- А разве вы не для этого приехали? - спросила Луэллен.

Он начал было объяснять, какие статьи пишет, но передумал и пожал плечами:

- К сожалению, я не могу воздать должное Бобу, Лео и вам на том мизерном кусочке, который мне обычно отводят. Запись, которую вы дали мне послушать, просто потрясающая. Спасибо вам.

Луэллен кивнула:

- Я так и думала, что вам понравится.

Бет ковыряла вилкой салат, но ела очень мало и в разговоре не участвовала. Она могла бы набрать достаточно денег для уплаты

налогов, размышляла она, но придется выскрести все запасы до самого дна, включая кредитные карты. Банковский счет Синди трогать нельзя ни в коем случае - от этого зависит ее будущее образование. Родители Бет всегда дают Синди деньги на день рождения, на Рождество, и большая их часть ложится на этот счет. Бет и Дэниел работали в группе защитников окружающей среды в «Зеленой Америке», платили там очень мало, и женщина знала, что ее родители не станут помогать ей с затратами на новую собственность. Они не простили ее за то, что она вышла замуж за нью-йоркского адвоката-еврея, особенно потому, что он зарабатывал очень немного. Она подозревала, что семья возрадовалась, когда Дэниел получил тяжелую травму в походе. После трех сложных операций он умер. Страховка оказалась недостаточной, и даже теперь, четыре года спустя, она продолжала оплачивать медицинские счета. Она была свободна и могла выйти замуж за подходящего приличного человека, как намекала ей мать, - такого, кто подойдет семье и друзьям. Она закусил губу, подняла глаза и поймала пристальный взгляд Джейка Манфреда.

- Я помогу Луэллен убраться на кухне, - сказала она ему, - а потом, если у вас есть еще вопросы про дядю Боба, мы примемся за них.

- Согласен, - кивнул молодой человек. - Я тоже вам помогу.

Несколько минут спустя они вышли посидеть и поговорить под дубом.

- Это чудесное местечко, - снова отметил Джейк. - Столько цветов! Кто все это устроил?

- Когда умер Лео, - после небольшой паузы начала рассказ Бет, - мы с мужем и Синди, конечно, приехали. Пока Дэниел помогал дяде Бобу составлять завещание, я кое-что здесь посадила. Это было четыре года назад.

Завещание было необходимо, она пришла к такому выводу, когда ее мать заявила: семья не допустит, чтобы пепел Боба Ренджера был развеян около останков «этого черномазого извращенца». Ему устроят благопристойную панихиду и похоронят в фамильном склепе на кладбище, где погребены его отец и мать.

Еще одно воспоминание вспыхнуло в голове Бет. В то посещение, после смерти Лео, они с Луэллен сидели на кухне, когда услышали звуки фортепиано. Дядя Боб находился в гостиной, Дэниел уехал в мемфисский офис, и в доме больше не было никого, кроме Синди. Бет встревоженно взглянула на Луэллен, заваривавшую кофе, и обе женщины замерли. Бет подошла к двери в цокольный этаж и спустилась на несколько ступенек: вполне достаточно, чтобы увидеть Синди, которая сидела за роялем и подбирала мелодию.

- Синди! Перестань! Немедленно прекрати! - крикнула она.

Сосредоточенное выражение не сразу сошло с лица девочки. Она на минутку отвлеклась, чтобы поднять взгляд и осознать приказ. С явной неохотой она соскользнула со скамейки, пересекла зал и стала

подниматься по ступенькам.

Бет подвинулась, чтобы дать дочери пройти, и плотно закрыла дверь.

- Синди, тебе никто не позволял спускаться вниз и играть без разрешения. И ты это прекрасно знаешь.

- Он мне разрешил, - ответила Синди.

- Кто разрешил?

- Дядя Лео, - ответила девочка и мимо матери посмотрела на дядю Боба, который тоже вышел в прихожую. - Он сказал, что все будет в порядке, - пояснила она.

- Так и есть, - ответил дядя Боб. - Синди, ты можешь играть на рояле, когда захочешь.

Бет почувствовала озноб и страх, она переживала за дочь, но почти в ту же секунду с облегчением решила, что, скорее всего, у Синди непредсказуемо разыгралось ее богатое воображение. Однако взглянув на дядю Боба, снова встревожилась.

- Если Лео сказал, что можно, и я подтвердил то же самое, значит, так оно и есть, - рассудительно произнес дядя Боб, совсем не так, как он обычно разговаривал с Синди. - Ты, милая, играла его любимую песню.

Бет не могла назвать композицию, которую наигрывала ее дочь. Она звучала, будто девочка слушала музыку и подбирала ноты, чтобы аккомпанировать. Когда она спросила Луэллен, знает ли певица эту мелодию, та покачала головой.

- Милая, - сказала она в тот день. - Боб и Лео творили музыку еще до того, как я с ними познакомилась. Должно быть, это одна из их ранних песен. - Помолчав, она добавила: - Боб говорил мне как-то раз, что хотел бы играть в салоне некую музыку, которой он не слышал никогда и нигде, кроме как в своей голове. Он называл ее «другая музыка».

- Вы всегда были близки с двоюродным дедушкой? - спросил Джейк, возвращая ее из тревожных воспоминаний.

- Нет. Мы с ним впервые встретились шесть лет назад, но после этого частенько его навещали.

Из широких стеклянных дверей доносились начальные такты «Прощай, пташка, прощай». Играли медленно.

- Луэллен учит Синди песням, которые исполняла их группа, - улыбнулась Бет. - Она играет на гитаре и поет, Синди выучивает один кусок, и они переходят к следующему.

- Ваша дочь - большой талант, - признал Джейк.

Бет кивнула. Потом, к своему собственному удивлению, она рассказала ему о последних днях дяди Боба и его смерти.

- Как-то раз в пятницу Синди вернулась из школы домой ужасно расстроенная. Она сказала, что нам срочно надо поехать к дяде Бобу. Дескать, мы обязаны. Он стал болезненным, но его состояние было не критическим. Луэллен не звонила и никак не давала знать. Я попыталась выяснить что-либо у нее по телефону, но она ничего не

сказала, и в пятницу вечером мы приехали. В субботу и воскресенье они с Луэллен играли разные старые песни. Они оставили дверь в нижний зал открытой, чтобы дядя Боб мог слышать. Ему это очень нравилось. В понедельник я пошла на кухню, чтобы подогреть ему суп. Луэллен с Синди играли «Лунную реку», одну из его любимых песен. Вы ее знаете?

Джейк кивнул, смутно припоминая мелодию.

- Они как раз играли фразу, - Бет пропела приятным тихим голосом: - *С тобою под радугой, друг дорогой, мы рядом стоим под самой дугой...* - и сказала: - В этот момент они вдруг затихли. - Она помолчала, опустив на секунду голову, потом мягко продолжила: - Вместе они пришли на кухню, и мы втроем направились в гостиную. Дядя Боб уже умер, и на его лице застыла улыбка.

Несколько минут Джейк и Бет молчали, слушая музыку, доносящуюся из нижнего зала. Темп нарастал, как будто чтение партитуры не составляло никакого труда.

- Мистер Манфред, - напряженно попросила Бет, - пожалуйста, не публикуйте то, что я вам рассказала.

- Конечно, не буду. Я вообще диктофон уже выключил, - сказал он и добавил: - Называйте меня просто Джейк.

- А меня - Бет, - кивнула она и через секунду спросила: - Я так понимаю, вы родились не в Нью-Йорке. Откуда вы?

Джейк рассказал о своем детстве в Манси, о ненавистной работе и трудностях в поиске какого-нибудь другого занятия, которое принесет ему средства на жизнь. Она немного рассказала о своей правильной семье в Вирджинии, о том ужасе, с которым семейство отнеслось к ее замужеству, и очевидном облегчении, когда Дэниел умер. Она сообщила, что дядя Боб был очень деликатным и понимающим, а Лео - добрейшим человеком, какого она когда-либо встречала. Годами они объединяли свои доходы и социальную страховку: Луэллен разработала для дяди Боба этот «план выхода в отставку», который помог им выжить. Один за другим источники дохода исчезали, и ко времени смерти хозяина имения у Луэллен остались лишь небольшой пенсионный счет и сертификат социального страхования. Бет зарабатывала мало, а ее долги были таковы, что она не видела никакого пути сохранить дом и обеспечить Синди. Страхование, налоги, образование дочери, а последние несколько лет еще и уроки музыки... Она может перевестись в мемфисский офис, но зарплата от этого выше не станет, а расходы будут только расти.

- Но я обязана сохранить его, - вздохнула она. - Я обещала дяде Бобу, что Луэллен присоединится к нему и Лео, когда придет ее время. - И добавила через секунду: - И потом, есть еще Синди. Ее место здесь.

Джейк кивнул. Именно так: ее место здесь. Синди как раз играла «Лунную реку» в джазовой обработке, с импровизациями. Не так, как

это сделал бы Боб, но словно пробовала его по-детски, на зубок и понемногу вращала в новую роль, предназначавшую ей свыше. Эта мысль взволновала Джейка.

- Любой из них сам по себе мог бы стать звездой, - предположил он. - Трои могло бы добиться успеха. Почему они не выбрали этот путь?

- Дядя Боб сказал мне, что они находились именно там, где хотели, и делали именно то, что хотели, и ни один из них не требовал от жизни большего, - ответила она.

В подвальной зале Луэллен встала и погладила Синди по голове:

- Я пойду наверх. А тебе надо порепетировать пьесу для концерта, который у вас будет на следующей неделе. Помнишь?

Синди скорчила рожицу.

- Милая, когда-нибудь твое лицо таким и останется, - предупредила Луэллен.

- Ты всегда так говоришь, а оно все не остается и не остается! А мне бы хотелось...

Улыбаясь, Луэллен прошла через стеклянную дверь и остановилась на пандусе, посмотрела на Бет и Джейка под дубом и послушала, как Синди начинает играть Шопена. Ее улыбка стала отчетливее, и она тихонько рассмеялась, когда девочка стала играть в своей манере. Она вернулась в залу и пошла в дом, наверх, решив не вмешиваться в беседу под деревом.

Она вспомнила один день из очень давних времен. Боб отослал ее, несмотря на протесты.

- Шесть месяцев, девочка моя, и если тебе не понравится, возвращайся, - говорил он.

- Он и меня как-то раз заставил уехать, - признался тогда Лео.

Она подписала шестимесячный контракт с агентом, а по окончании срока вернулась. Слово выходишь в одну дверь, поворачиваешь за угол иходишь в другую.

- Я вернулась, - сказала она в тот день, входя в залу, когда Боб и Лео работали над новой аранжировкой.

Лео тут же запел:

- *Привет, крошка, о, привет, крошка, хорошо, что ты вернулась в дом родной!*

- Лео, закрой рот! Твой голос и лягушек заставит топиться, - проворчал Боб и обратился к Луэллен: - Добро пожаловать домой, милая. Сядь рядом со мной. Есть здесь вещицы, которые хотелось бы попробовать с тобой...

Она села рядом с ним, просмотрела ноты, и они начали:

- *Мне надо идти...*

- *Но, милая, холодно там...*

Здесь и сейчас, на кухне мемфисского дома, она услышала музыку воспоминания, свой чистый, молодой голос, хриплый, грубоватый голос

Боба, их музыкальный диалог, исполнявшийся впервые, а потом снова и снова, с вариациями. Когда они наконец закончили, то расхохотались, глядя друг на друга: они взмокли от пота. Лицо Лео было похоже на подтаявшую смолу, Боб стирал капли с носа тыльной стороной ладони, а у Луэллен волосы прилипли к голове. Это был счастливейший день в ее жизни.

Лео в тот день сделал вывод:

- Наша малышка больше никогда не уйдет.
- Чертовски верно, - кивнула Луэллен.

Она решила сделать мятный коктейль с коньяком. У нее было чувство, что молодой человек, беседующий с Бет, попал сюда не случайно, а истинная причина не в ерундовой заметке о Бобе.

Бет не выпускала Синди из-под контроля. Она слышала, когда дочь начала репетировать пьесу из концерта и когда стала импровизировать в ритме джаза. Тогда она встала, качая головой:

- Шопен, должно быть, весь извертелся в гробу, а ее учительница заработает инфаркт, если эта артистка сыграет то же самое на концерте.

- Шопен никогда не звучал так классно, - улыбнулся Джейк.

Бет нахмурилась в ответ и направилась к дому. Джейк взглянул на часы первый раз с тех пор как... - он не мог вспомнить, с какого времени, но ощутил легкий шок. Уже шесть, а на самолет надо успеть к восьми тридцати. Он поспешил за Бет.

Луэллен встретила их на кухне и вручила по прохладному запотевшему стаканчику мятно-коньячного коктейля.

- Останетесь на обед? - спросила она.

- Спасибо, не могу. Мне уже надо срочно бежать, Луэллен, вы говорили, что люди приходили послушать музыку вашей группы. Вы брали плату?

- Нет. Иногда кто-то из публики нам подыгрывал. Многие приносили с собой еду. Некоторые оставляли пожертвования и подарки, но мы никогда ни о чем не просили. А что?

- Вы могли бы устроить здесь, внизу, ресторанчик, играть какую-нибудь старую музыку, возможно, привлечь музыкантов...

Бет покачала головой:

- Никто из нас не знает, как обустроить ресторан. Луэллен замечательно готовит, но вряд ли собирается обслуживать голодную толпу. А хорошие блюда требуют материальных вложений.

- Я имею в виду не полноценный ресторан, а что-то вроде кафе или бистро: стандартное меню из нескольких новоорлеанских особых блюд. Даже не каждый день и не целый день. Только чтобы бизнес окупал себя и, возможно, давал пару долларов сверх того. Вам же надо только, чтобы сохранить дом, выплатить налоги и все такое. Вы сумеете это сделать. Я уверен.

- Спасибо за предложение, - произнесла Бет тоном, подразумевающим, что она не собирается им воспользоваться,
- Милая, дай мне недельку на поездку в Новый Орлеан, и я достану повара, - сказала ей Луэллен и повернулась к Джейку: - Мы это обсудим. Ребята приедут на поминки Боба через две недели. Они связались друг с другом в Новом Орлеане, Батон-Руж, Детройте, даже в Нью-Йорке и собираются провести их как надо. И вы приезжайте, ладно?

* * *

По дороге в Нью-Йорк Джейк постоянно думал о Бет. Ее очаровательные покачивания головой, быстрые внимательные взгляды в его сторону, мягкий голос с виргинским акцентом. «Забудь!» - твердил он себе, зная, что не сможет. В сознание пробила другая мысль: Роберто Гомес. Единственным положительным моментом его работы были встречи с хорошими и интересными людьми, и Роберто Гомес - один из них. Он держал небольшую студию звукозаписи, которая специализировалась на рекламных роликах для начинающих музыкальных групп. И у него была комнатка, напичканная записывающей аппаратурой.

На следующий день он позвонил Роберто и пригласил на пиво. Спустя две недели они вдвоем отправились в Мемфис на машине. Аренду автомобиля оплатил Джейк. «Все расходы за мой счет», - обещал он, подавив тяжелый стон при мысли о превышении лимита кредитной карты.

Они прибыли в одиннадцать часов утра, надеясь оказаться первыми, но обнаружили, что в доме уже собралась толпа. Он махнул Роберто, мол, шагай за мной, и прошел мимо незнакомцев прямо на кухню. Луэллен заметила его и пояснила присутствующим, что эти люди тоже приглашены. Заодно сообщила, что они позвали всех соседей и придется закончить мероприятие в два часа ночи, а гостям следует вести себя в доме самостоятельно. Она и еще несколько человек готовили большой котелок красной фасоли и другой такой же - с рисом. «Попозже», - помахала рукой она и прогнала их с Роберто из кухни.

Живая музыка заиграла в два часа пополудни и не прекращалась, хотя то и дело стихала, особенно когда зазвучала запись Луэллен: *Мне мама твердила...* Воцарилась, как Джейк назвал бы это, благоговейная тишина, а по окончании песни раздались шумные аплодисменты. Бет стояла рядом со слезами на глазах.

Роберто словно сделался одержимым, заметил Джейк ближе к вечеру. Отправившись в путь с неохотой, приятель с некоторым пренебрежением отнесся к идее пробуждения Нового Орлеана -

бредовой, отжившей свое древности из эпохи динозавров или фальшивке, выставленной на потребу толпы туристов. В свои сорок лет он видел сменяющих друг друга музыкантов, слышал всё и вся, но в тот вечер он носился повсюду со своим диктофоном, собирал автографы и даже отплясывал с ребятами.

Джейк познакомился с таким количеством народа, что далеко не все имена сохранились в памяти: люди с трубами, саксофонами, гитарами, кларнетами. Почти все время он находился около Бет, и только когда в очередной раз осознал это, то уходил куда-нибудь еще, чтобы через некоторое время вновь испытать ее притяжение и оказаться рядом. Позже, ближе к полуночи, он вышел под дуб, где группа играла песню «Добрый друг река» и пел бас, который не мог быть голосом Поля Робсона, но звучал точно так же. После заиграли «Летнее время», а Луэллен пела. «У нее до сих пор прекрасный голос, - подумал Джейк с удивлением, и благоговением. - До чего же чудесный!»

То тут, то там мелькала Синди, она даже пару раз сыграла на рояле. Когда она исполнила джазового Шопена, зал взорвался аплодисментами. В полночь Бет велела ей идти спать. Она на некоторое время скрылась из виду, но опять пришла.

В полвторого труба заиграла «Когда шествуют святые», голос Луэллен возвысился, и все инструменты смолкли, пока она пела. Когда она закончила, мелодию подхватили одни, потом другие, и вскоре более чем две сотни музыкантов играли и пели все вместе.

В два часа ночи все закончилось.

Джейк вышел к дубу, где увидел Бет и еще несколько человек. Роберто тоже был там, потный, с довольной улыбкой на лице.

- Мужик, я твой должник, - сказал он, когда Джейк подошел поближе. - По гроб жизни.

- Когда будешь готов, - предложил тот, - нам бы надо поискать поблизости действующий мотель.

- Вам, мальчики, мотель не понадобится, - обрадовала подошедшая Луэллен. - Ребята разместились по всему дому, но я придержала для вас комнатку на третьем этаже.

- Вот и отлично, - кивнул Роберто. - А то я уже просто никакой. Как выжатый лимон.

* * *

Следующим утром Джейк проснулся поздно, и Роберто уже ушел. Он обнаружился в маленькой столовой за чашкой кофе с пончиком. Думая, что Роберто будет более чем готов двигаться домой, Джейк был очень удивлен, когда приятель попросил:

- Давай зависнем тут еще чуток. Мне надо кое о чем потолковать с

Луэллен.

- Стэн Маркони привез огромную корзину пончиков из Нового Орлеана, - сказала Бет. - Команда начала сворачиваться несколько часов назад. Все было просто потрясающе! - Она выглядела измученной, но довольной. - Несчастливая лужайка сильно пострадала, но она стойкая, восстановится! Я изначально планировала здесь самый неприхотливый газон, не требующий особого ухода. Убить эту траву музыкой невозможно!

Крупный афроамериканец заглянул в комнату, обежал присутствующих взглядом, остановился на Роберто и спросил:

- У тебя остались бумаги о передаче? Я еще ни одной не подписал.

- Есть, конечно, - ответил Роберто. - Ты Гвидо, да?

- Точно, мужик.

Роберто вытащил документ из портфеля, лежавшего около стула, и передал его Гвидо, который вошел в комнату.

- На пунктирной линии, приятель. Условия и подпись.

Не просматривая напечатанный текст, Гвидо нацарапал свое имя и добавил еще что-то, чего Джейк не рассмотрел. Махнув рукой всей компании, музыкант ушел. Роберто без единого слова убрал бумагу в портфель.

Уже к вечеру все, кроме Роберто и Джейка, разъехались. Луэллен присоединилась к ним в маленькой столовой. Она погрузилась в кресло, облегченно вздохнув, и обратилась к Роберто:

- Ты сказал, что хочешь поговорить со мной. Я сейчас не слишком сообразительна, но говори, что задумал?

Роберто весь обратился в бизнес. Он собрался выпускать альбом «Возрождение Нового Орлеана».

- Я это всё оцифрую, вычищу шумы, сделаю выборку, а потом уже можно идти дальше, - пояснил он. - Когда вы откроете свое кафе, сможете включать записи по вечерам, когда не будет живой музыки.

Она покачала головой:

- Мы не можем себе позволить роскошь оплачивать ребятам авторские права.

Роберто вытащил из портфеля несколько бумаг, которые собирал, просмотрел и некоторые из них передал Луэллен.

- Я объяснил им вашу ситуацию, рассказал, что вы хотите сохранить это место, чтобы на могилу Боба и Лео не наваливали контейнеры с товарами и не капало масло с машин.

Луэллен просмотрела документы, и у нее перехватило дыхание:

- Передача авторских прав? Ты всю ночь их собирал? Гвидо, Пит, Салли, другие... И все, чего они хотят, - это бесплатная еда, когда мы откроемся?

- Некоторые хотели денег, но мы их в альбом не включим, - самодовольно произнес Роберто. - Они отлучили себя от участия,

возжелав презренного бабла. Господь свидетель: для альбома вполне достаточно бессребреников, даже для двух-трех сборников.

- А почему ты спрашиваешь об этом меня? - удивилась она. - Ты можешь сделать все сам, все права у тебя...

- Читайте сверху, - кивнул Роберто. - Это будет ваш альбом. Я только продюсер.

- И как это сработает?

- Основной песней будет ваша, которая звучала вчера вечером: «Блюз в ночи».

Бет встала и сказала:

- Я оставлю вас вдвоем обсудить деловые вопросы.

Джейк тоже поднялся. Они пошли посидеть под дубом.

- Вы и правда собираетесь открыть кафе?

- Мы прикинули, посчитали и пришли к одному варианту, который можно попробовать, - сказала она. - Действительно, Джейк, это была великолепная идея. Никогда бы не подумала, но мы решили, что сможем заставить это работать. А после вчерашнего буйства я просто уверена, что мы справимся. Со временем заведем и живую музыку, сейчас главное - начать.

* * *

С тех пор Джейк приезжал туда много раз, по поводу и без. Он присутствовал на открытии кафе. На десятом дне рождения Синди Бет уже была без обручального кольца.

* * *

Теперь они часто сидят под дубом долгими теплыми летними вечерами. Кафе открыто три вечера в неделю, и иногда они обсуждают, не превратить ли их в четыре, но никакой спешки нет. Столики зарезервированы на месяцы вперед. В выходные, когда играют Синди и компания, зал набит битком, а столики заказаны уже на год вперед. Синди никогда не уезжает надолго. Она редко гастролирует, но иногда ее группа ездит в Нью-Йорк, чтобы записать диск в шикарной студии Роберто. Его первый альбом стал хитом. Как правопреемница Луэллен, Бет получает авторские гонорары и лицензионные вознаграждения - немного, но достаточно.

Часто здесь, под деревом, Бет пытается осмыслить ответ Луэллен на вопрос, была ли в ее жизни любовь.

- Милая, любовь - смешное слово. Означает так много различных вещей, разве не так? Она такая разная. Любовь в семье, любовь к

своей стране, любовь матери, любовь к другу, любовь к ближнему. Очень разная. Мне встречались мужчины, я любила, но все это не то... Ни один из них по-настоящему не подходил мне, видимо, мы не были единым целым. Я считаю, есть в жизни нечто гораздо более сильное, чем любовь, о которой обычно говорят, сильнее дружбы, сильнее плотских страстей, больше похожее на последний штрих чего-то незавершенного. Думаю, я поняла, что, когда находишь свое настоящее место в жизни, как-то глупо бежать дальше.

Бет подозревает, что еще не вполне постигла глубину этого высказывания, но тем не менее она находится там, где хочет быть, и делает то, чем хочет заниматься. И у нее есть Джейк. Этого достаточно.

Иногда они говорят об открытии настоящего ресторана в салоне, который никогда не используется. «Возможно, когда-нибудь...» - соглашаются они друг с другом. Джейк ведет рубрику в газете «Ривер ньюс» и пишет книгу о дяде Бобе. Книга продвигается медленно, но за годы Луэллен рассказала так много историй, исполненных невыразимой магии, что нет причин спешить.

Они держатся за руки и разговаривают, а иногда, особенно в отсутствие Синди, когда в нижнем зале темно и тихо, они слушают «другую музыку». Песни меняются, но Джейку больше всего нравится, когда дядя Боб играет на рояле, Лео - на кларнете, а Луэллен поет: *Мне мама твердила...*

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Kate Wilhelm. Music Makers. 2011. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ГЕНРИ СТРАТМАНН

КОГДА ЕЁ НЕ СТАЛО

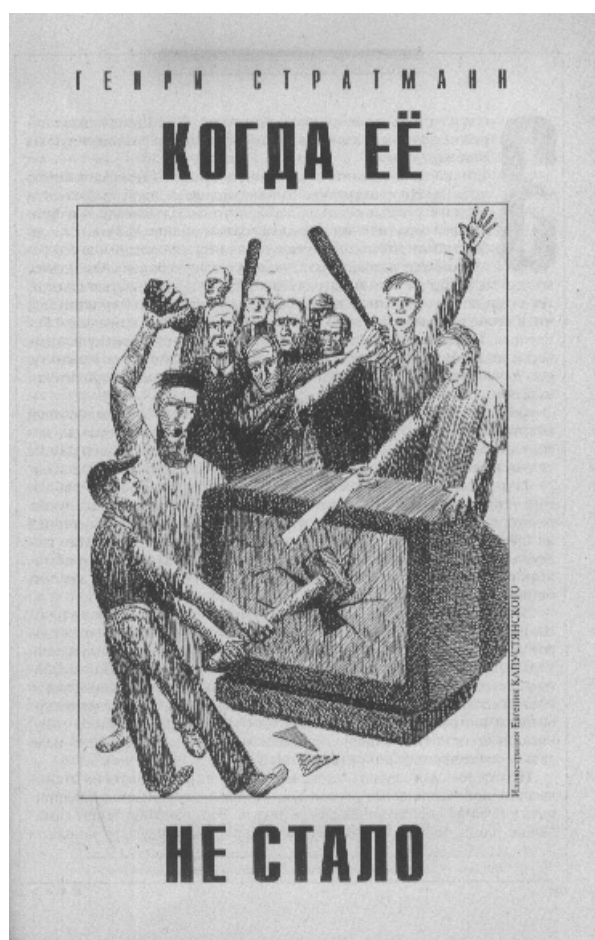

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

За три минуты до того, как сойти с ума, Сэм Шайдт сидел перед пюпитром, с хмурым видом разглядывая разложенную на нем партитуру. Его партия с технической точки зрения была достаточно сложна. Но еще труднее было преодолеть искушение сыграть эти величественные соло так, как они того заслуживали - отбросив все ограничения и выдавая самое мощное форте. За две минуты до того, как пучина безумия поглотила его разум, Шайдт вздохнул и почесал седеющую бороду. Он поднес мундштук трубы к губам и сыграл с вибрирующей мягкостью один из тех скользких хроматических пассажей для ведущего исполнителя, что в изобилии разбросаны по всей скрябинской «Поэме экстаза». Репетируя, Шайдт лишь молился, чтобы эти недостойно приглушенные звуки не разбудили миссис Рузвельт, его раздражительную пожилую соседку по дуплексу⁶, не нарушили столь ценный для нее оздоровительный сон.

Он бы и рад уважить настоящую потребность этой седовласой матроны отходить ко сну ровно в восемь вечера, к тому же часы на каминной полке показывали, что этот роковой рубеж превышен уже на три часа, но ведь и к завтрашнему вечернему концерту Хутервильского

⁶ * Дуплекс - двухквартирный дом. (Здесь и далее прим. перев.)

филармонического оркестра тоже надо подготовиться. И работы еще - край непочатый. Так что это было меньшим из двух зол: лучше рискнуть ночным покоем соседки, чем фальшивить перед аудиторией из профессиональных музыкальных критиков и оплачивающих выступление меценатов. А с другой стороны, в этом опусе столько не диатонических нот, что, возможно, никто из этой публики и не заметит ошибки.

За минуту до того, как его мозг погрузился в хаос, блестящая труба Шайдта испустила испуганное бляенье и замолкла, ибо с другой стороны дома донесся громкий стук тяжелой трости, которой молотили по общей стене, разделяющей строение на две половины. Пробарабанив несколько тактов этого остигатного ритма, ударница-самоучка за стеной успокоилась. Шайдт решил поставить на свой инструмент сурдинку и попытаться поиграть еще, хотя уже заранее ужасался тому, насколько придется модифицировать мундштук. Но сначала надо дать соседке время успокоиться и заснуть.

Не хотелось даже думать о том, как она будет реагировать на многочасовые дополнительные репетиции, которые ему придется предпринять в течение последующих шести недель. Это, конечно, тешит самолюбие, когда тебя называют ведущим солистом грядущего концерта «Трампетиссимо!», где ты будешь стоять в самом центре сцены во время исполнения концертов Гайдна и Гуммеля, а позже с трубой-пикколо внесешь свою лепту в исполнение Второго Бранденбургского. Но все это также означает очень много упорного труда и натертые губы.

Ожидая, пока ненавидящая музыку соседка уgomонится, Шайдт включил приемник, сделав минимальную громкость и настроив частоту на местную FM-станцию, передающую классическую музыку. Из динамика полилось совершенно незнакомое произведение. Что-то камерное для пианино, кларнета и виолончели в стилистике, напоминающей ранние додекафонические эксперименты Второй Венской школы. Журчащее, переливчатое контральто звучало почти как птичья трель, но все же это было пение на незнакомом языке. Голос добавлял прекрасный вокальный контрапункт к мощным инструментальным темам.

Хотя это была не та музыка, которая собирает полные залы, в ней присутствовал некий чарующий ритм. Небольшие темы, крошечные мотивчики выскакивали из небытия и тут же исчезали на пороге восприятия в случайном, казалось бы, порядке, наподобие сталкивающихся броуновских молекул в обширном океане звука. Чем больше Шайдт вслушивался, тем более различимыми становились для него утонченные структуры, в которые складывались ноты на как бы атональной поверхности этого океана. Но всякий раз, когда ему казалось, что он наконец ухватил смысл этой музыкальной мозаики,

уловил послание, заложенное в эфемерных рядах и группах тонов, решение снова ускользало от него.

Время словно застыло, а музыка постепенно заполонила его разум и волю. Даже когда радиоприемник замолчал, сознание Шайдта было целиком и полностью сконцентрировано на звучащей теперь уже только в его мозгу музыке. В какой-то момент Шайдт механически поднес к губам инструмент. И вот из его медного нутра непрерывным потоком полился оглушительный трубный глас. То была яростная попытка повторить только что слышанные трансцендентные аккорды и мистические секвенции. В исканиях и борьбе бесконечно более трудных, чем сентиментальный поиск «Потерянного аккорда» сэра Артура Салливана⁷, Шайдт пытался воссоздать неуловимые нюансы только что услышанного шедевра.

Он не замечал ни крови, капающей с его губ, ни яростного стука в стену...

* * *

- Вы слышите - он все еще играет!

Миссис Эллис Рузвельт остановилась перед дверью главного входа в соседскую половину дома, опираясь на древнюю деревянную трость. Левой рукой она поддерживала складки ветхого халата, в который куталась, спасаясь от полуночной прохлады. Два бравых полицейских, только что появившихся в ответ на ее телефонный вызов, из машины выскочили достаточно резво, но на подходе к крыльцу дома, у которого, сотрясаясь от праведного гнева, стояла миссис Рузвельт, почему-то стали тормозить.

Не дав им рта раскрыть, престарелая вдова возобновила свои ламентации:

- Этот тарарам уже битый час длится! Да он всю округу на ноги поднял, не меня одну! И он не останавливается, сколько я ему ни стучала в стену, и на звонки не отвечает! Но вас-то он послушает!

Эллис улыбнулась эти двум милым полицейским, когда они подошли к ней вплотную. Однако после того как они остановились и в течение мучительно долгого времени тупо смотрели на запертую дверь, пожилая леди недоуменно наморщила и без того морщинистое чело.

- Ну?! Может, кто-нибудь из вас хотя бы в дверь постучит?

⁷ * «Потерянный аккорд» - песня, сложенная Артуром Салливаном в 1877 году, у постели смертельно больного брата Фреда. Песня тут же стала популярной, и Салливан очень гордился ею, заметив как-то: «С тех пор я сочинил много разной музыки, но никогда не написал ничего, сравнимого с «Потерянным аккордом».

Она вскрикнула и отшатнулась, когда оба полицейских, не говоря ни слова, принялись таранить дверь плечами. Деревянные панели затряслись под могучими ударами, замок подался, и дверь открылась внутрь. Двое патрульных гуськом прошли в гостиную, где спиной к ним сидел человек и через трубу выдувал остатки своей жизни. Не замечая новоприбывших, человек направлял в трубу слабеющее дыхание и лихорадочно перебирал клапаны инструмента, испускающего раз за разом одну и ту же, лишенную мелодии, последовательность звуков.

Трость Эллис, осторожно следовавшей за патрульными, стучала по паркетному полу. И хотя хриплые звуки, доносящиеся из центра комнаты, заставляли ее содрогаться, пожилая леди решительно приблизилась к двум полицейским, стоявшим плечо к плечу и глядевшим на человека в кресле. Остановившись около пюпитра, она с ужасом смотрела на неестественно красное лицо трубача и его щеки, то раздувавшиеся, как кузнечные мехи, то проваливавшиеся внутрь, как у чахоточного. Музыкант производил впечатление тонущего. Эллис открыла рот, пытаясь перекричать оглушительный шум, но так ничего и не выдавила из себя, напуганная новым явлением.

Безумные пассажи, вырывающиеся из трубы, теперь не были единственным, что звучало в комнате. Оба полицейских стояли недвижно - как крысы, заколдованные знаменитым гаммельнским музыкантом. Из их плотно сомкнутых губ исходило громкое, непрерывное и бессмысленное мычание.

И немелодичный мотив, который они мычали, был тот же, что исходил из трубы...

* * *

Тем временем через три часовых пояса к западу, в Сан-Диего, проходил и достиг уже своей кульминации рок-концерт. Огромный затемненный зал был битком набит молодыми людьми, фальшиво подпевающими стоящей на сцене группе. В промежутках между нестройным пением и одобрительным свистом публика выпивала и выкуривала сомнительной легальности субстанции. В такт громоподобным звукам, извергаемым мужской группой «Спелые бананы», по залу металась разноцветные лучи лазерных прожекторов.

Но эта команда лишь разогревала публику перед выступлением главного гостя концерта - разнополой группы «Некротические нейроны». Ведущий гитарист группы Гастон Гангрена выглянул из-за кулисы посмотреть, как разогревающий ансамбль покидает сцену. Он отбросил с потного лица каштановый локон полуметровой длины и оглянулся на четверку своих товарищей. Все, кроме одной, выглядели более или менее трезвыми.

Исключение составляла Эрис Чума. Маленькая лидирующая вокалистка группы сидела в нескольких метрах от остальных, уставив в пустоту невидящий взор. Ее изрядно потасканное, но все еще привлекательное тело было покрыто лишь стратегически размещенными лентами черного спандекса. Длинный черный парик, которому позавидовала бы Мортиша Адамс⁸, и густой готический макияж дополняли униформу певицы.

Тонкие белые провода соединяли наушники-капельки, вложенные во внешние звукоулавливающие органы юной леди, с серебряной коробочкой плеера в ее руке. Привычка Эрис часами слушать музыку, скачанную из Сети легальным или каким-либо иным способом, успела стать легендарной. Но есть время и место для такого рода развлечений, а когда тысячи разогретых фанатов яростно вызывают своих идолов на сцену, то, ясное дело, это время неподходящее.

Мягкое прикосновение руки Гастона к плечу девицы и вежливая просьба оторваться от своего занятия действия не возымели и не нарушили ее углубленной медитации. Чей-то голос прокричал сзади: «Давай Гас! Нам пора выходить!».

Сейчас не до дипломатии: Гастон извлек капельки из ушей Эрис и плеер из ее не оказавших сопротивления пальцев. Он швырнул устройство на ближайший стол, а затем поднял певицу, утвердил на негнущихся ногах и повлек на сцену. Публика, завидев любимую группу, сотрясала здание оглушительным ором и аплодисментами. И пока трое остальных участников с инструментами ожидали в окружении монолитов-колонок и мощных усилителей, которые по способности пожирать электроэнергию могли соперничать со всем раскинувшимся вокруг них пригородом, Гастон установил Эрис впереди группы и сунул ей в ладонь беспроводной микрофон.

Несколько секунд ему понадобилось, чтобы подготовить свой «стратокастер», и все это время длился его обращенный к Эрис молчаливый монолог, приправленный цветистыми оборотами и анатомическими отсылками, из тех, что никогда не появляются на страницах «Reader's Digest»⁹.

Разумеется, не раз уже случалось, что один или несколько членов команды выступали на сцене в состоянии фармакологического недомогания. Но даже если их все еще витающая в непознанных просторах боевая подруга не сможет раскрыть рта, она, на худой конец, будет являть собой визуальную конфетку для публики.

Собравшиеся знатоки и ценители современного рока немедленно

⁸ * *Мортиша Адамс - героиня популярного телесериала «Семейка Адамсов». Имеет бледную кожу и длинные черные волосы, носит черные готические одеяния.*

⁹ * *Популярный американский журнал для семейного чтения.*

усилили энтузиазм, вкладываемый ими в восторженные вопли, как только группа заиграла вступительные риффы своего последнего хита «Хламидия-блюз». Гастон облегченно ухмыльнулся, когда увидел, что Эрис поднесла микрофон к губам, явно намереваясь добавить свой голос к зубодробительному грохоту ударных и завыванию гитарных фузов за своей спиной. Но лицо Гангрены тут же вытянулось, когда он понял: изо рта солистки вырывается отнюдь не текст композиции.

Если уж на то пошло, она вообще никаких слов не артикулировала. Эрис в свое время получила профессиональное образование по классу вокала и обладала голосом с достаточно широким диапазоном. Этого, конечно, не требовалось для исполнения расхожего репертуара группы, но было очень кстати при воплощении более сложных композиций для знатоков. Именно последние и принесли певице славу Королевы Ночи. И вот теперь ее чарующее сопрано могло бы посрамить чистые трели жаворонка, воспевающего ясные небесные просторы. Никто из присутствующих никогда в жизни не слышал ничего подобного. Лет десять назад, в подростковом возрасте, когда он еще проживал в штате Арканзас, одной из любимых вещей Гастона была «Бразильская Бахиана № 5». Так вот, в сравнении с мелодией, заполняющей гулкое пространство зала, вокальная партия этого произведения Виллы-Лобаса звучала карканьем вороны, подцепившей ларингит.

Вопли и свист аудитории, искаженное завывание гитары, пульсирующий ритм ударных, сотрясающих стены здания, постепенно затихли в плавном декрецендо. Под конец единственным слышимым звуком остался женский голос на сцене, бесконечно повторяющий один и тот же захватывающий рефрен. И единственное, что двигалось в зале - губы Эрис, да еще синхронно вздымались и опадали грудные клетки зачарованных слушателей.

Затем еще один звук стал поначалу неуверенно имитировать ее гипнотическую песню. Негромкие одиночные ноты, слетающие со струн гитары Гастона, переросли в оглушительные аккорды и вскоре были подхвачены другими инструментами. Ударные подхватили бесконечно повторяющийся ритм, а стальные струны раз за разом наигрывали колдовские мелодические секвенции. Через мгновение публика начала в такт раскачиваться, мычать, насвистывать или напевать без слов все ту же последовательность взлетающих и затухающих звуков.

Техники-наладчики и другие служащие, появившиеся на следующее утро, услышав мощное хоровое пение, доносящееся изнутри, застыли на миг в недоумении, а затем сами подпали под чары и во всепоглощающем порыве присоединили свои голоса к хору. Каждый, кто слышал эту песню, забывал про еду, питье, естественные нужды, вообще обо всем на свете, кроме бесконечного пения; и пение это прекращалось лишь тогда, когда обессиленное тело падало на

землю...

* * *

- Леди и джентльмены, мы столкнулись с террористическим нападением беспрецедентного масштаба, - начал заседание Кабинета министров глава национальной безопасности.

Около дюжины мужчин и женщин, сидящих за длинным столом, озабоченно закивали. Оратор продолжил:

- В документах, которые вы только что получили, имеются последние данные о том, сколько миллионов мужчин, женщин и детей были выведены из строя или уже умерли к этому времени. Огромное количество травм и летальных исходов пришлось на авто- и авиакатастрофы, когда водители и пилоты внезапно попадали под действие этой заразы, слушая радио, музыкальные плееры или другие электронные устройства. То же касается и катастроф на железных дорогах. Погибло множество загипнотизированных людей, занятых на опасных работах: монтажники-высотники, персонал атомных электростанций. И число зарегистрированных жертв постоянно растет, по мере того как идентифицируются трупы. Счет идет на тысячи и тысячи. Разумеется, в наших официальных отчетах для публики мы уменьшаем цифры, чтобы избежать паники, и наоборот, преувеличиваем действенность предпринимаемых контрмер.

Заместитель министра внешней разведки и аналитики подняла руку.

- Мой департамент сотрудничает с ФБР, ЦРУ и другими агентствами, чтобы раскрыть, кто несет ответственность за эту атаку. К несчастью, у нас по-прежнему нет никаких обоснованных данных. Нападение было столь неожиданным, а его источники так многочисленны, что может пройти много дней, прежде чем у нас появится какой-то проблеск надежды. И даже если мы отыщем преступника, это не поможет людям, которые уже подпали под воздействие атаки предполагаемых террористов. И не сможем предотвратить новых ударов.

Министр кивнул.

- Держите меня в курсе вашей работы.

Помощник министра здравоохранения заявил:

- С нами связался один эксперт, который утверждает, что он знает, почему лишились разума все эти люди. Он уже получил соответствующие допуски по секретности и прошел инструктаж, а сейчас дожидается за дверью. Если позволите, господин министр, я приглашу его присоединиться к нашему собранию.

- Разумеется, пригласите его.

Агенты секретной службы в темных костюмах ввели в помещение незнакомца: среднего роста, песочного цвета волосы тронуты сединой,

слегка прихрамывает - следствие старой травмы, полученной во время игры в футбол еще в колледже. Цепкий взгляд ясных голубых глаз выдает незаурядный ум.

Усевшись в предложенное ему кресло рядом с секретарем, человек поправил галстук и окинул взглядом лица собравшихся в зале чиновников.

Его голос оказался низким и гулким.

- Благодарю вас, что согласились принять меня. Я доктор Габриэл Стимэн. Нейрология - сфера моих научных интересов последние двадцать пять лет. Из них десять лет я занимал пост директора Института нейробиологических исследований при Университете Бойса. И, возможно, я несу ответственность за несчастье, обрушившееся на страну, и не на нее одну.

Министры задохнулись от изумления. Похоже, они ожидали, что после столь наглого признания безумного ученого агенты секретной службы тут же уложат его на пол, нацепят наручники и потащат в тюрьму. Стимэн поспешил объяснить:

- Разумеется, лично я ко всему этому не причастен. Однако опасаясь, что исследования нашей группы кто-то использовал для создания средства огромной разрушительной силы.

Дородный чиновник, сидящий за столом напротив Стимэна, фыркнул:

- Вы что, разрабатывали новые виды оружия для Министерства обороны?

- Ни в коем случае! Мы занимались биомузыковедением.

Реакцией на эти слова были озадаченные взгляды и нахмуренные лбы. Стимэн это отметил и продолжил:

- В течение последних лет мы с моими коллегами выпустили несколько пионерских статей, опубликованных в ведущих научных журналах. В этих работах мы изложили результаты своих исследований на тему того, как человеческий мозг обрабатывает и понимает музыку. В исследованиях принимали участие добровольцы, которые слушали музыку, а мы оценивали, как их мозги на нее реагируют.

Бледность одной из женщин не мог скрыть даже густо наложенный макияж. Угадав ее мысли, Стимэн пояснил:

- Нет, мы не отпиливали у людей верхушки черепов и не втыкали им электроды непосредственно в серое вещество. Мы пользовались исключительно неинвазивными методами. По большей части вся эта технология применяется уже в течение многих лет, вроде позитронно-эмиссионной и магнитно-резонансной томографии. Хотя до сих пор эти методы использовались по-другому, в наших исследованиях они тоже помогали определить, какие части мозга активируются в ответ на внешний раздражитель, в нашем случае - музыку. Когда какая-то часть мозга напряженно работает, ей требуется больше крови и кислорода,

равно как и «пищи» в виде глюкозы. Эта часть мозга «высвечивается» при томографии, показывая тем самым, что в данный момент она более загружена работой.

Мы также измеряли связанные с событиями потенциалы мозга, используя электроэнцефалографию и снимая магнитные энцефалограммы, чтобы получить картину электрической и магнитной активности мозга. Все эти техники, а также некоторые новые наши разработки были опробованы на большом количестве добровольцев с совершенно различными музыкальными способностями и подготовкой. Подвергая их воздействию большого количества музыкальных произведений, написанных в совершенно разных стилистиках, мы создали самую совершенную и детализированную из когда-либо существующих карту, показывающую, где и как мозг воспринимает музыку, обрабатывает и реагирует на нее.

Стимэн вздохнул.

- Хотя наша работа относилась к области фундаментальных исследований, мы надеялись, что у нее могут оказаться и практические аспекты. Имеется некоторое пересечение в способах, какими мозг человека понимает и использует как язык, так и музыку. Например, какие-то фрагменты полученных нами знаний можно применять для разработки методов лечения людей с экспрессивной афазией: это заболевание, при котором человек - скажем, после удара - теряет способность находить нужные слова при общении. Возможно, после длительного прослушивания музыки, которая в наших исследованиях зарекомендовала себя как особенно стимулирующая, его мозг сможет мобилизовать неповрежденные участки, предназначенные для обработки музыки, чтобы создать обходные пути для улучшения речевой функции.

Наверняка наши исследования помогли бы композиторам создавать более мощные по воздействию и более совершенные музыкальные произведения. Мы обнаружили определенные последовательности музыкальных звуков - тональности, ритмы и гармонии, - на которые практически все наши добровольцы реагировали одинаково позитивно или негативно, как показывали замеры их мозговой активности. Приятные звуки стимулировали не только аудиальную кору, но и другие части мозга - в лимбической системе и прилежащем ядре, - связанные с эмоциями и ощущением удовольствия. Звуки, которые им не нравились, увеличивали метаболизм и активировали электромагнитные поля в участках церебральной коры, связанных с ощущением боли и печали.

На обветренном лице заместителя министра по науке и технологиям прорезались морщины. Он задумчиво пробормотал:

- Возможность написания музыки, которая сильно воздействует на людей, может иметь и другие сферы практического применения:

например, в рекламе. Некоторые музыкальные фрагменты в телевизионной или радиорекламе, которые я слышал более пятидесяти лет назад, были настолько прилипчивы, что я до сих пор их помню. Музыка, используемая таким образом, могла бы способствовать продаже товаров на миллионы долларов!

Плечи Стимэна поникли:

- Боюсь, кто-то, прочитавший отчеты о наших исследованиях, использовал их гораздо более подлым образом. Эти мерзавцы отнюдь не торгуют, они калечат людей и даже убивают их!

Министр безопасности побарабанил пальцами по столу.

- Я не понимаю, к чему вы клоните. Получается, что музыка, воздействию которой подвергались эти люди, разрушала их мозг?

- Не думаю, что мозг этих людей разрушался или даже повреждался - скорее, он был «пленен». Разумеется, все, о чем я вам говорил, всего лишь предположение. Ни один из пострадавших не в состоянии рассказать, что с ними приключилось. Но, думаю, с учетом известных фактов мое объяснение самое правдоподобное.

Стимэн обвел помещение взглядом.

- Я полагаю, мозги всех этих людей были «инфицированы» самым мощным из когда-либо созданных «ушных червей».

Глаза некоторых из присутствующих расширились - они сообразили, о чем идет речь. Но большинство лишь недоуменно переглядывалось. Одна из дам, несомненно припомнив кадры из второго сезона «Звездного пути», стала допытываться:

- Как это миллионы людей могут заполучить в уши паразита практически одновременно? Эти ваши «ушные черви» настолько малы, что могут плавать в воздухе после того, как кто-нибудь распылит их в помещении?

Нейролог ответил ей:

- Не следует понимать мои слова буквально. Этот термин - перевод на английский немецкого слова «Ohrwurm». Он означает прилипчивый музыкальный фрагмент, скажем, часть песни или песню в целом, обладающий такой навязчивостью, что буквально впечатывается в сознание человека. Такая мелодия может часами - а порой и днями - вертеться в голове, и человек не в силах от нее избавиться. Ничего удивительного в том, что именно музыканты наиболее уязвимы перед «ушным червем». Похоже также, что женщины в этом плане более восприимчивы, чем мужчины. Наши исследования выявили существенную разницу в том, как реагирует на мелодию мозг музыканта и немужыканта. Разница в реакциях мужчин и женщин более тонкая, но она есть. Все это объясняет различную степень уязвимости перед «ушным червем».

Обычный «ушной червь» - всего лишь раздражающая помеха. Пораженная им личность все еще может думать о чем-то другом и

выполнять свои повседневные обязанности, даже когда зациклившийся музыкальный фрагмент постоянно крутится в отвечающей за звуковое восприятие коре и в некоторых других участках головного мозга. Но та музыка, воздействию которой подверглись миллионы людей в нашей стране и других странах мира, это уже, скорее, песня сирен из «Одиссеи». Полагаю, это некая последовательность звука и ритма, которая так сильно резонирует с ритмами самого мозга, что полностью подчиняет его себе. Приведу грубую аналогию: это нечто вроде ноты в голосе певца, от которой лопаются хрустальные бокалы. Только в нашем случае эти вибрации не стекло бьют, а уничтожают человеческий разум.

Заместитель министра по связям с общественностью прошептал:

- И превращают людей в то, что газеты называют «зомби».

Стимэн кивнул:

- Под воздействием этих звуков жертва входит в состояние, пограничное с кататонией. Все ее внимание сосредоточено на звучащей в мозгу музыке. Хуже того, как отмечают наблюдатели, единственное физическое усилие, которое способны предпринимать жертвы, - это воспроизвести смертельную песню любым доступным способом. Одни просто мычат эту мелодию. Другие пробуют петь. Те, у кого под рукой оказываются музыкальные инструменты, пытаются ее наигрывать. Были случаи, когда пораженная личность напевала мелодию через коммуникационную сеть или на концерте и мгновенно заражала своим безумием тысячи других людей!

Именно благодаря сетям смертельная музыка распространяется, как эпидемия. Каждый, кто ее слышит, тут же заражается сам.

Министр национальной безопасности спросил:

- Так кто же, по вашим предположениям, несет ответственность за эту атаку, доктор Стимэн?

- Результаты наших исследований публиковались в научных журналах, которые вам свободно выдадут в любой библиотеке, а также были выложены в интернете. Для создания звукового оружия не требуется особенно изощренной техники. Скорее всего, эта штука не сложнее обычного персонального компьютера и снабжена софтвером для создания музыки на профессиональном уровне.

Одна из дам спросила:

- Получается, эта атака могла быть первоначально инициирована каким-нибудь свихнувшимся подростком-хакером?

- Такое возможно, но все же есть признаки того, что мы имеем дело с хорошо организованной группой, обладающей мощными ресурсами. Думаю, им понадобилось немало сил и времени, чтобы, экспериментируя с людьми, нащупать наиболее эффективную комбинацию звуков. Кроме того, ясно, что «червь» запущен террористами почти одновременно из множества разных источников,

включая такие, доступ к которым требует специальной технической подготовки высокого уровня.

Из секретной информации, с которой мне разрешили познакомиться, вытекает, что сигналы сотен радио- и телевизионных станций, как и кабельного и спутникового телевидения, оказались прерваны этим «ушным суперчервем», или же он каким-то образом был вставлен в звукоряд их программ. Инфицированные музыкальные файлы в формате MP3 и в других распространенных форматах, по всей видимости, были загружены на огромное количество серверов, которые используются в пиринговых сетях и через которые осуществляются другие виды обмена файлами. Подозреваю, что некоторые из них были приаттачены наподобие компьютерных вирусов к легальным файлам, а возможно, они действовали как саморазмножающиеся «черви» в компьютерном смысле, будучи загруженными в чей-нибудь компьютер. Кроме того, следует учесть, что люди в момент атаки слушали самую разную музыку - от классики до кантри, от рока до рэги, от джаза до легкой симфонической музыки. Поэтому можно предположить, что мы имеем дело не с одним-единственным видом «ушного червя», а со многими, которые могут стилистически имитировать различные музыкальные жанры.

Стимэн пожал плечами.

- Ну, а что касается того, какая именно террористическая группировка или даже какое правительство несет за все это ответственность - что ж, ваш департамент обладает большей информацией, чем я, чтобы это определить.

Министр безопасности задумчиво произнес:

- Вы представили вполне убедительное объяснение природы происходящей катастрофы, доктор Стимэн. Хотя мы уже знали, что причина как-то связана со звуками... К счастью для всех нас, несколько спасателей, пытавшихся помочь жертвам, совершенно случайно открыли способ, как самим при этом защититься. Те из атакуемых, кто поддавался воздействию звуков не сразу, успели инстинктивно закрыть уши ладонями. На основании их отчета мы теперь выдаем затычки для ушей - всем известные «беруши» - тем, кто находится вблизи зоны карантина.

Стимэн добавил:

- Я также читал в отчетах, что имеется небольшое количество людей, оказавшихся невосприимчивыми к этой музыке. Известно, что от одного до двух процентов слушателей никогда в жизни не поддавались воздействию нормального «ушного червя». Думаю, какая-то часть из этого малого процента невосприимчива и к воздействию нынешней, более мощной и агрессивной разновидности. Причины такого иммунитета могут лежать в...

Министр перебил его:

- Это мы обсудим позже, доктор Стимэн. Наша насущная задача - предотвратить новые атаки и, если это возможно, вернуть в нормальное состояние тех, кто уже подвергся воздействию. У вас есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

- Да, - ответил Стимэн. - Существуют самые разные меры снижения риска дальнейшего распространения инфекции. Что касается средства для исцеления пораженных... мне нужно официальное разрешение, чтобы к нам в лабораторию доставили определенное - небольшое - количество жертв. Мы протестируем этих пациентов, чтобы определить, какого рода музыка повергла их в состояние кататонии, и постараемся найти способ прервать этот бесконечный цикл, звучащий в их мозгах.

- Возможно, я задам глупый вопрос: но если всякий, кто слышит гипнотическую музыку, становится зомби, то как же вы сами сумеете остаться в безопасности, изучая ее?

- Ну, это простейшая часть задачи, господин министр. Как я уже говорил, пораженных людей как будто что-то вынуждает воспроизводить загадочную музыку всеми доступными средствами. Мы запишем издаваемые ими звуки, используя микрофон, соединенный с компьютером, в свою очередь, снабженный софтвером для обработки музыкальных секвенций. Звуки будут переведены в графическую форму, показывающую, из каких ритмов, гармоний, тональностей и так далее составлена данная мелодия. Чтение отдельных нот и мелких фрагментов музыки представляется вполне безопасным. Только важно позаботиться, чтобы никто из нас не прочел слишком длинный фрагмент всей секвенции.

- Что ж, - заявил министр безопасности, - ваше сообщение, доктор Стимэн, оказалось очень информативным. Мы будем с нетерпением ожидать от вас известий, особенно касательно предложений об ограничении распространения этой эпидемии. Однако и этой информации достаточно, чтобы немедленно донести ее до президента. Я намереваюсь предложить ему присоединиться к нашему совещанию.

Министр нажал кнопку громкой связи, а затем набрал телефонный номер высшей секретности. Из Белого дома ответил агент секретной службы: «Хорошо, оставайтесь на связи, я доложу президенту».

Послышался слабый щелчок, и комнату заполнили звуки довольно безликой эстрадной оркестровой пьески из тех, что постоянным фоном звучат в супермаркетах или лифтах. Пока все ждали, когда наконец зазвучит голос президента, министр спросил:

- Доктор Стимэн, сообразовали бы уточнить, какие превентивные меры вы имели в виду?

Стимэн кивнул.

- Одних «берушей», конечно, недостаточно. Это не только неудобно,

но может оказаться даже и опасно для людей, внезапно лишившихся одного из пяти чувств. Например, не услышанный клаксон автомобиля или звук сирены кареты «скорой помощи» может привести к несчастью. Самым лучшим будет убрать все потенциальные источники музыки, которые могут заразить людей...

Секретарь пытался сосредоточиться на предложениях, выдвигаемых нейрологом, одновременно ожидая, когда же в динамике послышится голос президента. Но и то, и другое усилие провалились в пустоту, а все его внимание переключилось на музыку, льющуюся из стоящего перед ним аппарата. Он вдруг поймал себя на том, что ему нравится этот бодрый мотивчик. Он начал легонько барабанить пальцами по столу, пытаясь повторить чарующий ритм...

Между тем Стимэн продолжал:

- ...источники инфицированной музыки вездесущи, их будет очень трудно обнаружить и «выполоть». Но альтернативы я не вижу...

Он запнулся и, нахмурившись, обвел взглядом людей в комнате. В голове промелькнула мысль: неужто его слова настолько для них безынтересны! Но тут же понял причину возникновения отсутствующего выражения на всех лицах и остекленевших глаз.

Он лихорадочно оглядел помещение в поисках источника опасности, и, наконец, его взгляд остановился на телефонном аппарате перед секретарем. Вот оно! Стимэн одним прыжком подскочил к телефону, вырвал шнур из аппарата и принялся отчаянно колотить телефоном по твердой столешнице.

Но когда он снова оглянулся на находящихся в помещении людей и увидел, что все до одного мычат сквозь плотно сжатые губы одну и ту же гипнотическую песню, - понял, что опоздал.

* * *

Президент Соединенных Штатов был подавлен. Стимэн, получивший приватную аудиенцию в Овальном кабинете, изумился, каким старым и усталым выглядит Первое лицо нации, когда видишь его вживую, а не на экране телевизора. Высокий мужчина, сидящий по другую сторону стола, всегда казался подтянутым и динамичным, и, хотя ему было лет на десять больше стимэновских пяти десятков с хвостиком, на экране он выглядел моложе ученого.

Теперь же, казалось, глубокие морщины избороздили осунувшееся лицо президента.

Стимэн подался вперед в кресле и сказал:

- Господин президент, я не вижу другого выхода. Хотя меры, которые я предлагаю, будет трудно осуществить, к тому же они встретят решительное сопротивление части общества.

Президент сверкнул глазами, его тонкие губы искривились.

- Мы сегодня потеряли множество ценных людей, доктор Стимэн, - отозвался он. - Не только тех, кто был с вами на утреннем совещании - очень многие высокопоставленные работники по всему Вашингтону, включая нескольких моих близких друзей, попали под воздействие инфицированной музыки, проникшей в нашу систему телефонных коммуникаций, и заразились, прежде чем связь была отключена.

- Вот почему так важно действовать быстро, сэр. Все устройства, которые потенциально могут воспроизводить музыку достаточно качественную, чтобы распространять одного из этих «ушных суперчервей», должны быть конфискованы или уничтожены. Всем гражданам страны должно быть выдано категорическое предписание немедленно отключить и демонтировать радиоприемники. Все коммерческие радиостанции, выходят ли они в обычный эфир или же вещают через спутники, должны быть как можно скорее закрыты. На трансиверы коммуникационных систем полиции, пожарных и других общественных служб требуется поставить фильтры, которые бы пропускали самую узкую аудиочастоту, достаточную лишь для того, чтобы разобрать смысл сказанного - не шире полосы от 500 до 1500 герц: это существенно меньше, чем у обычных телефонных аппаратов.

Я надеюсь, что этот частотный диапазон слишком узок для эффективного воспроизведения «ушного суперчервя». Но все же для подстраховки будет разумным обучить как можно большее число людей пользоваться азбукой Морзе. Этот код передается по волнам с постоянной амплитудой и частотой. Получаемый сигнал в приемнике комбинируется с гетеродинным сигналом, чтобы получить звучащий тон с существенно фиксированной частотой. Такой метод связи будет самым безопасным, поскольку с его помощью совершенно невозможно передавать музыку.

Президент слабо улыбнулся.

- По крайней мере, люди смогут оставить себе телевизоры, при условии, что на приемниках будет все время отключен звук. Субтитры и бегущая строка в наше время стали настолько распространенными, что зрители все же не будут полностью отрезаны от информации.

- Да. И я считаю непрактичным остановить работу всех кабельных телефонных служб. Невзирая на то что случилось сегодня, думаю, их отсутствие нанесет большой ущерб - невозможно будет вызвать ни полицию, ни «скорую», ни пожарных, ни передать действительно важные сообщения. Пожалуй, эти соображения перевешивают риск нечаянно нарваться на инфицированную музыку. Кроме того, по обычным телефонным линиям можно совершенно безопасно передавать факсы. И все же людей, у которых есть мобильные телефоны, следует просить, чтобы они пользовались именно ими, но, разумеется, обмениваясь только текстами и изображениями - ничего

такого, чтобы включало голос и музыку. Даже рингтоны могут быть опасны.

А самое главное: нужно всеми средствами доводить до сведения публики, что любая музыка, записанная в цифровом формате, может быть смертельно опасной. Любой портативный музыкальный плеер, любой компьютер, снабженный колонками или наушниками, является потенциальным источником заразы. Ни один музыкальный или видеофайл, содержащий музыку, больше не должен быть доступен для скачивания в Сети. Если старые записи, скорее всего, безопасны, то самые последние коммерческие CD и DVD - не говоря уже о пиратских копиях - уже могут быть заражены «ушными сверхчервями». Короче, любое цифровое устройство, способное издавать звуки в том или ином формате, должно быть либо изъято из оборота, либо, в случае компьютеров или других многофункциональных устройств, они должны быть лишены способности воспроизводить звуковые сигналы.

Стимэн вздохнул.

- И хотя музыканты наиболее уязвимы перед угрозой, подозреваю, что именно их больше всего расстроит то, что нужно еще сделать, кроме вышесказанного...

* * *

Гарольд Джеймс, обитатель маленького кирпичного домика на окраине Атланты, выключил свой телевизор. Каждый день он считывал с экрана все более и более угнетающие новости, поданные субтитрами. В то время как число людей, пораженных тем, что массмедиа называли «звуковой болезнью» или «музыкоманией», снижалось, отголоски катастрофы продолжали волнами прокатываться по всему миру. Госпитали были переполнены жертвами. Целые кварталы и города оказались выведены из строя. Экономические потери, вызванные всеми этими внезапными заболеваниями и утратой людских ресурсов, погрузили страну в новую депрессию.

И даже самые оптимистичные представители правительства не могли с уверенностью сказать, будет ли найдено средство против страшной болезни, а если будет, то когда.

Джеймс откинулся на спинку легкого кресла. Хотя, конечно, он был согласен, что людские потери в этой катастрофе - самое страшное, тем не менее он каждый раз содрогался, когда видел на экране, как конфискуют или уничтожают музыкальные инструменты. Некий бесчувственный журналист окрестил это явление «аутодафе скрипок». Даже детские игрушечные ксилофоны объявили вне закона.

Музыка была главным наслаждением Джеймса на протяжении всех восьмидесяти лет его жизни. А теперь ее не стало. Конечно же, он как

законопослушный гражданин сдал всю свою коллекцию CD и DVD и даже устаревшие аудиокассеты, аудиокатушки и видеоленты, когда недавно сформированная группа бдительных соседей заявила, чтобы их конфисковать. Эти новоявленные дружинники работали с преувеличенным рвением, так что даже забрали все радиоприемники из его дома, хотя в последние дни, когда Джеймс в очередной раз пытался убедиться, что замолчали действительно все AM- и FM-станции, из их динамиков доносилась одна только статика. А еще в гостиной осталось явное пустое место - там, где недавно стояло его старое пианино.

И тем не менее он ухитрился сохранить самую ценную часть своей музыкальной коллекции. Слава богу, этот источник радости находился в безопасности, а ведь его потеря была бы в прямом смысле невозполнимой.

Хотя солнце уже садилось, за окнами было еще светло. Джеймс тщательно задернул плотными шторами главное окно, чтобы никто из соседей не смог за ним наблюдать. Затем прошел к низкому комоду и открыл дверцу. На полке стояли вертушка проигрывателя и небольшой усилитель. Он включил оба устройства, воткнул в усилитель ведущий к наушникам кабель и пробежался взглядом по стопке пластинок, спрятанных в одном из ящиков комода.

Большая часть его коллекции была запрятана в подвале, а здесь он держал свои самые любимые диски. Некоторые были куплены много десятилетий назад на сэкономленные в далеком детстве драгоценные центы и пятицентовики. Самые старые являлись частью коллекции давно усопшего отца. С этими следовало обращаться очень бережно. В течение многих лет он лишь изредка осмеливался их прослушивать. Но сейчас-то наступили тяжелые времена.

Джеймс аккуратно опустил тонарм на внешнюю сторону пластинки на 78 оборотов звукозаписывающей студии «Victor». Игла вошла в звуковую дорожку, а в наушниках зазвучала сочная мелодия «Georgia on My Mind» в исполнении оркестра Ходжи Кармайкла. Джеймс аккуратно протянул длинный провод, соединяющий наушники и усилитель, к любимому креслу. Усевшись, он ожидал момента, когда корнет Бикса Байдербеке перенесет его в более счастливые времена.

Когда запись отзвучала, Джеймс услышал какой-то приглушенный наушниками стук. Он снял их и понял, что звук идет со стороны входной двери. Не успел Джеймс подняться с кресла, как дверь распахнулась и в помещение ворвались два полицейских с пистолетами в руках.

Одни из них произнес:

- Просим прощения, сэр, но один из ваших соседей информировал нас, что вы, возможно, используете запрещенное оборудование. Мы стали присматриваться к вашему дому, а когда увидели, что вы плотно занавешиваете окна шторами, у нас возник повод для осмотра дома.

Похоже, нас верно информировали.

Джеймс слегка оправился от шока и заявил:

- Но эти записи безопасны, офицер! Это ведь не компьютерные жесткие диски и не эти... как их... флэшки, на которые каждый может записать все, что угодно!

Он указал на вращающийся опорный диск проигрывателя.

- Это диски с нарезанными на них дорожками! Они, конечно же, не дают такого чистого звука, как цифровые плееры или CD, но зато имеют одно большое преимущество. Эти старые записи никоим образом не могут быть инфицированы!

Полицейский выглядел лет на 25. Джеймс продолжал убеждать парня:

- Вы хоть знаете, что такое нарезки на виниле или шеллаке?

- Да, я слышал про них. Хотя никогда в жизни не видел. Но мы не имеем права рисковать.

Реакция у молодого человека была гораздо лучше, чем у Джеймса. Одним быстрым движением полицейский сорвал записанный в 1930 году раритетный диск с вертушки проигрывателя и разбил об угол комода вдребезги. Затем, игнорируя протесты 80-летнего домовладельца, сбросил другие драгоценные пластинки на пол и стал крушить их каблуками. Его коллега в это время удерживал вопящего и вырывающегося старика.

Наконец сопровождающийся кошмарных треском и скрежетом разгром был закончен. Перед тем как увести закованного в наручники арестанта, полицейские позволили ему на миг опуститься на колени среди осколков шеллака и винила, чтобы оплакать утрату.

* * *

- Вы можете ему хоть как-то помочь, доктор?

Пожилая женщина из глубины своего кресла с мольбой глядела на Стимэна, стоящего у постели больного. На госпитальной койке под капельницей безвольно возлежал седобородый мужчина и мычал ту же самую гипнотическую мелодию, которую он напевал последние три недели. Временами он поднимал руки на уровень лица, и тогда его пальцы как бы перебирали клапаны невидимой трубы, а затем руки снова бессильно опадали по сторонам туловища.

Здесь, будучи одним из нескольких десятков инфицированных образцов, доставленных в институт для исследования, он именовался «Пациент СС1944». Но, ясное дело, для этой женщины он был чем-то большим. Официально установленные правила гласили: к таким пациентам не должны допускаться визитеры. Но, уступая настойчивым и слезным мольбам этой дамы, доходящим до него посредством писем, телефонных звонков и электронной почты, Стимэн решился

ради нее сделать исключение.

Миссис Рузвельт высморкалась в шелковый платочек.

- Я испортила ему жизнь. Каждый раз, когда он репетировал что-то на своей трубе, я начинала жаловаться или стучала тростью в стену. И я лгала ему, утверждая, что должна ложиться спать ровно в восемь вечера, а он мне мешает. На самом деле я смотрела телевизор до полуночи.

И знаете, почему я так плохо с ним обращалась? Я ревновала! Он проявлял способности, о которых я могла только мечтать. И поэтому я поступала как собака на сене: раз уж я не способна извлекать из инструмента божественные звуки, то пусть и его труба молчит.

Она вздохнула.

- Вы врач. Думаю, вы догадываетесь, почему я так завидовала ему.

- Да. По той же самой причине, по которой вы оказались невосприимчивы к музыке, повергшей его в нынешнее состояние.

Миссис Рузвельт посмотрела на Стимэна одобрительно.

- Я думала, это мой крест. Но мне бы следовало помнить слова покойной матушки: «Всегда есть кто-то, кому еще хуже, чем тебе». Понимаете, моя девичья фамилия Грант. Да, я - дальняя родственница восемнадцатого президента Соединенных Штатов Улисса С.Гранта. Может, вам известно его высказывание: «Я знаю только две мелодии, одна из них - «Янки Дудль», а другой просто не существует». Я в музыкальном плане еще более глухая, чем он. Я даже и «Янки Дудль» не отличу от любой другой мелодии! А с другой стороны, если бы не этот дефект слуха, я сейчас была бы в том же положении, что и бедный мистер Шайдт...

* * *

Поздней ночью Стимэн в полном одиночестве сидел в своем тускло освещенном кабинете. Он раз за разом просматривал распечатанные томографии и результаты других тестов, проводимых с его подопечными. У всех имелся одинаковый, явно различимый рисунок активности мозга. Как будто с ними приключился какой-то никак не заканчивающийся припадок.

И хотя Стимэн и его команда добились значительных успехов в определении природы болезни, отыскать лекарство против нее было совсем другим делом. Назначение мощных противоэпилептических средств, использование психотропных препаратов, вроде селективного ингибитора обратного захвата серотонина, а также электрошоковой терапии результатов не дало. Еще они пробовали надевать пациентам наушники и подвергали их воздействию альтернативных музыкальных тем, чтобы подавить «ушных сверхчервей», кружащих в их мозгах.

Действовали по грубоватой аналогии: известно, что не попадающие в фазу акустические колебания могут создать деструктивную интерференцию и «мертвые зоны» - участки тишины. Но даже это не сработало. То ли лекарства оказались неэффективными, то ли требовались более сильные дозы. Однако испытывать на людях лошадиные дозы препаратов нельзя.

Тут некое воспоминание шевельнулось в памяти Стимэна. То была фраза, которую произнесла одна из жертв того злополучного, трагически закончившегося совещания у министра национальной безопасности. Она прозвучала незадолго до того, как все они подверглись фатальному воздействию вроде бы безобидной фоновой мелодии, заполняющей паузы во время ожидания ответа при телефонных вызовах...

Долгое время Стимэн мысленно обкатывал эту идею, пытаясь понять, является она спасительным канатом или же очередной соломинкой, за которую хватается утопающий. Обдумывая, как воплотить ее в жизнь, он невольно ухмыльнулся, сообразив, что метод несет в себе привкус черного юмора. Но если идея сработает, то людям будет наплевать, что спасительное средство само несет в себе элемент безумия...

* * *

- Ну, и как мы сегодня?

Шайдт отставил в сторону поднос с завтраком и вымучил на лице улыбку.

- Я все еще никак не могу привыкнуть к тому факту, что потерял почти месяц жизни.

Сидящий у постели больного Стимэн сочувственно кивнул.

- Но средство сработало. Мы не сомневаемся, что вы полностью выздоровеете.

- Я благодарен вам, доктор, за все, что вы для меня сделали. Но вот если бы еще справились с побочными эффектами...

- Мы надеемся, что они постепенно сойдут на нет. Было просто необходимо подвергнуть вас самому сильному «лекарству» из всех, которые мы только смогли отыскать. Вчера мы обсуждали эти вопросы и пришли к выводу, что избавиться от обычного «ушного червя» можно лишь, прослушав другую, не менее прилипчивую и навязчивую мелодию. Риск, разумеется, заключается в том, что новая мелодия просто-напросто заменит старую и сама превратится в «червя».

Однако каждый из этих «ушных суперчервей» настолько прилипчив, что от него невозможно избавиться, просто давая вам и другим пострадавшим слушать какое-то отдельное музыкальное произведение. Так что нам не только пришлось раз за разом

прокручивать большое количество разных мелодий, но еще и использовать самые навязчивые из всех, которые мы смогли отыскать. А для этого лучше всего подошли назойливые рекламные песенки времен «золотого века музыкального мусора» 50-х, 60-х и 70-х годов прошлого века.

Ученый продолжал говорить, но внимание Шайдта опять переключилось на сражение, происходящее в его собственном мозгу. Он вновь пытался изгнать безвкусные, бессмысленные и бессодержательные куплеты, заполонившие его сознание, путем концентрации на действительно великих музыкальных произведениях. Он мысленно проигрывал хор из генделевской «Аллилуйи»... чарующие арпеджио прелюдии до мажор Баха из Первой Книжечки «Пьес для хорошо темперированного клавира»... поразительное анданте из симфонии № 94 Гайдна... фанфароподобные вступительные такты «Маленькой ночной серенады» Моцарта... и потрясающую музыку Бетховена на слова Шиллера «Ода к радости».

Но даже эти шедевры не способны были изгнать терзающие его душу пустые мелодии. В голове Шайдта раз за разом всплывали «терапевтические» рекламные песенки и вызывали соответствующие картинки - например, плюхающаяся в стакан воды белая таблетка от изжоги. А еще всплывали тексты вроде нелепого описания восхитительного вкуса какого-то там сорта сигарет или навязчивые заверения в том, что если наносить на лысину чудо-крем, то вскоре юные, но половозрелые красотки будут ласково трепать пальчиками выросшую на этом месте густую шевелюру.

Эти рекламные шедевры конкурировали с музыкальными темами из древних телевизионных шоу. Мозг Шайдта трещал от того, что приходилось раз за разом выслушивать трогательную историю о похождениях отважных жертв кораблекрушения на необитаемом, не нанесенном на карты острове... повествование о большой смешанной семье с шестью братиками и сестричками, сладкими как ангелочки... дружеское приглашение пообщаться с говорящей - и очень болтливой - лошадью... исполняемую под аккомпанемент банджо балладу о нескольких упорных героических картежных шулерах с доброго старого Дикого Запада.

Но хуже всего были песенки, чья былая популярность являлась оскорблением для любого, кто обладает элементарным музыкальным вкусом. Медоточивые страдания по поводу утраты возлюбленной, унесенной ангелами... ритмизированный запрос по поводу того, какая мразь спустила с цепи собачью свору... тихие завывания юной леди, воспевающей персонажа мужского пола, осветившего ее доселе тусклое существование... и прочее в том же духе. Временами все это сплеталось в клубок, производя раскалывающую мозг какофонию, по сравнению с которой самые диссонансные работы Шёнберга, Бартока

и Пендерецкого, даже исполняемые одновременно, слушались бы как песенка «Pop Goes the Weasel»^{*10} в исполнении наивного первоклассника.

И пока этот гимн глобальной гармонии в исполнении шепелявых и гундосящих мультикультурных марионеток, сбежавших из какого-нибудь развлекательного парка Западного побережья, звучал и громыхал под сводами его черепа, Шайдт размышлял, а не является ли такое лекарство худшим, чем сама болезнь.

* * *

- А через секунду я вручу микрофон настоящему герою Америки!

Помещение, отведенное под важную пресс-конференцию, было набито репортерами и телекамерами. Почти у каждого оказались в ушах недавно запущенные в массовое производство электронные затычки, отфильтровывающие акустические колебания и пропускающие внутрь частоты диапазона, позволяющего правильно понять человеческую речь, и не более того. Во время своего выступления президент вновь демонстрировал публике былую бодрость и энергию, чем усиливал заряд позитива, заложенный в сообщаемых новостях. Все большее количество жертв восстанавливалось после применения «процедуры Стимэна». Контрмеры против новых случаев заражения оказались столь эффективны, что в последнее время замечались лишь отдельные, быстро локализуемые вспышки.

Первое лицо страны продолжило:

- Хотя преступники, совершившие это подлое и трусливое нападение, все еще не известны, нас вдохновляет тот факт, что их гнусные замыслы сорваны. Государственные служащие и обыкновенные граждане, которые достойно встретили этот кризис и сделали все возможное для его преодоления, заслуживают всяческой похвалы и всенародной благодарности. Они все показали врагам свободы, насколько жизнеспособны и негибаемы мы, американцы.

Стимэн поглядывал на громадные телевизионные мониторы, во множестве закрепленные на стенах помещения, видел на них самого себя рядом с президентом и размышлял об иронии судьбы. Правительство решило представить его широкой публике как спасителя нации - игнорируя роль, которую его исследования невольно сыграли в порождении самого несчастья.

Президент завершил свою речь:

¹⁰ * *Pop Goes the Weasel* - «Вот идет ласка» - название деревенского танца.

- Но, невзирая на собственный недуг, доктор Стимэн упорно продолжал свои попытки, пока лекарство не было найдено. Теперь я предоставляю ему слово, чтобы он мог информировать вас о последних достижениях в деле борьбы с эпидемией.

Стимэн наблюдал, как множество пар ладоней аплодируют ему, когда он занимал место президента на трибуне. Многочисленные телевизионные экраны показали, как он нервно поправляет галстук. Перелистывая бумажки с информацией по теме выступления, невролог на миг задумался над тем, что привело его и всю нацию к этому мгновению.

Природа сыграла с ним злую шутку, разрушив его карьеру концертирующего пианиста, когда он оглох - примерно в том же возрасте, что и его музыкальный идол Бетховен. Но Стимэн приспособился - научился читать по губам, так что сторонний наблюдатель и не заметил бы его глухоты. И его личное несчастье послужило хорошим стимулом, чтобы углубиться в изучение того, каким образом мозг воспринимает и обрабатывает музыку. Это являлось своего рода сублимацией и компенсацией невозможности когда-нибудь вновь услышать хоть какую-нибудь мелодию.

Стимэн начал говорить, но тут же его внимание привлекло внезапное изменение изображений на телевизионных мониторах. Экраны вдруг замерцали, и на них возникли совсем другие картинки.

Эти мельтешащие изображения обладали какой-то магической притягательной силой и все больше и больше захватывали его внимание. Все же уголком глаза Стимэн увидел, что президент стоит, раскрыв рот, будто самый последний деревенский олух из фермерских штатов. Из уголка рта лидера нации стекала струйка слюны, а он, как и все остальные в помещении, тупо пялился на гипнотические картинки, заполняющие телевизионные экраны. Подобно окаменевшим жертвам ослепительной улыбки Медузы Горгоны все они беспомощно впитывали калейдоскопический вихрь пестрых галлюциногенных образов, которые отныне постоянно и бесконечно будут циркулировать в их мозгах.

И во множестве других мест по всей стране и по всему миру почти каждый, кто включил телевизор, чтобы посмотреть в прямом эфире историческую пресс-конференцию, тут же подпадал под это заклятие, и его глаза уже не отрывались от смертельной трансляции, заменившей ту, что была объявлена в программе. Те счастливики, которым повезло заниматься чем-то другим и не глядеть телевизор во время первого удара этой самой последней волны террористической нападения, очень скоро выучили новый термин, которым описали это оружие, мгновенно и одновременно парализовавшее миллионы менее удачливых сограждан.

Выжившие специалисты в области распознавания образов,

изучающие, как мозг воспринимает и обрабатывает визуальные сигналы, окрестили его «глазным червем».

За миг до того как поток сюрреалистических образов с экрана, льющийся в мозг, уничтожил его здравый рассудок, заставив погрузиться в вечный кошмар сменяющихся гротескных форм и цветов, Стимэн успел проклясть Природу за ту последнюю злую шутку, которую она с ним сыграла. Он с кристальной ясностью понимал, что эти убийственно безумные картинки действуют на него гораздо сильнее, чем на любого другого человека в переполненном зале. Точно так же, как немусыканты были менее подвержены действию «ушных червей», чем специалисты, обладающие соответствующими талантами и подготовкой, люди с дефектами зрения не так быстро и не так сильно поддавались чарам «глазных червей». Большая часть его товарищей по несчастью в этом зале все же воспринимали парализующие изображения в несколько ослабленном и искаженном виде благодаря очкам либо контактными линзам или же потому, что обладали средненьким, ничем не примечательным визуальным восприятием.

А природа, хотя и безжалостно лишила Стимэна слуха, одарила его превосходным зрением, так что на приеме у окулиста он ясно различал все знаки в таблице, вплоть до самых мелких.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© H.G.Stratmann. The Day the Music Died. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

ДЖЕЙСОН СЭНФОРД

МИППИСЕНТ ИГРАЕТ В РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Таким будущее быть не должно. И все же - вот оно. А это - Миллисент Ка, рожденная любящими отцом и матерью в неофеодальном музыкальном владении, где их побитый цементной пылью дом так чудесно гармонирует с растрескавшимися асфальтовыми равнинами лос-анжелесской страны грез и замками богатеньких придурков в Тихих Палисадах*¹¹.

Первое, что слышит Милли при выходе из материнского лона, - это музыка. Ее папа, музыкальный вассал, грезящий о карьере странствующего музыканта, играет на саксофоне, пока Милли заходится в своем первом крике. Ее мама, денно и нощно без всякого желания певшая госпел с самого его возрождения, шепотом просит мужа перестать валять дурака. Но он лишь улыбается да продолжает играть, в то время как акушерка вводит в сморщенное тельце Милли искусственные хромосомы. Придя к выводу, что роженице без небольшой помощи со стороны вытерпеть выходки ее муженька будет сложно, она нашлепывает несчастной женщине болеутоляющий пластырь.

¹¹ * *Тихие Палисады* - привилегированный район Лос-Анджелеса, застроенный особняками. (Здесь и далее прим. перев.)

Когда же Милли впервые берет материнскую грудь, ее мама уже светится счастьем - может, из-за музыки, хотя скорее всего благодаря медицинскому средству.

- Какой же ты идиот, - шепчет она мужу, - но, черт, такой милый.

Отец Милли смеется и распахивает окно жаркому ветру. Пока Милли довольно сосет, ее папаша импровизирует на тему «С мечтой о Калифорнии»^{**12}, а жена его своим незабываемым меццо-сопрано мурлычет слова этой древней народной песни. Иногда мечты - это все, что осталось у людей.

* * *

На следующий день в ознаменование рождения Милли жена его светлости - великолепная и поразительная леди Аманза Коллинз - жалует бесплатное выступление. Указ ее прост: его светлость, правитель самого крупного в мире музыкального владения, отказывается на один час от всех прав на выступления своих вассалов. Они могут играть все, что хотят. Долг по желанию.

Вассалы потрясены. Да кто такая эта Миллисент Ка, вызвавшая столь беспрецедентную щедрость их сеньора? Однако музыканты не настолько глупы, чтобы подвергать сомнению официальное постановление, и быстренько подметают пыльный концертный зал да принимаются вовсю праздновать. Пианисты, гитаристы, барабанщики, флейтисты, саксофонисты и тенора - все играют только для самих себя.

Скачивания взрывают чарты. Критики заходятся в восхвалениях потрясающе радостной музыки. Показатели просмотров в реальном времени выше всякого понимания. И даже если несколько вассалов ворчат, когда выступления идут дольше положенного - принося его светлости кругленькую сумму в обменном долге, - то все эти пораженцы просто не достаиваются внимания.

Однако родители Милли в эту радостную ночь участия в празднестве не принимают. Вместо этого они лежат поперек двуспальной кровати и обсуждают будущее девочки.

- Может, нам уехать отсюда? - говорит мама Милли, все еще изможденная после родов. - Музыкальная сцена Нью-Йорка еще не совсем погибла, хотя тоже превратилась в разменную монету.

- Но многие музыканты там голодают, - возражает папа Милли, баюкая дочь на своих изящных руках. - А здесь у нас есть пища и кров, старые друзья. И его светлость так любит музыку.

¹² ** «С мечтой о Калифорнии» - песня группы «The Mamas & the Papas», 1965.

- Да уж, милейший человек. Только и заставляет меня петь этот чертов госпел. Что если он и с Милли так поступит?

Папа Милли вздыхает. Уж ему-то не знать, как его жена ненавидит этот старинный жанр. Но он хорошо помнит страшные сказки о мире старых денег, которые ему в детстве в Китае рассказывала бабушка. Кто-то мог заработать столько, чтобы купить само небо, в то время как сотням остальных не хватало на пропитание. По крайней мере, здесь есть работа для всех и каждого, кому она только нужна. Его друзья из тех немногих мест, где все еще поклоняются бесперспективной наличности, постоянно умоляют его помочь стать им вассалами сеньоров временного долга.

- Может, для Милли это и не лучшее, - изрекает он, - но определенно не худшее.

Мама Милли чертыхается, но не спорит с его заключением. Утром - тут уж ничего не поделаешь - дочь нужно представить его светлости.

* * *

Место действия - музыкальное владение, вершина Тихих Палисадов по бульвару Сансет. Родители Милли бредут через замок его светлости, оставляя за собой вульгарную эклектику из мрамора, бархатных портьер и шкур генетически модифицированных медведей, пока не оказываются в Тональном зале, где восседают его светлость и леди, окруженные египетской иллюзией - о подобной роскоши фараоны, пожалуй, только мечтали.

Родители Милли кланяются инкрустированным золотом сеньору и леди. Его светлость удаляет фараоновскую иллюзию, и взору открывается по-юношески стройное тело в итальянском костюме-тройке. Аватар взмывает над родителями Милли, и оттуда имитация сканирует их генетический долг.

- У вас задолженность по выступлениям, - провозглашает его светлость.

- Осложнения, - отвечает мама Милли, - с моей беременностью. Я слишком много пела госпел, а поэтому меня тошнило.

Его светлость исторгает стон, словно он слышал подобные оправдания неоднократно.

- Мы заключили соглашение. Может, вам не нравится быть моими вассалами? - Со взмахом его руки в воздухе появляются новые цифры задолженностей.

Но прежде чем его светлость продолжает, раздаётся смех леди Аманзы Коллинз: она рассекает проекции точеной рукой. Числа низвергаются по ее безупречным светлым волосам на пол, осыпаясь в драматичных показателях финансовой легкомысленности.

- Не надо этого, - заявляет она мужу. - Мы здесь для того, чтобы праздновать рождение Милли, а не осуждать.

Мама и папа Милли нервно переглядываются: особый интерес сеньора или леди к вассалу редко приводит к добру. И даже хуже: тогда как большинство сеньоров предпочитают лишь купаться во временном долге своих вассалов, эти двое совершенно иные. Вечно устремлены в заоблачные выси. Его светлость финансировал предварительное исследование долга, а леди и вовсе признанная специалистка в области генетики, способствовавшая созданию искусственных хромосом, в которых помимо личного генетического материала зашифрованы целые архивы информации. Многие мечтают об изменении мира. А вот его светлость и леди как раз среди тех немногих избранных, для кого это - явь.

Когда родители Милли стали вассалами его светлости, они даже и помыслить не могли, чтобы служить кому-либо другому. Но потом до них дошли тревожные слухи. О секретных экспериментах. О загадочных смертях младенцев. И вот безукоризненные генетически модифицированные глаза леди Аманзы Коллинз устремляются на Милли, а родители жалеют, что не сбежали, пока была возможность.

- Не знаем, как и благодарить вас за интерес, проявленный к нашей дочери, - произносит мама Милли, выдавая ложь с отточенной джазом плавностью.

- В этом нет необходимости, - заверяет леди Коллинз. - Вашей дочери уготованы великие свершения.

Это привлекает внимание его светлости.

- Ты полагаешь, ребенок может стать виртуозом?

- Миллисент Ка удивит даже тебя, - объявляет леди. - Спорим? Скажем, на двадцатилетний долг?

Его светлость разражается смехом, когда поспешно появляется их бухгалтер с портативным сканером и кодирует пари в их гены. Дабы выразить свое довольство, его светлость издает декрет, согласно которому Милли, чтобы стать его вассалом, придется заложить всего лишь десять лет своей жизни вместо обычных пятнадцати.

Ее родители с благодарностью кланяются, когда он взмахом руки дает понять об окончании аудиенции. Подходит бухгалтер и вживляет в правую ручку Милли крошечный транспондер: девочка заходит в реве, пока сканер загружает в информационную гранулу запись о долге, а также сигналы, подтверждающие, что она является будущим вассалом его светлости.

- Помните, - шепчет бухгалтер, - если транспондер не удалить за месяц до ее восемнадцатилетия и если накопившаяся задолженность не будет выжжена в генах девочки, она потеряет руку.

Родители Милли понимающе кивают. Они снова кланяются и шагают назад по мраморным полам, признательные, что им позволили уйти с

долгом не выше того, с каким они вошли.

А Милли? Милли рыдает - ее ручке больно, а какая же младенческая боль не значит больше всей той глупости, которой наполнено поместье любого сеньора или леди?

* * *

Что такое долг? Как он превращается в чью-то собственность, которая, в свою очередь, превращается в то, что неизвестно какие люди на другом конце света взимают в качестве оплаты, пока вы крепко спите в кровати, и вашей-то не являющейся?

Попросите какого-нибудь экономиста объяснить, как вращается Земля, и упомянутый умник наврет вам с три короба о неделимости мира. Что это крупная сеть доходов, платежей и просачивания благ по цепи сверху вниз¹³. Забудьте этот детский лепет. Забудьте про деньги. И про золото с бриллиантами тоже. Единственный достоверный платеж - это количество дней, отведенных нам на земле.

А если бы мы могли торговать этим временем? Если бы единственной ценностью стали минуты, которые однажды мы могли бы прожить? Если бы каждое зернышко риса или каждый глоток воды брался в долг будущих мгновений вашей жизни?

Миллионы лет наши гены создавали жизни, которые нам суждено проживать. А теперь мы на скорую руку подправляем и переписываем эти гены по своему усмотрению. Так почему бы тогда не вписывать в них набегающий долг в выражении нашего будущего?

Может, будущее не такое. А может, и такое. Но в любом случае подобное будущее достается Миллисент Ка,

* * *

Растет Милли, как и все остальные дети, в музыкальном владении. Она обучается игре на альте, пожалованном леди (всего-то десять секунд долга в день, аккуратно занесенные в информационный транспондер, вживленный в ее правую ладонь), учится читать в благотворительной школе (несколько минут долга за день обучения), играет в баскетбол на площадке (пять секунд долга за игру), загорает на пляже, делая свою прекрасную и без того смуглую кожу еще темнее (тридцать секунд долга за дневное купание), и еще любит своих маму и

¹³ * Теория «просачивания благ сверху вниз» - утверждение, что выгоды монополий совпадают с выгодами мелких предпринимателей и потребителей.

папу, что, конечно же, пока совершенно бесплатно.

Родители обучают ее премудростям долга. Как в течение жизни следить за счетом, чтобы стать свободной в зрелом возрасте. А потом вдруг пытаются втолковать ей, что ничего бесплатного в жизни не бывает. На подобное противоречие она качает головой.

- Я буду поступать по-другому, - заявляет она. - Я найду свой путь.

Ее мама и папа счастливо кивают, вспоминая, что и они когда-то были такими же молодыми и наивными.

Когда Милли исполняется одиннадцать, в дом по соседству въезжает семья певца-кастрата - его светлость выменял их на долги восьми музыкальных семей, в том числе и литавриста, что жил через улицу. Когда папа Милли обнаруживает, что громогласный барабанщик больше не их сосед, он падает на колени и вопиет:

- Да славится его светлость!

Милли и дела нет до его мелодрамы.

- Кто такой кастрат? - спрашивает она, наблюдая за въездом семьи. Ее любопытство объясняется отсутствием у них инструментов.

Папа заливается краской и бормочет что-то о концерте: ему необходимо подготовиться. А мама смеется и заключает мужа в широкие объятия.

- Кастрат - это мужчина, голос которого похож на сопрано, меццо-сопрано или даже контральто, - объясняет она. - И такой голос получается после отрезания некоей части мужской анатомии, - и она подкрепляет свои слова жестом, изображающим ножницы, из-за чего румянец папы Милли сгущается еще больше.

- Это ужасно, - автоматически произносит Милли, с возросшим интересом наблюдая за новоприбывшими. У них сын ее возраста, который без движения сидит на велорикше. Он очень бледен и выглядит больным.

- Долговые условия у кастратов очень хорошие, - как ни в чем не бывало объясняет папа Милли. - Но если на это соглашаться, то обязательно до наступления половой зрелости. И все-таки подобное решение - слишком тяжелое бремя для ребенка.

Милли высовывается из окна, чтобы получше разглядеть, как отец мальчика осторожно поднимает сына из велотакси. Он тщательно следит, чтобы не стеснить паренька, словно у него болит в том месте, будь которое указано, папа Милли покраснел бы еще гуще.

* * *

Мальчика зовут Алесса. Милли не может играть с ним еще месяц, поскольку он до сих пор восстанавливается. Именно это слово родители Милли и употребляют - восстановление. Однако Милли уже

околачивается подле его окна и разговаривает с ним, а когда в школе начинаются занятия, но Алесса посещать их все еще не в состоянии, она притаскивает ему хороший ручной считыватель и загружает его задания.

У отца Алессы мелодичный и певучий голос, и Милли вынуждена признать: звучит он приятно. Жутковато, но приятно. Она умирает от желания спросить Алессу об операции, но мама напоминает ей, что совать нос в чужие дела нехорошо.

Однажды Милли возвращается из школы и обнаруживает, что Алесса уже не сидит у окна в своей спальне.

- Ему уже много лучше, - поет его отец, разогреваясь перед транслируемым выступлением в замке его светлости. - Он пошел на игровую площадку.

Милли поднимает голову на пыльный холм в зарослях полыни и смотрит на площадку вдаль. Никто из ее друзей туда не ходит. Они достаточно осторожны. Она благодарит отца Алессы и бросается к заброшенному дому, где выкручивает из запыленного цемента ржавый арматурный прут.

Она обнаруживает здесь Алессу сидящим на керамических качелях и окруженным тремя халявщиками. Они со смехом толкают его, словно игрушку, взад и вперед. Милли в страхе медлит. Всем этим халявщикам уже за восемнадцать, и они слишком уж высокие и тяжелые. Зато у каждого только по одной здоровой руке, а правая заканчивается круглой культей, потому что они отказались признать долг, который накопили за свои короткие жизни.

Однако перевес все же не в пользу Милли. Она молит, чтобы халявщики приняли Алессу за своего. Ведь он тоже лишился кое-чего... если не большего.

Но вместо этого один из халявщиков - Цзин-Цзин, никудышный сынок местного джазового барабанщика - сталкивает Алессу с качелей и стягивает с него штаны.

- Так, посмотрим, что у нас там, - заходится Цзин-Цзин.

Для Милли это уже слишком. Она перекладывает прут в другую руку, подбирает с пыли и песка кусок цемента и прицеливается. Цзин-Цзин потрясенно отворачивается от увиденного, и тут она швыряет кусок ему в лицо. Корчась от боли, халявщик валится в пыль, а его дружки шарахаются от Милли, неистово размахивающей прутом.

- Взять ее! - вопит Цзин-Цзин, держась целой рукой за правый глаз.

Милли снова замахивается прутом.

- А ну-ка! - кричит она. - Ржавчина и столбняк! Как расплатитесь с врачом, чтобы он вас вылечил?

Халявщики переглядываются. Поскольку транспондер лишил их правой руки, и они так и не активировали искусственные хромосомы в своих телах, жить в долг они не могут, а врачи не возьмут

выменного, украденного или выпрошенного - ведь именно так теперь они и перебиваются. Лицо Цзин-Цзина истекает кровью, а неповрежденный глаз наливается яростью. Он напал бы, если б мог, но с одной рукой, которой прикрывает подбитый глаз, сделать ничего не может. Парень разворачивается и уходит прочь. Остальные халявщики следуют за ним.

Милли хватается за качели и без сил валится на керамическое сиденье. Алесса улыбается ей с песка.

- У тебя невероятно скверное чувство регулирования долга, - заявляет он. - Они могли поколотить тебя. Или того хуже.

- Эй, я спасла твою задницу!

- Ох, да я не жалею. - Алесса поднимается и, морщась от боли, садится на качели рядом с Милли.

- Там и вправду должно еще болеть? - спрашивает она.

- Еще немного, и заживет.

- Но это ужасно!

- Вообще нет, - отвечает Алесса и берет Милли за правую руку. Он трет транспондер, вживленный в ее ладонь, и по пальцам Милли пробегает дрожь. - Сколько ты должна его светлости?

- Шестнадцать лет, девять месяцев и пятнадцать дней.

- И когда тебе исполнится восемнадцать, все это будет закодировано в твои гены. И большую часть жизни ты будешь выплачивать ему долг - или же станешь халявщицей и потеряешь руку. А вот мне его светлость покрыл стоимость операции и почти все остальное: школу, питание, уроки пения. Мне надо прослужить его вассалом лишь несколько лет. А если понравлюсь публике, то еще меньше. И если я когда-нибудь захочу детей, то поступлю, как папа, - возьму в долг у врача-генетика.

Милли признает, что звучит это весьма неплохо. Лучше, чем любой из вариантов, на которые ей и остается надеяться в жизни.

* * *

Раз уж это будущее, то с течением времени кое-что да проходит. Милли упражняется на альте денно и нощно. Однако все кругом уже поняли: музыкальный дух родителей ей не передался. Она - техник. Да, она может играть на инструменте - но он не поет. Просто не дано ей выражать свои чувства посредством струн.

Когда ей исполняется пятнадцать, она играет в Тональном зале перед его светлостью, который смотрит на нее, словно на неудачное вложение.

Загорелую и нестареющую леди Аманзу Коллинз, впрочем, это совершенно не беспокоит. Она вышагивает вокруг Милли, изучая ее игру на альте под всевозможными углами.

- Великие свершения, - шепчет она. - Я ожидаю великих свершений.
- Но, любовь моя, - хнычет его светлость, - где же тот виртуоз, о котором мы спорили?

- Черта еще не подведена, - отрезает леди, и по ее невозмутимому лицу пробегает хитроватая улыбка. - И я, кстати, не спорила на виртуоза. Я утверждала, что она свершит великое.

Его светлость вздыхает и машет рукой, отпуская Милли. Милли делает реверанс, и тогда леди говорит ей:

- Однажды ты очень удивишь его светлость, юная Миллисент Ка.

Несмотря на поддержку леди, Милли уже знает правду. Она бредет по полу из искусственного мрамора к местам для гостей, где родители заключают ее в объятия. Пускай ей хочется бежать в слезах прочь из замка, она дожидается выступления Алессы. Ее лучший друг отвешивает поклон его светлости и поет самую восхитительную песню, какую она когда-либо слышала. Милли бросает взгляд на свой устаревший считыватель. Согласно чартам, выступление Алессы в реальном времени слушают семь миллионов человек - и все меняют секунды своей жизни, лишь бы ощутить радость от безупречного голоса Алессы. Темные глаза Милли наполняются слезами.

- Не переживай, - шепчет ее папа. - Ты ведь можешь работать учителем музыки. На педагогов всегда есть спрос.

Милли согласно кивает, хотя учитель никогда не заработает столько, чтобы освободиться от долга.

Когда выступление Алессы закончено и вассалам позволено уйти, Милли бредет в идеально ухоженный сад замка. Вассалы, возделывающие землю, улыбаются ей, признавая своей, - ведь у них общая служба. Но Милли не обращает на них внимания и в ярости топает по пыли. Несмотря на все альтернативы будущего, с тем же успехом она могла бы стать и рабыней.

Милли садится на скамью из резного камня подле пузырящегося фонтана. Перед ней плещется и волнуется океан. Слева в жарком воздухе дрожат пыльные фонари Лос-Анджелеса. Раскинувшаяся перед ней красота не может заслонить мыслей о стоимости окружающего. Два месяца чьей-то жизни, чтобы вырезать замысловатую каменную скамью. Три месяца - построить фонтан. И весь долг людей с Калифорнийского побережья - долг, омывающий мир, за счет которого только и живут глупые владыки этой земли.

За спиной Милли раздается хруст гравия. Подходит Алесса, садится рядом и берет ее за руку.

- Дай-ка угадаю, - говорит он. - Высчитываешь, сколько стоит этот сад?

Милли усмехается:

- Я такая предсказуемая?

- Только когда рассержена, что последнее время с тобой случается

часто...

- Но это несправедливо. Я должна его светлости с самого рождения, а музыка, которую я исполняю, гроша ломаного не стоит. Мне никогда не освободиться.

Алесса крепко обнимает Милли.

- Как жаль, что у меня нет слов, чтобы тебя утешить.

- Я рада, - отвечает она и целует Алессу. Они долго обнимаются, целуясь, ласкаясь и снова целуясь, пока вдруг не слышат чьи-то шаги позади. Они оборачиваются и видят леди Аманзу Коллинз, наблюдающую за ними сверху, с ухоженной дорожки. Леди хлопает в ладоши, словно слышит где-то вдалеке музыку. Затем делает пируэт и идет назад к замку, оставляя Милли и Алессу в полном замешательстве.

* * *

Восемнадцатилетие Милли и Алессы наступает с разницей всего лишь в неделю, так что долговая церемония у них совместная. Его светлость и леди Аманза Коллинз благословляют их, не забывая напомнить: теперь, с удалением транспондеров и выжиганием накопленного долга в активированных искусственных хромосомах, они делают свой первый шаг во взрослую жизнь. По завершении сей процедуры Милли и Алесса преклоняют колени перед его светлостью и приносят присягу на верность.

Хотя они и остаются жить у своих родителей, не желая увеличивать задолженность еще и за собственное жилье, бремя на Милли и Алессу ложится уже взрослое. Алесса поет для его светлости, творя бесподобные песни и вокальные партии, приводящие в трепет весь мир. Милли работает в школе поместья, обучая юных вассалов премудростям музыкальной службы. Пускай она и не любит эту работу, но получает все же достаточно, чтобы выплачивать долг - одну мучительно длинную секунду за другой.

Через шесть месяцев своей новой жизни Милли падает на баскетбольной площадке - дело заканчивается переломом руки. У ее друзей перехватывает дыхание: теперь их лучший игрок не примет участия в завтрашнем соревновании за звание чемпиона; к тому же для лечения перелома необходим поистине заоблачный заем.

- Ничего себе, - фальцетом потрясенно выдавливает из себя Алесса. - Считай, два года жизни.

- Заткнись, - огрызается Милли, сжимая руку и со злостью сдерживая слезы.

Хоть Милли и не упирается, Алесса тащит ее к врачу. В кабинете цементной коробки лечебницы докторина, выплачивающая свой долг

за медицинское обучение восстановлением здоровья вассалов, только качает головой:

- Перелом скверный. Вылечить его я берусь, но ты отдашь за это кучу времени. Позвать твоих родителей, чтобы обсудить условия?

На этот раз, морщась от боли, качает головой Милли. Она вспоминает тот последний случай, когда ей было больно. Цзин-Цзин, теперь еще и одноглазый, подкараулил ее за школой. Он в кровь разбил ей кулаком лицо, прежде чем прибежали Алесса и ее друзья. Хоть Милли и отделалась тончайшей трещиной в челюсти, медицинский долг все же отнял у нее несколько месяцев жизни.

Чтобы помочь ей, ее папа выжег этот долг в своих генах. Пустяки, что он сутками не спал из-за виртуального концерта, который аватар его светлости проводил с каким-то японским самураем.

- У меня есть несколько свободных лет, - прошептал он Милли. - Если повезет, я проживу больше, чем мне отведено.

От боли Милли стискивает зубы. Она знает: родители мечтают минимизировать ее долг. Чтобы дочь имела хоть какую-то свободу выбора, где и как жить. Но она уже взрослая. И это ее жизнь.

- Нет, - отвечает она врачу. - Платить буду я.

Врач сканирует тело Милли платежным разрядом. И в следующий миг Милли видит: ее полный долг подскочил почти до тридцати лет.

Перед ней настоящий профессионал, и Милли совсем не чувствует боли в руке, когда врачаха берет анализ крови для выращивания новой кости. Алесса сжимает здоровую руку Милли и предлагает помочь с долгом.

- Людям нравится, как я пою. Его светлость мог бы позволить мне выжечь часть твоего долга.

Милли в знак благодарности целует Алессу в щеку, но отвечает, что за все заплатит сама.

* * *

Через неделю здоровье Милли уже позволяет ей играть на альте. Хотя она не хочет увеличивать долг, Алесса все же убеждает ее сходить к врачу на последний осмотр. Докторша проверяет ее руку и бормочет, что все хорошо. А потом помещает ладонь Милли над сканером долгов. Врач потрясена.

- Твой долг исчез, - объявляет медик.

- В смысле?

- В твоих искусственных хромосомах нет никаких записей.

Милли вглядывается в экран сканера. И точно, искусственные хромосомы показывают, что она ничего никому не должна. Врач нервно возится со своими устройствами.

- Как это произошло? - спрашивает Милли.

- Я не вполне уверена, - отвечает докторша, пока в воздухе вокруг них течет поток информации, - но, кажется, в твоём теле таится неизвестный бактериальный вирус. Наверное, он-то и переписал генетическую последовательность долга.

Алесса хватается Милли за руку.

- Я кое-что слышал об этом, - шепчет он. - Когда сеньоры временного долга создавали искусственные хромосомы, один из специалистов по генетике придумал вирус, стирающий хранящуюся информацию. Эдакий предохранитель, на случай, если хромосомы будут использоваться со злыми намерениями.

Милли смеется. Она тоже слышала об этом. Городские байки. Но затем девушка вспоминает, что леди Аманза Коллинз некогда была специалистом по генетике и что она всегда проявляла необъяснимый интерес к жизни Милли.

Судя по испуганным лицам Алессы и врача, они пришли к тому же заключению.

- Убирайтесь отсюда, - шепчет врач в неподдельном ужасе. - Бегите. Немедленно. Пока его светлость не прознал.

Тут же сама готовясь бежать, хватается медицинскую сумку и запикивает в нее считыватель и другие устройства. Девушке понятен ее страх. Стоит только сеньорам и леди долга узнать о случившемся, и они ударят всей мощью, лишь бы предотвратить возникшую угрозу своему управляемому миру.

Но Милли устала делать всегда то, чего от нее ожидают другие. Она хватается докторшу за руку.

- Подождите, - говорит она. - Если вы убежите, то навсегда останетесь с долгом.

- О чем ты? - останавливается та.

- Подумайте, сколько вы еще будете выплачивать свой долг. А теперь вспомните о возможностях моего тела. Вы способны бежать, когда вам угодно, но если мы спланируем все как следует, то вы можете оказаться свободной женщиной.

Врач переводит взгляд с Милли на Аллесу. В ее глазах все еще паника, но уже поблескивает желание свободы.

- Дайте мне неделю, - просит Милли, - и объясните, как это действует.

* * *

Под завывания горячего и пыльного ветра Милли и Алесса сидят на старых качелях на площадке. От заброшенных домов позади парка с шумом откалываются куски цемента. На холмах поблизости мерцает замок его светлости, весь в ярких огнях, а океан простирается от этого

мига в далекое будущее.

- А что если врач ошибается? - нервно спрашивает Алесса, беспрестанно оглядывая окрестности в поисках халявщиков.

Милли качает головой. За последние несколько дней они столько всего узнали. Тайное изучение записей владения выявило скачок младенческих смертей в годы, предшествующие рождению Милли. Одних смертей для доказательства, конечно, еще недостаточно, но тревожная тенденция все же есть. Докторша предположила, что кто-то добавлял бактериальный вирус в инъекции искусственных хромосом, которые делались детям в поместье: практика, несомненно, прекратившаяся после того, как Милли выжила в первые несколько часов после рождения.

Алессу открытие привело в ярость, Милли же приняла новость со спокойным пониманием. Все, что мелькнуло у нее в мыслях - это запечатлевшийся до мелочей образ леди Аманзы Коллинз, нашептывающей, что Милли самой судьбой уготованы великие свершения.

До Милли и Алессы, сидящих на качелях, доносится шорох тяжелых ботинок по песку. Они оборачиваются и узнают Цзин-Цзина, возглавляющего банду халявщиков. Алесса не видел Цзин-Цзина несколько лет, и у него перехватывает дыхание от того, насколько старым теперь выглядит его недруг. Здоровый глаз халявщика злобно поблескивает, остатки второго прячутся за оранжевой накладкой. В единственной руке он сжимает длинный ржавый прут.

- Гляди-ка, - изрекает Цзин-Цзин, помахивая прутом, - даже не верил, что вы здесь устроились.

Милли встает между Цзин-Цзином и Алессой.

- У тебя есть шанс, - говорит она. - Но только тронь нас, и своего глаза назад ты уже не получишь. И руку тоже.

Цзин-Цзин замирает.

- Что ты несешь?

- Почему ты не принял долг?

- Лучше быть свободным, чем должником, - провозглашает тот. Халявщики вокруг него одобрительно гудят.

- А если бы тебе выдалась возможность засунуть долг его светлости в задницу, ты бы воспользовался ею? - вопрошает Милли.

- Да уж не сомневайся, черт побери.

Милли и Цзин-Цзин осторожно следят друг за другом, пока девушка выкладывает свой план.

* * *

Милли объясняет халявщикам, что проблема заключается в вирусе.

Он действует только на Милли, а вне ее тела не выживает, и потому поразить других не способен. Врач предложила выращивать его для инъекций, как поступала с младенцами леди Аманза Коллинз, но Милли отказывается убивать людей.

Преимущество же бактериального вируса заключается в том, что Милли может брать на себя сколько угодно долга, и весьма скоро он вычищается из ее генов. Цзин-Цзин и халявщики не особенно-то верят ее рассказу, но поскольку она соглашается взять на себя бремя за восстановление их рук, а также правого глаза Цзин-Цзина, истина их не волнует.

- Что ты хочешь за это? - с подозрением интересуется Цзин-Цзин.

- Слухи. Рассказывайте всем подряд, что я делаю. Разносите это по сетям, по всему побережью.

Несколькими днями позже халявщики вылечены, а Милли все так же свободна от долгов.

- И что теперь? - интересуется Алесса.

- Теперь мы несем людям счастье.

Они нанимают нелегального бухгалтера, чтобы тот переводил долг в гены Милли без ведома его светлости. Милли знает: действовать надо быстро - и она начинает с врача, ликвидировать весь ее долг за медицинское обучение. Потом ее мама и папа. Потом Алесса, его родители, их соседи, друзья, знакомые и, наконец, любой из поместья, кто желает стать свободным.

Но, как и все хорошее, предприятие Милли подходит к концу, когда распространяемые Цзин-Цзином и халявщиками слухи достигают ушей его светлости.

Однажды, когда Милли сидит дома, а нелегальный бухгалтер переводит на нее долг уже третьего контрабасиста, в дверь вламываются стражники его светлости. Музыкант и бухгалтер убегают, Милли же лишь поднимает глаза и спрашивает:

- Хотите выжечь свой долг?

* * *

К наступлению ночи Милли оказывается в темнице его светлости. Ее правый глаз заплаыл и источает кровавые слезы. Ее ноги и руки - сплошной синяк. Она лежит на грязных нарах, прикованная к холодному каменному полу. Вот в камеру заходит леди Аманза Коллинз: на ее молодом и невозмутимом лице отражено недовольство.

- Какое разочарование, - произносит леди Аманза Коллинз.

- Почему?

- Тебе открывалось столько возможностей, но вместо того, чтобы держать все в тайне и действовать неспешно, ты пожадничала. И вот

тебя поймали.

Раздражение леди вызывает у Милли лишь усмешку. Она уже во всем призналась: не из какого-то там чувства верноподданности и не из страха перед карой - просто она хотела, чтобы его светлость все узнал. Его стражники продолжают ее избивать, однако уже довольно вяло, поскольку его светлость понял: пленница сказала все, что могла.

- Он знает, что ты сделала, - говорит Милли.

- Да, я в курсе. Его светлость явился в мои покои и выплатил пари, сказав, что ты действительно свершила великие деяния. Ну, еще поразглагольствовал о моем эксперименте, но это совсем уж бессмысленно. Не ему меня останавливать.

Милли понимает. В то время как ее, скорее всего, казнят, в отношении сеньоров и леди действуют другие нормы. Леди Аманзу Коллинз и пальцем не тронут за содеянное. Всю эту историю тихонечко замнут, не останется даже воспоминаний - так же, как и от тела Милли.

Но Милли не волнует судьба госпожи - ей хочется знать, почему леди пошла на такое. И она спрашивает. Леди подтаскивает стульчик к нарам и садится.

- Тебе известна моя специальность?

- Генная инженерия.

- Да. Я помогала создавать искусственные хромосомы, на которых держится наш мир. Предполагалось, что эта технология станет подлинным чудом, которое искоренит все ошибки старой экономики. Но временной долг обернулся возвращением всех грехов денежного мира. И потому несколько десятилетий назад я разработала способ, как все стереть и начать сначала.

- Бактериальный вирус...

- Именно. Но он оказался дефектным, инфицирование происходило с трудом. Чтобы превратить кого-то в полноценного носителя, вирус необходимо было прививать одновременно с искусственными хромосомами, то есть при рождении. Однако вирус очень плохо влияет на слабо развитую иммунную систему и большую часть своих хозяев попросту убивает.

Милли бросает в дрожь от столь бесстрастного объяснения убийств.

- Его светлость знал?

- Нет. В прежние времена я бы ему рассказала. Не поверишь, но когда-то он был совсем другим. Мы оба хотели изменить мир. Сделать его лучше. Но с возрастом это его перестало волновать.

На какой-то миг леди Аманза Коллинз вдруг сникает, на ее омоложенное лицо словно опускается древность, а в глазах гаснет блеск. Милли осознает, какое разочарование испытывает леди: годами вынашиваемые ею мечты рухнули. Беды этого мира лишь породили новые.

- И что теперь? - спрашивает Милли.

- Тебя тайно казнят. Остальные сеньоры и леди не должны знать о вирусе. Не сейчас, когда у меня еще столько работы.

Милли кивает. Она всего лишь подопытный кролик. Леди, несомненно, будет продолжать свои эксперименты, используя всю информацию, какую только сможет выудить из тела Милли.

- Если хочешь, - говорит леди, - я попрошу его светлость проявить гуманность.

Наверное, леди Аманза Коллинз ожидает услышать слова благодарности, но тщетно. Леди поднимается и выходит.

Оставшись одна, Милли переворачивается и плачет. Как бы ей хотелось, чтобы Алесса оказался здесь и поддержал ее.

* * *

Когда леди Аманза Коллинз возвращается в тронный зал, настроение у нее паршивое. Лицо апатично и совершенно не выражает чувств, хотя к ее горлу подступает злорадный хохот: хорошенький сюрприз она приготовила дражайшему супругу. Благодаря ей состояние его светлости сократилось на треть. Но когда он вновь придет в себя, то поймет необходимость продолжения ее экспериментов. В конце концов, даже если ее дефектный вирус в состоянии учинить подобный хаос, рано или поздно объявится кто-то другой, у кого найдется больше средств на создание более удачного вируса для уничтожения всего временного долга. Пускай уж лучше сие творение будет обязано жене его светлости: когда мир вновь переменится, венценосная чета еще получит свои дивиденды.

Но прямо сейчас говорить об этом не стоит. Его светлость бросает взгляд на леди, она на него, и они усаживаются каждый на свой трон. Перед ними предстает первый посетитель.

Алесса делает шаг вперед и как можно почтительнее кланяется.

- Ты больше не мой вассал, - с горечью изрекает его светлость. - Твой долг... аннулирован.

- Я понимаю, милорд. Но у меня есть предложение.

- Я не могу освободить ее. Тебе это известно.

- Известно, милорд. Я лишь надеюсь повидаться с Милли в последний раз. И, уверяю, вы не останетесь внакладе.

Его светлость выслушивает просьбу Алессы позволить ему выступить и вновь продемонстрировать свой неоспоримый певческий талант. Все долги с выступления он принесет в дар его светлости и, кроме того, возьмет у него двадцать лет в долг, а стало быть, снова станет вассалом.

- В чем же подвох? - вопрошает его светлость.

- Я хочу, чтобы на альте мне аккомпанировала Милли. Это будет ее

последнее выступление.

Леди Аманза Коллинз немедленно заявляет, что подобное предложение даже не обсуждается, но его светлость взмахом руки велит ей умолкнуть. Да, размышляет он, им придется заткнуть Милли рот. И он понимает, что пыталась доказать его жена: их мир отнюдь не столь надежен, как принято считать. Все, что от него требуется, это смотреть сквозь пальцы на бездеятельность еще несколько десятилетий, и она, без сомнения, вырастит вирус для преобразования мира, к тому же приумножив их состояние.

Однако план Алессы вызывает у него интерес. Этот молодой певец - самый динамичный исполнитель из всех, когда-либо встречавшихся ему. И чтобы заполучить его назад в качестве вассала, пожалуй, стоит рискнуть. Его светлость с тоской смотрит на супругу, вспоминая, каким было ее лицо до того, как она превратила его в эту неподвижную маску. Когда-то лорд любил свою суженую. И если Алесса испытывает к Миллисент Ка хоть крупицу той любви, их последнее выступление может оказаться подлинным произведением искусства.

- Ну, не знаю, - с сомнением говорит он. - По сетям уже распространяются слухи о Милли.

- Пока слух остается только слухом, - парирует Алесса, - все, к чему он приведет, это гарантированно огромная аудитория на нашем выступлении.

Его светлость усмехается дерзости Алессы.

- Согласен, - заявляет он, хоть его жена выкрикивает возражения. Но он уже принял решение... и, в конце концов, именно он является повелителем своего царства.

Не в силах заставить его светлость одуматься, леди Аманза Коллинз сходит с трона и обрушивается на Алессу.

- Даже не мечтай, - шипит она юному певцу. - Миллисент Ка умрет. И если кто-нибудь из вас хоть словом упомянет о моем вирусе, я лично буду держать твои глаза открытыми, чтоб ты видел ее мучительную смерть.

* * *

Перед выступлением Милли облачают в переливающееся платье, по которому струится звездный поток, а бедра и ноги обвивает Млечный Путь. Ей выделяют алыт из личной коллекции его светлости, возрастом в триста лет. Его светлость даже снисходит до того, что посылает к ней врача (не прежнего, чье местонахождение все еще не определено), дабы залечить ее ссадины и свести синяки.

Под аплодисменты друзей и семьи Милли входит в Тональный зал. Ее мама и папа утирают слезы. Друзья, кажется, тоже расчувствовались.

В задних рядах публики Милли замечает Цзин-Цзина, который склоняет перед ней голову, отдавая дань ее самопожертвованию.

Посреди зала девушку ожидает Алесса, чей черный смокинг великолепно смотрится на фоне золотых фараоновских иллюзий, декорирующих сцену. Милли подходит к нему, придерживая альтистку, и с чувством целует друга. Публика едва не сходит с ума.

- Все-таки это плохая затея, - говорит леди Аманза Коллинз супругу.

- Нет, - шепчет он ей в ответ. - Твой эксперимент - плохая затея. А это искусство, и оно совершенно. У моих аватаров и техников все под контролем. Если произойдет хоть малейшая попытка упомянуть вирус, представление прервется.

С этими словами его светлость жестом велит начинать трансляцию. Он приглашает всех в Тональный зал - место множества величайших музыкальных свершений. Затем указывает публике на Алессу и Милли - юных влюбленных, разлучаемых превратностями жестокой судьбы.

Лишь только на Милли падает свет ramпы, начинают звучать первые ноты альты, и смычок ее танцует по струнам с чем-то гораздо большим, нежели то простое умение, которым всегда отличалась ее музыка. Стоя рядом с Алессой, зная, что она наверняка видит его в последний раз, Милли погружается в исполнение так, как доселе ей даже не представлялось возможным. Она чувствует каждую ноту, с совершенством извлекаемую из струн. Ощущает, что рядом сидят ее родители. Обнимает всю аудиторию - и тех, кто находится в Тональном зале, и тех, кто смотрит трансляцию по всему миру. Воспринимает все, чем могла бы быть - и должна была быть - ее музыка.

Вступает Алесса со старой, из двадцатого века, песней о любви, которая в звучании его голоса и альты Милли обретает нечто совершенно новое и волнующее. Когда песня заканчивается, его светлость одобрительно улыбается. Алесса и Милли кланяются и начинают следующую песню, а за ней другую - и каждая прекраснее предыдущей.

Его светлость потрясен. Никогда прежде не слышал он музыки такой чистоты и чувственности. Когда же Алесса и Милли останавливаются, чтобы перевести дух, его светлость вскакивает первым и хлопает до боли в ладонях.

Он садится, и тут леди Аманза Коллинз хватается за руку.

- Смотри, - шипит она.

Его светлость смотрит в конец Тонального зала, где сидят его бухгалтер, техники и стражники. Точнее, где они сидели. Теперь они сражаются с отрядом халявщиков, которые быстро берут верх над его людьми и связывают их. Один из халявщиков, чей глаз поблескивает генетической розоватостью недавней регенерации, показывает его светлости средний палец.

- Я же сказала тебе: это была плохая затея, - негодует леди Аманза

Коллинз.

Его светлость вздыхает. Алесса и Милли собираются что-то сказать. Без всякого сомнения, первые же слова из их уст будут о вирусе. Увы, их план обречен на провал. Все, что ему требуется сделать, приказать своему аватару прервать трансляцию и вызвать дополнительные силы, до поры до времени рассредоточенные по замку. И это будет концом как для Милли, так и для Алессы. А ужасный эксперимент его жены останется всего лишь слухом.

Но когда его светлость видит обнимающихся Алессу и Милли, он вспоминает, что привлекло его в леди Аманзе Коллинз в молодые годы. Его воодушевили ее дерзкие мечты о преобразовании мира. И она переживала, когда работа всей ее жизни оказалась такой же жалкой, как и мир, что она возжелала изменить.

Прежде чем Алесса и Милли начинают говорить, его светлость жестом призывает к тишине.

- Перед всем миром, - провозглашает он, - я хочу поблагодарить вас за это прекрасное выступление. - Затем он подмигивает Алессе и Милли, задаваясь при этом вопросом, не испытывают ли его вассалы подобное головокружение всякий раз во время выступления в реальном времени. - Если я не ошибаюсь, вам необходимо кое-что сообщить нам?

Леди Аманза Коллинз обзывает его идиотом, но его аватар вырезает эти слова из трансляции, вызывая улыбки на лицах Алессы и Милли. И когда его светлость вновь усаживается на кажущийся золотым трон, Алесса и Милли рассказывают всему миру о вирусе, а затем вновь продолжают выступление - только друг для друга.

* * *

По окончании выступления Алесса и Милли целуются, публика вскакивает и награждает их бурными овациями. Даже его светлость аплодирует. Выступление было ошеломительным. Лучшим.

- И что теперь? - спрашивает Милли его светлость, прекрасно осознавая, что ее слова передаются на весь мир.

- Живите своей жизнью, - отвечает его светлость. - И возможно, ваше открытие что-то да изменит.

Леди Аманза Коллинз хмурится, но толпа вассалов и халявщиков вокруг Милли и Алессы смеется и аплодирует паре, выводя их в жаркую и влажную лос-анджелесскую ночь.

Когда толпа покидает зал, леди сообщает его светлости, что он выставил себя на посмешище. Что ему надо защищаться. Что ему следовало брать пример с Милли и Алессы.

- Возможно, я так и поступил, - отвечает он. - Возможно, именно это и

необходимо миру.

Леди Аманза Коллинз раздражается проклятьями столь громогласно, что ее бесстрастное лицо вдруг приходит в движение и увядает в морщинах старости и гнева. Она убегает бушевать в свои покои, а его светлость развязывает стражников и бухгалтера.

- Какой долг выплачивается за развод? - спрашивает он бухгалтера, а в голове его так и звучат мелодии любовных песен Алессы и Милли.

* * *

И таким должен был быть - мог бы быть - наш конец. За исключением будущего, у которого поистине нет конца.

Милли и Алесса все так же выступают и все так же любят друг друга. Алесса чтит свой новый долг его светлости и не позволяет Милли стереть его, но это не останавливает непрекращающийся поток людей, жаждущих ее помощи. И Милли стирает долг всем, кто ее об этом просит. А те, кому она помогает, взамен оберегают ее от гнева сеньоров и леди, предпочитающих мир таким, какой он есть.

И уже бродят слухи: о новых экспериментах, об инфицированных вирусом, о вновь меняющемся мире - и никто не может предсказать, как же он изменится.

Таким будущее быть не должно. Но, как Милли говорит Алессе одной не такой уж и далекой ночью, когда они прижимаются друг к другу в собственной двуспальной кровати:

- Это единственное будущее, которое у нас есть. Так что придется довольствоваться им.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Jason Sanford. Millisent Ka Plays in Realtime. 2010. Публикуется с разрешения автора.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

МЕЛОДИИ СФЕР

Любовь фантастов к музыке общеизвестна, как, впрочем, и равнодушие музыкантов к фантастике. Написано об этом немало, в том числе и на страницах «Если». В журнале мы не раз

рассказывали о музыке в НФ и фэнтези. Пора поговорить о «музыкальной фантастике».

О музыке фантасты писали и пишут охотно. Иной раз даже возникает впечатление, что каждый второй «демиург миров» на самом деле хотел быть музыкантом, но что-то не заладилось с мечтой и получился писатель. Ну чем еще объяснить, например, их страсть выдумывать новые музыкальные формы и жанры! Вспомним хотя бы классическую «Симфонию фа минор цветовой тональности 4,750 мю», прозвучавшую в ефремовской «Туманности Андромеды». Или «погодную музыку» из эпопеи «Люди как боги» С.Снегова и «обонятельную музыку», описанную АБС в цикле «Полдень. XXII век».

Фантасты частенько подбрасывают композиторам не только новые жанры, но и новые инструменты. Они даже изобрели целый политехнический музей небывалых и никогда не существовавших музыкальных инструментов - от гитароподобного бализета («Дюна» Ф.Херберта) до солнечных роялей с тройной клавиатурой («Туманность Андромеды» И.Ефремова) и целого оркестра невообразимых аудиовизуальных конструкций («Мир изнутри» Р.Силверберга).

А в других книгах музыка вдруг превращается в мощнейшее оружие, как в «Розе» Ч.Харнесса, «Тинтагеле» П.Кука и «Даргасоне» К.Купера.

Не прошли авторы и мимо мистической стороны музыкального творчества. Некоторые из них настолько хорошо чувствовали всю невероятную силу, заключенную в музыке, что наделяли ее способностью двигать горы. Дж.Р.Р.Толкин и вовсе высказал идею, что своим возникновением мир обязан вовсе не словам демиургов, а музыкальным темам и мелодиям. В «Сильмариллионе» айнуры, духи-помощники бога-творца Эру Илуватара, в буквальном смысле «выпевают бытие»: «И тогда голоса айнуров, подобные арфам и лютням, скрипкам и трубам, виолам и органам, и бесчисленным поющим хорам, начали обращать тему Илуватара в великую музыку; и звук бесконечно чередующихся и сплетенных в гармонии мелодий уходил за грань слышимого, поднимался ввысь и падал в глубины - и чертоги Илуватара наполнились и переполнились, и музыка, и отзвуки музыки хлынули в Ничто, и оно уже не было Ничем».

* * *

Быть может, фантасты чаще, чем кто-либо, акцентировали внимание на универсальности, интернациональности и даже «интергалактичности» языка музыки.

Естественно, музыка часто звучит в «контактных» текстах, ведь это

язык, понятный всем. Встречаются на страницах книг даже целые расы, не признающие никакого другого языка. Например, в известной повести венгерского писателя Ф.Каринти «Путешествие в Фа-ре-ми-до» Гулливер попадает на иную планету, где ее неорганические обитатели разговаривают при помощи разнообразных мелодий. Можно вспомнить и «Первых людей на Луне» Г.Уэллса, где среди селенитов обнаружилось странное существо с видоизмененными органами тела - для исполнения громкой музыки и подачи сигналов.

Музыка как основной язык встречается также в сериале П.Энтони «Подмастерье адепта» и в трилогии Д.Варли «Титан».

Д.Вэнс в романе «Космическая опера» оперное представление перемещает от планеты к планете с одной лишь целью - «достижения взаимопонимания между различными галактическими расами». В романе Д.Виндж «Янтарные глаза» только ненормальный музыкант оказывается способен установить контакт с представительницей иной цивилизации и спасти мир от космической катастрофы.

Похожий сюжет обнаруживается и в романе С. и Д.Робинсон «Звездный танец»: на этот раз бывший танцовщик и музыкант, а ныне калека оказывается тем единственным человеком, который благодаря музыке добивается контакта с пришельцами и предотвращает космическую войну. На ту же тему - книги Ш.Теппер «После долгой тишины» и Д.Карвера «Эффект восторга». Да и в знаменитом фильме С.Спилберга «Тесные контакты третьей степени» общение с инопланетным кораблем начинается с проигрыша определенной музыкальной темы.

В романах Э.Маккефри «Певица кристалла» и «Киллашандра» проблема музыкального контакта с иными мирами поставлена на «профессиональную основу». Героиня - талантливая певица и музыкант - одна из немногих, кто способен работать с кристаллами, обеспечивающими связь и общение между разными планетами.

Впрочем, на межзвездных трассах музыкальные произведения - средство и межрасового контакта, и коммерческого обмена. Например, в романе Д.Брина «Звездный прилив» песни китов - один из наиболее востребованных земных товаров, поставляемых на рынки галактической цивилизации.

Но музыка в НФ не только универсальное средство связи. В романе Т.Диша «На крыльях песни» герой, используя «силу мелодий», научился освобождать и отправлять в полет свою душу.

В антиутопическом будущем, дегуманизованном и обездушенном, музыка также становится мостиком от сердца к сердцу. Тяжело талантливому музыканту в мире, где единственным искусством признается реклама, как это описал Л.Биггл в классическом рассказе «Музыкадел». Необходимо выкручиваться, чтобы не быть окончательно отвергнутым обществом. И в книге Д.Браннера

«Цельный человек» ставший изгоем телепат-музыкант вынужден изобрести даже новый вид искусства - «ментальные концерты».

Многие писатели вообще не мыслят тщательно разработанных картин будущего без новой, доселе неведомой музыки. А некоторые даже пытаются в реальности создать эти мелодии прекрасного далека. У.Ле Гуин не только детально разработала картину своего фантастического общества в романе «Всегда возвращаясь домой», но и приготовила для читателей необычный бонус: к выходу книги записала кассету с «местными» песнями и наигрышами.

Иногда музыка вдруг оказывается творением двух «родителей» - искусства и науки. В романе К.Робинсона «Память о белизне» совершающий турне по Солнечной системе оркестр исполняет музыку, созданную и просчитанную физиком, который таким способом пытается доказать свою теорию: мол, вся наша Вселенная устроена в соответствии с эстетическими принципами музыки.

* * *

Образы композиторов и музыкантов из реальной, земной истории (или хотя бы мифологии) тоже нередко встречаются на страницах НФ-произведений.

Самым знаменитым музыкантом в истории человечества навсегда останется Орфей. И его образ, понятно, чаще других всплывает в фантастике. Наиболее ярким его воплощением оказывается главный герой романа С.Дилэни «Пересечение Эйнштейна». Подобно древнему рапсоду, ему также пришлось снизойти в Аид в поисках своей Эвридики. Только это был Аид фальшивой реальности и инопланетного обмана. Любопытные НФ-интерпретации мифа предложили П.Андерсон в «Песни козла» и П.Маккиллип в «Безумном беге».

Д.Блиш в рассказе «Произведение искусства» отправляет Штрауса во временное путешествие в будущее. Лишь совершив этот необычный вояж, выдающийся немецкий композитор осознает, что владеет самым великим из всех «произведений искусства» - своим талантом.

Д.Лэнгдон в «Симфонии № 6 Трагической, минор. Сочинение Людвига ван Бетховена» и Б.Молзберг в романе «Хорал» обращаются к творчеству другого великого немецкого композитора.

Еще чаще героями фантастических произведений оказываются рок-герои недавнего прошлого: например, ливерпульская четверка (вспомним хотя бы «фантастико-биографический» роман Ю.Буркина и К.Фадеева «Осколки неба, или Подлинная история Битлз»), Д.Хендрикс («Мертвый певец» М.Муркока) и Э.Пресли - перечислять можно бесконечно.

Весьма подробную картину истерического культа, возникшего вокруг музыкальных идолов, нарисовали М.Суэнвик в «Празднике Святой Дженис» и Г.Бенфорд в «Создавая Леннона».

Но не менее интересны биографии выдуманных композиторов и певцов. «Обычных» гениев в романах пруд пруди, в памяти читателей остаются лишь самые оригинальные, ярко нарисованные автором. Таковой, разумеется, бард и музыкант Виктор Банев из «Гадких лебедей» АБС. В этом герое воплотились как художественные замыслы писателей, так и черты характера вполне реального музыканта и певца - В.Высоцкого. В итоге получился удачный литературный результат: одновременно полнокровный художественный образ и легко прочитываемый портрет культовой персоны.

В западной же НФ, безусловно, самый знаменитый бард, космический бродяга - слепой Райслинг, герой блестящей новеллы Р.Хайнлайна «Зеленые холмы Земли». Американскому фантасту удалось вылепить поистине романтический образ нескгибаемого певца, верного своей судьбе и своему предназначению.

Из фэнтезийных примеров явную симпатию у читателей вызвал бард Лютик, друг и помощник ведьмака Геральта из обширного цикла романов А.Сапковского. Другой литературный бард Джон Сильвер стал главным героем романов М.Уэллмана «Старые боги просыпаются», «Повешенные камни» и «Голос гор». А.Д.Фостер и вовсе сочинил целый цикл о музыканте-волшебнике - «Чародей с гитарой». Герой цикла, обычный парень из нашей реальности, угодил в фэнтезийный мир и вдруг выяснил, что может колдовать, исполняя песни под гитару.

П.Сомтов создал серию романов о Ветроносцах, использующих совершенные мелодии в борьбе с врагами.

* * *

Даже самый неподготовленный слушатель чувствует, что в музыке есть не только светлое, организующее, «аполлоническое» начало, но и темное, хаотическое, «дионисийское». Чуткость любого музыканта к сильным эмоциям хорошо известна. Поэтому композиторы так легко оказываются подвержены воздействию зла. Они способны даже гипнотически подчиниться его влиянию.

В ранних текстах НФ фантасты писали об этом в конкретной форме, фактически рассказывая об одержимости злыми силами. Например, М.Ренар в романе «Руки Орлака» изобразил одну из первых операций по трансплантации органов, в результате которой руки убийцы были пришиты талантливому пианисту. Это вызвало сначала раздвоение личности у музыканта, а затем постепенное перерождение внутреннего

«я», подчинение злобной воле преступника.

Ярче вещего странный союз идей одержимости музыкой и злого начала проявился в рассказе Г.Ф.Лавкрафта «Музыка Эриха Занна», в котором некая зловещая мелодия, исполняемая невидимым существом, преследует музыканта. Вот как описывает ее герой-рассказчик: «Я нередко слышал звуки, наполнявшие меня смутным, не поддающимся описанию страхом, словно я являлся свидетелем какого-то непонятого чуда и надвигающейся неведомо откуда никем не разгаданной тайны. Причем нельзя сказать, что звуки эти были неприятными или тем более зловещими - нет, просто они представляли собой диковинные, неслыханные на земле колебания, а в отдельные моменты приобретали поистине симфоническое звучание, которое, как мне казалось, попросту не могло быть воспроизведено одним-единственным музыкантом... Это был кромешный ад нелепых, чудовищных звуков, воспринимая которые, я уже начал было сомневаться в собственном здравом рассудке». Невидимое существо, пришедшее из мира, где нет ничего, кроме музыки, прорывается в нашу реальность и убивает Эриха Занна. А в момент исчезновения монстра герой-рассказчик получает возможность заглянуть в мир, откуда чудовище пришло: «Перед и подо мной простиралась бесконечная темень космоса, сплошной бездонный, неопиcуемый мрак, в котором существовали лишь какое-то неясное движение и музыка, но не было ничего из того, что я помнил в своей земной жизни».

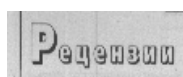
На «демоническую суть» музыки намекал и М.Булгаков в «Мастере и Маргарите», где один из важнейших спутников дьявола - Коровьев - носит прозвище по названию музыкального инструмента (Фагот) и представляется «бывшим церковным регентом». Еще откровеннее темная сторона самого гармоничного из искусств отображена в романе В.Орлова «Альтист Данилов», главный герой которого - демон-музыкант, изгнанный в наш мир. А само описание потустороннего мира в книге наводит на воспоминания о сложно структурированных музыкальных произведениях.

Даже кратковременное соприкосновение с сатанинской музыкой приводит к неизбежным жертвам. Так, в рассказе В.Алексеева «Удача по скрипке» работница советского проката была вынуждена продать свою душу за то, чтобы дьявол наделил ее сына музыкальной гениальностью.

Далекie звезды и планеты могут воспроизводить мелодии, но эти мелодии способны оказаться дьявольскими напевами, сочиненными Азатотом или Ньярлатотепом. Именно с такой изнанкой реальности столкнулся своего героя А.Платонов в рассказе «Лунная бомба». Инженер Питер Крейцкопф, первый пилот космического корабля, услышал «музыку сфер», и эти ужасные звуки свели его с ума.

Так какая же сторона музыки победит? Об этом даже самая изощренная фантазия создателей необыкновенных миров ничего сказать не может. А восхищение и страх фантастов перед величием музыки вызваны подсознательным пониманием того, что музыка - явление сверхчеловеческое и внечеловеческое, что оно не связано только с обитателями планеты Земля.

Человечество, может быть, когда-нибудь исчезнет. А музыка будет вечно пребывать.

Рецензии

Геннадий ПРАШКЕВИЧ, Алексей ГРЕБЕННИКОВ
ТРЕТИЙ ЭКИПАЖ

Москва: Снежный ком, 2011. - 336 с.
(Серия «Настоящая фантастика»).
3000 экз.

Книга собрала под одной обложкой три связанные друг с другом повести - «Юрьев день», «Полярная сага» и «Третий экипаж». «Полярную сагу», посвященную мышиному народцу, пишут персонажи «Юрьева дня», и доблестные мыши из нее проникают на космический корабль в «Третьем экипаже».

Но эта сюжетная связь - всего лишь плод авторской иронии. Гораздо важнее связь смысловая. Во всех повестях мир до такой степени свихнулся, что это всеобщее сумасшествие воспринимается как норма. Причем не имеет значения, где происходит действие: и забытом алтайском поселке («Юрьев день»), в царстве мышей и древних полярных «богов» или же в звездолете, конструкция которого непонятна ни экипажу, ни даже строителям корабля. Во всех случаях безумие мира подпитывается вечной борьбой аскетов с гедонистами, и авторы явно испытывают большее сочувствие к последним.

Г.М.Прашкевич давно завоевал репутацию писателя, способного подарить читателям наслаждение изысканным языком своих текстов. Фамилий на обложке две, но соавторам удалось добиться «творческого сплава», в котором эта особенность стала общей. Язык трех повестей царит над сюжетом, повелевает приключениями и рождает самые неожиданные повороты. Это язык безумной и хмельной дионисийской роскоши. Он выдает немислимые колени, легко сводит вместе несоединимое и несочетаемое. Обычно лексика персонажей зависит от

того, как автор мыслит их личность, а тут поставлен неординарный эксперимент: поступки действующих лиц - всего лишь производная от того, как они говорят. А говорят они причудливо - ведь нормальное сумасшествие на дворе!

В хаосе свихнувшегося мира осталась лишь одна вещь, сохранившая непоколебимую силу и никогда не терявшая власть над людьми. Это любовь. И во всех трех текстах она - единственная путеводная звезда, выводящая персонажей из темных лабиринтов жизни.

Дмитрий Володихин

Евгений ФИЛЕНКО

ШЕСТОЙ МОРЯК

Москва: Снежный ком М, 2011. - 448 с.

(Серия «Нереальная проза»).

3000 экз.

Новый роман автора «Саги о Тимофееве» - книга экспериментальная. Иначе никак не объяснить пестроту стилистических и жанровых направлений, спрессованных в одном тексте. Знатоки современного искусства, пожалуй, отыщут здесь аналогию с многотомными графическими сериалами - набором сюжетов, не объединенных решительно ничем, кроме главного героя. В рамки одного сериала легко вмещается и трагедия, и анекдот, и мелодрама. «Шестой моряк» выглядит попыткой создать атмосферу графической новеллы литературными средствами.

Главный герой - бессмертное существо Скользец, наделенное небывалыми умениями и способностями. Следуя древнему предначертанию, оно является на зов смертных, двигаясь от эпохи к эпохе.

Состояние, близкое к всемогуществу, лишает образ главного героя прелести незавершенности. Обладающий огромными знаниями и силой Скользец напоминает соревнующегося с подростками взрослого спортсмена.

Текст отягощен пространными диалогами, воспоминаниями и рассуждениями бессмертного. Чтобы читатель не заскучал, автор оживляет повествование литературными шарадами, не брезгуя и скабрзностями. Благодаря насмешливому Скольцецу, для которого, как для настоящего панка, все авторитеты ничтожны, роман совершенно лишен романтического пафоса. Однако посмеяться от души тоже как-то не получается. Вот тут-то и проявляется главная проблема использования законов графического сериала в обычном романе. Для связного повествования недостаточно простого набора

занимательных историй - нужна обобщающая идея. В противном случае читатель закрывает книгу, испытывая легкую растерянность: «А чего сказать-то хотел?».

Найти свою целевую аудиторию книге будет непросто. Но стоит отдать должное смелости писателя, который решился на такой эксперимент, и пожелать ему успешной литературной алхимии.

Николай Калиниченко

Альфред ДЁБЛИН

ГОРЫ МОРЯ И ГИГАНТЫ

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. - 790 с.

Пер. с нем. Т. Баскаковой.

2000 экз.

Автор предисловия Фолькер Клотц с ходу пытается запугать читателя: «Роман этот - чудовище... Он труден для восприятия... Он заманивает и отталкивает, захватывает и изнуряет, окрыляет и внушает отвращение...».

С первых же страниц романа тридцатых годов прошлого века на нас обрушиваются избыточность метафор и нестандартный синтаксис: «Огнится в огне: языкастый-горячий-голубой-белый-красный» или: «Трава песок солнечные лучи облака». Именно так - без запятых! Но все это образует особую ритмику повествования. Научная сторона «изобретений» Дёблина слабовата, хотя писатель прозорливо упоминает летающие вокруг Земли аппараты связи. Вторая часть романа называется «Уральская война». Вот из-за нее-то в 1936 году советская цензура и пустила под нож уже готовый перевод книги. Еще бы, крамолы у Дёблина хоть отбавляй! Тут и немарксистская теория «раскачивания истории» от триумфов к крушениям, и детальное описание войны на линии Ярославль - Владимир - Воронеж - Харьков, а СССР при том даже и не упоминается!

После мятежей в Америке правители, почувствовав угрозу, решают вспомнить давнюю колонизаторскую практику освоения заморских территорий: нужно освоить Гренландию! Книга седьмая - «Размораживание Гренландии» - поражает масштабностью описанных работ. Параллельно человечеству приходится отражать вторжение злобных ящеров. И с этой целью выстраиваются странные органические башни-люди...

Словом, странная, очень странная книга. А ведь автор планировал написать эпическую космооперу! Но вместо этого создал еще более эпическую «теллурическую авантюру» о конфликте природы и техники. Книга, вызвавшая восторг у Гюнтера Грасса, по праву стала одной из

самых диковинных историй XX века. Наконец и наш читатель сможет оценить это произведение.

Валерий Окулов

Александр ЧУБАРЬЯН

ХАКЕРЫ. КНИГА ПЕРВАЯ: BASIC

Москва: ИТД «Этногенез», 2011. - 288 с.

30 000 экз.

Автор романа «Игры в жизнь», по которому был снят фильм «На игре», вновь обратился к компьютерной тематике.

Серебристые фигурки регулярно вторгаются в человеческую историю. Вокруг волшебных животных закручивается водоворот событий, куда попадают как простые смертные, так и сильные мира сего. Не избежали этого и талантливые друзья-программисты Ник и Лекс, едва в их жизни появилась девушка с фигуркой паука.

По интонации книга напоминает не столько киберпанк, сколько «бандитский боевик». Ни о какой борьбе и отрицании системы речи нет. Вместо того чтобы ниспровергать запреты по идейным соображениям, герои охотно сотрудничают с разнообразными криминальными структурами. Причем основным движущим фактором является вульгарное, хотя и распространенное стремление к наживе. Другое дело - их наниматели. Поклонники «Этногенеза» должны узнать кое-кого из персонажей, манипулирующих компьютерными гениями. Ставка в их скрытой игре никак не связана с банальным обогащением.

Язык романа прост и отрывист. Все сложные обороты тщательно вычищены. В диалогах часто встречаются разнообразные жаргонизмы - от сетевого сленга до распространенного арго подростков: «Это хакеры. - Настоящие? - Реальные, сто пудов...».

Как и предыдущие книги проекта, «Хакеры» грешат некоторой театральностью. Задний план, будь то Санкт-Петербург, Москва или Сингапур, показан довольно схематично, а функционеры загадочных преступных сообществ прописаны нарочито четко и выглядят настолько экстравагантно, словно сошли со страниц комиксов. Однако, учитывая тематику серии, этот ход выглядит стилистически оправданным.

С тех пор как понятие «хакер» вошло в обиход восетевленного человечества, вокруг этого явления сформировался изрядный пласт разнообразных легенд, слухов и мистификаций. Теперь в этом ряду появится еще одна увлекательная история.

Николай Одинцов

Чарльз ДЕ ЛИНТ
ПРИЗРАКИ В СЕТИ

СПб.: Азбука - Азбука-Аттикус, 2011. - 480 с.

Пер с англ. В.Капустиной.

5000 экз.

Чарльз де Линт возвращается в Ньюфорд. Новый роман канадского мечтателя добавляет новые штрихи к пейзажу необычного города, на улицах которого можно встретить богов и демонов, призраков и пришельцев. Сказка, обреченная с современностью, приобретает не свойственные ей черты. Однако влияние сверхъестественного на Ньюфорд ничуть не меньше, чем воздействие цивилизации на волшебных созданий. Магия начинает проникать в области, которые раньше были для нее запретными. К таким форпостам науки относятся, например, интернет.

Роман состоит из сменяющих друг друга историй. Автор раскладывает этот пасьянс, с ловкостью фокусника извлекая из рукава неожиданные решения. Здесь нет динамики фантбоевика. Персонажи де Линта - очарованные странники в мире, полном туманных знамений и таинственных сил. Конечно, в книге обнаруживается характерная дихтомия света и тьмы. Но и этот вечный конфликт словно подернут дымкой. Никакие злобные враги не могут помешать персонажам романа устроиться в уютной кофейне и с удовольствием покопаться в себе.

Многие, вероятно, посчитают мир Ньюфорда отрадой для эскапистов и будут правы. Слишком плотен розовый туман, окутывающий город. Романтизировано буквально все. Даже бездомные, обитающие в трущобах, выглядят благородными изгнанниками.

Взаимосвязь нашего мира и страны грез, о которой постоянно говорят герои, привлекает внимание к вопросам экологии духа. Эта тема может показаться надуманной и несущественной по сравнению с более важными проблемами. Однако если предположить, что все язвы мира - следствие духовной нечистоплотности, то меседж канадского романтика приобретает определенную злободневность.

На примере идар - существ, порожденных человеческим воображением, - писатель показывает, насколько опасными подчас могут быть наши сумрачные грезы.

Николай Калиниченко

Валерий ОКУЛОВ

ПЕРВОПРОХОДЕЦ, НЕ ИСКАВШИЙ ТИТУЛОВ

О юбилеях «картографов Ада» - фантастиковедах, библиографах и критиках - отчего-то не принято вспоминать. Зачастую мы даже не знаем их дат рождения. Есть в этом печальная несправедливость, ведь без них невозможно представить развитие жанра. Борис Валерианович Ляпунов (1921-1972), которому в этом месяце исполнилось бы 90 лет, один из таких подвижников. Без его имени немыслима история нашей фантастики. Достаточно вспомнить, что это именно он вернул нам творчество Александра Беляева, стал одним из создателей жанра НФ-очеркистики, как и библиографии НФ.

В середине прошлого века в Советском Союзе много писали о так называемом «методе Герасимова», за который его создатель, антрополог и скульптор, получил в 1950 году Сталинскую премию. Сначала скульптурные изображения, восстановленные по конфигурациям черепа людей «седой старины», называли фантазиями, затем все-таки причислили к науке - после того как достоверность метода проверили криминалисты. Небольшую книжку об этом опубликовал в 1953 году молодой популяризатор науки Борис Ляпунов, назвав ее «Из глубины веков».

Прошло с той поры немногим более полувека, но, похоже, облик писателя XX века Бориса Валериановича Ляпунова - даже для интересующихся его творчеством - оказался скрыт завесой лет чуть ли не более плотной, чем облик, скажем, Тамерлана. Не так давно блоггер Albert Magnus в Живом журнале написал: «Закончил статью про полузабытого советского писателя-фантаста Бориса Ляпунова, известного лишь узкому кругу почитателей советской фантастики, да и

то в основном как историк и библиограф. Умер он рано, не переиздают его более тридцати пяти лет, так что удивляться не приходится. В результате и факты его биографии найти проблематично, и даже фото не нашлось».

Фотографии Ляпунова в интернете можно все-таки разыскать, да и книги его доступны. Но вот с фактами из жизни писателя, популяризатора науки и историка НФ действительно возникают проблемы... Поэтому данная статья - не стандартная биография автора, а ее «реконструкция». Немало помогут в этом воспоминания мастера советской научно-художественной литературы В.А.Сытина, посвятившего коллеге главу в своей известной книге рассказов о писателях «Что там, за поворотом?».

Родился Борис Валерианович Ляпунов 30 июля 1921 года в семье преподавателя школы II ступени в Вятке, а школу окончил в Кирове - город был переименован сразу после убийства С.М.Кирова в 1934 году. На непростые времена выпали юность и молодость Ляпунова.

Еще в детстве Борис увлекся тем, что определило всю его жизнь. Первое увлечение - научная фантастика: «Жюль Верн ввел меня в удивительный мир НФ». И через НФ пришла вторая горячая любовь - космонавтика. Борис мечтал стать «междупланетным путешественником», за пару лет он прочел всю литературу по астронавтике (еще даже термина «космонавтика» не было), что имелась в областной библиотеке имени Герцена. Изучил и «Исследование мировых пространств реактивными приборами» К.Э.Циолковского, а потом отправил письмо в Калугу. Много лет спустя в книге «Открытие мира» (1954), посвященной памяти основателя звездоплавания, Ляпунов написал: «Когда я был школьником, почтальон принес мне бандероль с обратным адресом: Калуга, ул. Жореса, 3. Это был ответ на мое письмо...». Основатель практической космонавтики прислал тринадцатилетнему пареньку пачку своих книг и брошюр с пожеланием идти дальше по пути изучения науки и техники.

Вдохновленный Борис завязал переписку с известным ученым и историком космонавтики Н.А.Рыниным, следил за новостями науки и техники, еще в 1936-м опубликовал заметку «Буду стратонавтом». Но исследователем стратосферы не стал и в 1939 году поступил на механико-математический факультет МГУ. Учился недолго и перевелся в МАИ, который закончил в 1948 году. Там же с середины 1940-х принимал активное участие в работе Отделения подготовки и осуществления ракетных и космических полетов авиационного НТО студентов. Но главное - будучи еще студентом-выпускником, опубликовал целых две книги: «От ракеты до реактивного самолета» и «Ракета». Обе вышли в год окончания вуза - в 1948-м. Словом, не изменил детской мечте: стал пусть и не исследователем, но автором

книг о космосе. Дебют молодого писателя-популяризатора высоко оценили мэтры В.А.Сытин и В.Д.Захарченко.

После защиты диплома Ляпунов был направлен в НИИ Академии артиллерийских наук, но проработал там менее года. Занимался исследованиями, получил несколько свидетельств на изобретения, но жизнь свою молодой специалист все равно связал с трудом литературным. Несколько лет отработал в отделе науки газеты «Известия», после чего подался на «вольные хлеба» и до конца своей короткой жизни зарабатывал исключительно литературным трудом, но тем не менее еще долго в журнальных публикациях он подписывался: «инженер Б.Ляпунов».

Диапазон интересов начинающего писателя-популяризатора весьма обширен: загадки земной коры, проблемы биологии, будущее химии, освоение океана и, конечно же, космос. Ляпунов был одним из новаторов, пытавшихся не только создать, но и теоретически обосновать новую разновидность журналистики - научно-фантастический очерк. При этом он часто прибегал к своеобразному «конструированию моделей мира», в которых идеи ученых стояли в одном ряду со смелыми выдумками фантастов.

Вспоминает Виктор Сытин: «Вскоре после войны мне пришло письмо от неизвестного, очевидно, молодого еще человека. В нем сообщалось, что он решил стать популяризатором науки, что принял он такое решение, прочитав мои очерки о Циолковском, и считает меня своим «крестным отцом» на литературном поприще... Года через два автор письма явился ко мне собственной персоной. Это был высокий блондин лет тридцати пяти, пухловатый, явно стеснявшийся и поэтому тщательно подбиравший слова».

Дебютную книгу Б.В.Ляпунова об истории космической техники «Ракета» Сытин не только прочитал, но и написал хвалебную рецензию. А потом между двумя писателями завязалась многолетняя дружба. «Борис показывал мне письма читателей с благодарностями автору за помощь в выборе жизненного пути. Ближе познакомившись с Ляпуновым... я узнал, что на самом деле «крестным отцом» его как писателя, более того - учителем, был Михаил Ильин». Об основоположнике советской научно-художественной литературы Б.Ляпунов написал позже целую книгу.

Выступал он и как киносценарист - по работе, написанной в соавторстве с В.И.Соловьевым в 1958 году Павел Клушанцев снял НФ-фильм «Дорога к звездам», имевший колоссальный успех не только у нас, но и далеко за пределами СССР (Стэнли Кубрик признавался, что на создание «Космической Одиссеи 2001» его во многом вдохновил фильм Клушанцева). По сценариям Ляпунова поставлены также; научно-популярные фильмы «Газовая турбина», «Планета Океан» и другие.

В шестидесятые Борис Валерианович бывал в Союзе писателей (куда к тому времени был принят) довольно редко, на собраниях секции очерка и научно-художественной литературы не выступал. «Какая-то невероятная стеснительность мешала ему, - писал В.Сытин. - На секции обычно он садился в сторонке, внимательно слушал обсуждение, редко задавал вопросы». Не давало покоя здоровье: «Вид Ляпунова мне не понравился. Он еще больше пополнил, еще более одутловатым стало его лицо, и тени под глазами стали желтоватыми. Но - самое главное -. глаза молодого еще (всего за сорок) человека как-то потускнели... Ляпунов сидел в кресле куль кулем, безвольно опустив руки на колени...». Тем не менее работал писатель-исследователь по-прежнему много, в конце 1960-х заразился модной темой НЛО и палеоконтактов, но проявить себя на этом поприще уже не успел: «Увы, прожил чуть дольше пятидесяти. Но за четверть века своей литературной деятельности сделал много, и многое - хорошо. Писатель Борис Ляпунов был подвижником», - так заканчивает свои воспоминания Сытин...

Советский писатель-фантаст... Такое определение из Википедии наверняка польстило бы Борису Валериановичу, ведь НФ - его первая любовь. Одной из ранних публикаций стал отрывок из НФ-очерка «Институт межпланетных сообщений» (1944), очерки и НФ-репортажи Ляпунов публиковал на протяжении четверти века, выпустил две неплохие книги НФ-очерков. Большой успех имела книга «Мечте навстречу» (1957) о возможных этапах освоения космоса. О «необыкновенных путешествиях», похожих на жюльверновские, но совершенных во второй половине XX века, - книга «По следам Жюль Верна» (1960). Был у Ляпунова и замысел книги «По следам Герберта Уэллса»...

Но Борис Ляпунов не только писатель-популяризатор, любитель и знаток НФ. Он был одним из первых отечественных историков и библиографов жанра, подлинным летописцем «картографов Ада». Еще в 1945 году автор составил уникальный аннотированный указатель «Научная фантастика», включавший более 700 описаний произведений русской и зарубежной литературы с конца XIX века по 1945 год. Хотя библиография (включая дополненный вариант) так и не была издана, она оказалась ценнейшим пособием для многих исследователей фантастики (рукопись хранится в Доме детской книги). А в 1970 году эта работа стала немаловажным дополнением к монографии А.Ф.Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман».

Именно благодаря кипучей деятельности Ляпунова в конце 1950-х возвратилось из пятнадцатилетнего забвения имя А.Р.Беляева. Ляпунов составил первые двухтомник (1956) и трехтомник (1957) сочинений классика советской НФ, а для знаменитого восьмитомника 1964 года подготовил первый библиографический указатель

произведений Беляева. Перу Бориса Ляпунова принадлежит первая и единственная пока книга о жизни и творчестве классика отечественной фантастики, которая так и называется - «Александр Беляев» (1967). Автор сумел отвести несправедливые обвинения, еще тяготевшие тогда над книгами Беляева, проанализировал основные линии его творчества в свете достижений литературы и науки шестидесятых годов, представил писателя не только как романиста, рассказчика, очеркиста, сценариста, но и как «борца за советскую фантастику»; человека, всем творчеством утверждавшего веру в победу разума.

Главным же итогом критико-библиографической деятельности Ляпунова стала уникальная книга «В мире мечты» (1970) с подзаголовком «Обзор НФ-литературы». Этот первый в нашем фантастиковедении труд по истории НФ-литературы с богатейшей фактографией интересно было читать тогда, но еще интереснее и поучительнее - сегодня! Труд содержит обширные обзоры русской, советской, зарубежной фантастики, на двадцати страницах разместилась библиография НФ 1958-1968 годов, добавьте к этому чудесные иллюстрации Э.Филимонова!.. В общем, книга получилась увлекательной и занимательной. Неудивительно, что при тираже в 20 000 экземпляров она сразу же превратилась в библиографическую редкость! В рецензии другой классик отечественного фантастиковедения Виталий Бугров писал: «Объединяя лучшее из созданного нашими фантастами в отдельные жанрово-тематические группы, он добивается благотворного эффекта: при всей неизбежной фрагментарности, связанной с небольшим объемом обзора, фантастика предстает перед читателем книги как живая, полнокровная отрасль нашей художественной литературы».

С пятидесятилетием писателя поздравили почти все научно-популярные издания. В «Технике - молодежи» заведомо НФ Юрий Медведев признавался, что прочел в детстве «Открытие мира» взахлеб. Он писал: «Поколение тех, кто освоил целину неба и земли, кто перегородил сибирские реки плотинами, кто возвел города за Полярным кругом, воспитано не без влияния книг Бориса Ляпунова... Талантом ученого и поэта, страстью, энергией, художественным чутьем - он наделен в полной мере. Его лучшие книги, лучшие фильмы по-прежнему все еще впереди...».

Увы, болезни, работа на износ вскоре подкосили Б.В.Ляпунова. Его не стало 27 мая 1972 года. Писателю было всего 50 лет. В некрологах журналы единодушно называли Бориса Валериановича первопроходцем и пионером. Таковым он и был - и в фантастиковедении, и в научной фантастике, и в научно-популярной литературе.

В 1975 году вышла вторым изданием книга «В мире фантастики:

Обзор НФ и фантастической литературы», подготовленная вдовой писателя И.А.Ляпуновой. В предисловии известный литературовед Евгений Брандис отдал должное памяти автора: «За четверть века удивительно плодотворной деятельности Он написал тридцать четыре книги, множество статей и очерков... Всех, кому посчастливилось знать этого человека, поражала его феноменальная работоспособность, его ревностное служение делу, которому он отдавал себя без остатка. Круг литературно-научных интересов Б.В.Ляпунова был исключительно широк, но главная тема, определившая его писательское призвание, - освоение космического пространства с помощью реактивной техники - владела им с юных лет...».

В 1981 году журнал «Советская библиография» в небольшой статье, приуроченной к 60-летию писателя и библиографа, отметил достижения Ляпунова в области библиографии: «Указатели Б.В.Ляпунова были и остаются ценными библиографическими пособиями по фантастике». А спустя 10 лет известный фантастиковед Александр Осипов в биографическом очерке «Зачинатели» горько замечал: «В последние годы повсеместно убеждаешься, к сожалению, как легко вычеркиваются из нашей памяти имена людей, ушедших от нас совсем недавно. Вычеркиваются исключительно по причине нашей внутренней усталости и безразличия к судьбам культуры и литературы...».

Вл. ГАКОВ

РАЗНОЦВЕТНАЯ СУДЬБА

Следует добавить - и ее книги. Потому что главный труд американской писательницы, которой в этом месяце исполняется 80 лет, -это многотомная «Сага об изгнанниках в плиоцен», и открывается она романом «Многоцветная Земля». Да и последующие книги Джулиан Мэй во всех смыслах колоритны, как и ее биография.

После двух первых проб пера в жанре Science Fiction - короткой

повести и рассказа, опубликованных на заре юности, - последовало молчание, растянувшееся почти на три десятка лет. Мэй активно участвовала в издательских проектах мужа и в жизни американского фэндом, организовывала конвенции, но сама не выдавала ни строчки (если говорить об НФ). А потом, в начале 1980-х, невиданный и непредсказуемый творческий взрыв! Два цикла романов, составивших великолепную сагу, которую критики и читатели ставят на одну полку с классическими эпопеями Азимова и Херберта. Одни эти романы обеспечили автору пропуск в Зал Славы фантастики.

А ведь творчество Мэй-фантаста указанным циклом не ограничивается. Более 250 научно-популярных книг, предназначенных юным читателям! И несколько тысяч научных статей для десятков энциклопедий...

Родилась Джулиан Мэй 10 июля 1931 года в пригороде Чикаго. Фамилия отца была Маевский, которую он позже укоротил до звучащей совсем по-американски Мэй, а дочери родители дали имя Джуди (когда произошло превращение в Джулиан, точно неизвестно). Там же, в штате Иллинойс, Джуди Мэй окончила местный колледж, а в двадцатилетнем возрасте опубликовала первое научно-фантастическое произведение. И в том же, 1951 году встретила известного критика, библиографа и издателя НФ Теда Дикти, за которого год спустя вышла замуж. Они прожили вместе почти 40 лет, «пока смерть не разлучила их» (Дикти скончался в 1991-м). Известная ныне писательница и мать троих взрослых детей на заре своей карьеры принимала участие в большинстве издательских проектов мужа. Так что первая ипостась ее многоцветной биографии - редактор и издатель.

Параллельно она попробовала силы в активном фэндоме. Американские фэны со стажем хорошо помнят, что председателем оргкомитета памятной Всемирной конвенции 1952 года в Чикаго была молоденькая местная активистка, которую звали Джулиан Мэй. Почему памятной? Потому что почётным гостем на ту конвенцию пригласили живую легенду американского фэндом, - создателя первого НФ-журнала Хьюго Гернсбека. И благодаря то ли прозрению двадцатилетней Мэй, то ли присутствию самого Отца-Основателя, но собравшиеся в Чикаго фэны решили отныне и вовеки на всех будущих Всемирных конвенциях присуждать ежегодные премии. Назвав их именем... сами догадываетесь чьим.

Так что и история фэндом с благодарностью хранит имя Джулиан Мэй.

Что же касается собственно литературной деятельности, то стартовала Мэй на удивление рано. Рассказ-дебют «На роликах по дюнам» был опубликован под псевдонимом Джуди Дикти в журнале «Astounding Science Fiction» в 1951 году. Рассказ читателям

понравился (как и иллюстрации: между прочим, выполненные самим автором), а позже по нему даже сняли телефильм «Сжигающие трупы».

Однако в целом литературные интересы начинающей писательницы тогда лежали вне сферы НФ. Выпустив в 1960 году еще один фантастический рассказ - «Звезда удивления», она полностью переключилась на популярные книжки для детей. На самые разные сюжеты - от популяризации науки до биографий звезд спорта и шоу-бизнеса. Я, к примеру, с удовлетворением встретил в библиографии Джулиан Мэй книгу о Пеле, изданную в США, где, как известно, к классическому футболу до самого последнего времени отношение оставалось более чем прохладным...

Читатели же научной фантастики о Мэй-писательнице ничего не слышали почти три долгих десятилетия.

Пока не наступил 1980 год, одной из лучших книг которого стал роман Мэй «Многоцветная Земля».

Название романа говорящее, потому что это была фантастика изобретательная, поражающая многоцветьем тем, сюжетных находок, идей. Любопытно, что подобным изобилием балует не далекая планета в другой галактике, а наша собственная. Только это не старушка Земля, а Земля юная - какой она была миллионы лет назад. Именно наша планета в эпоху плиоцена (то есть от пяти до двух миллионов лет назад) стала ареной событий длиною в четыре толстых тома, на которые растянулась эпопея Джулиан Мэй.

Начинается история с того, что инопланетные изгнанники - жертвы религиозных преследований в своей родной галактике, высадившись на нашу планету, встретили лишь гоминидов-рамапитеков. Никак не предполагая, что в обозримом времени столкнутся с неведомо откуда взявшимися далекими потомками последних - вполне цивилизованными и разумными! Мало того что сами инопланетяне (экзоты) благодаря собственной эволюции разделены на два биологических подвида, ведущих друг с другом войну на выживание, так обеим враждующим «фракциям», как снег на голову, сваливаются другие земляне - из далекого будущего! Тоже изгнанники, но, как выясняется, добровольные.

Социальным аутсайдерам, неудачникам и чудакам - всем им, оказывается, очень неуютно в «райском» технологическом XXII веке, в эпоху расцвета Галактического Содружества (наступившего, правда, после вторжения каких-то инопланетных «прогрессоров»), совместной созидательной деятельности представителей различных разумных рас. Казалось бы, ну чего этим маргиналам не хватало, ведь это время неограниченных возможностей для каждого! В том числе долгожданной «отмены» старости и самой смерти... Они же, мятежные,

ищут бури - выхода атавистических инстинктов, настоящих приключений, подвигов, страстей, самоутверждения.

Стоило только ученому-физику открыть способ путешествий во времени (однако строго в один конец), как добровольные изгои целыми группами отправились на просыпающуюся Землю, навстречу реальным опасностям и сюрпризам. И находят их в избытке... иначе не проглотили бы сотни тысяч читателей толстый том запоем, за один присест. Как и последовавшие за ним еще три книги цикла. И книги следующей серии.

Все найдет изголодавшийся по «многоцветью» читатель в первой тетралогии. Интересные и смелые по замыслу мозаичные фрагменты будущего Галактического Содружества и нетривиальную разумную расу инопланетян, разделенную собственной эволюцией и враждующих на первобытной Земле. Есть чем полакомиться и любителям «твердой» НФ: тут и генетика, и парапсихология вкупе с мифологией, историей, философией, географией, геологией, теологией и астрофизикой. А поклонники героической фэнтези особое спасибо скажут Мэй за любовные драмы, волшебные амулеты и магическоментальные способности инопланетян. Как и за нестареющие поединки на старомодных клинках разной степени длины. А те, кто и в НФ ищет хорошую литературу, встретят на страницах книг Мэй десятки ярких, запоминающихся образов, и каждый - со своей психологией и судьбой.

А над всем этим многообразием героев, сюжетных линий, тем и идей ощутимо присутствует умело организующий их автор-режиссер. Который не только держит под контролем ветвистый сюжет, но и, как станет ясно ближе к финалу тетралогии, уже обдумывает замысел нового цикла «Галактическое Содружество», органически связанного с «Сагой об изгнанниках в плиоцен», однако обращенного в далекое будущее.

Впрочем, вся грандиозность замысла открылась критикам и читателям только после выхода завершающих сагу романов «Золотой торквес» (1982), «Узурпатор» (1983) и «Враг» (1984). В дополнение к ним Мэй дописала еще один том, на сей раз не беллетристический, а научно-популярный - «Путеводитель по плиоцену» (1984). Да и как без него в столь богатом деталями, событиями и персонажами мире...

Отдельно стоит упомянуть «организацию» путешествий во времени в романах обоих циклов: уж больно свежа и необычна трактовка темпоральных путешествий. «Временные врата» фактически открыты только для путешествий в прошлое - в эпоху плиоцена. Теоретически можно отправиться и в будущее, но с неизбежным побочным эффектом: путешественник (и вообще любой материальный объект) «постареет» на те же миллионы лет. Камень-то до конечной «станции» доберется в относительной целостности, а от человека и праха не

останется...

Писательница без ложной скромности так комментировала главное свое творение: «Мои книги всецело принадлежат традиции классического «литературного» (в смысле общей культуры и грамотности) триллера. Сюжет их тонко организован вокруг судеб многих персонажей, участников событий в «истории будущего» или «истории прошлого». Несмотря на часто фэнтезийный антураж, все эти книги относятся к научной фантастике, а не героической фэнтези. Четыре тома Саги о плиоцене фактически образуют один гигантский том, стилистически витиеватый, пышный, но также с элементами юмора и мелодрамы».

А вот оценка профессионального критика, характеризующего одного из героев второго тома тетралогии: «Узурпатор Эйкен Драм - не просто умница со сверхспособностями, намного превосходящими все, чем обладают обыкновенные люди. Это еще и поистине многоликий мерзавец, в котором есть что-то от тривиального «трудного подростка». Но чем-то он напоминает и Тиля Уленшпигеля... и вызывает параллели с персонажами шотландского фольклора, с друидами и т.п. Отпетые злодеи и ангельски беспорочные герои вообще нетипичны для творчества Мэй».

В ее книгах не встретишь агрессивно-безапелляционного феминизма, характерного для современной американской фантастики. Женские образы писательницы, хотя и мало напоминают романтических инженю, все же в большинстве своем остаются женщинами. Столь же неожиданным оказывается и подчеркнутый интернационализм ее Галактического Содружества. В него входят планеты, заселенные колонистами из Франции, Скандинавии, представителями других земных культур и народов. Кстати, само слово «Содружество» Джулиан Мэй упрямо пишет по-французски: *Milieu*, что переводится так же, как «среда», «область распространения»...

Хронологически следующий роман «Вторжение» (1987) - это своего рода мостик между «Сагой об изгнанниках в плиоцен» и новой серией, где действие разворачивается уже в будущем, на звездных пространствах Галактического Содружества. Новая трилогия состоит из романов «Джек Бестелесный» (1992), «Алмазная маска» (1994) и «Магнификат» (1996). Второй цикл сильно уступает первому. В том ли дело, что «галактическая федерация» представляет собой тему куда более избитую и затертую? Или причиной всему необычайная щедрость, с которой Мэй обрушила на читателя первой тетралогии свои творческие находки, результатом чего стало определенное пресыщение...

Для полноты картины следует хотя бы бегло упомянуть и другие книги, написанные автором «Саги об изгнанниках в плиоцен». В компании с

двумя заслуженными «бабушками американской фэнтези», ныне покойными Мэрион Зиммер Брэдли и Андре Нортон, Мэй «на троих» сочинила коллективный роман-фэнтези «Черный Триллиум» (1990), продолжив тему сольными томами - «Кровавый Триллиум» (1992) и «Небесный Триллиум» (1997). Последний роман сначала был заявлен на 1993 год, потом перенесен на следующий, а затем снова отложен... Причина задержки - диктат издателей, заставивших автора срочно дописать завершение трилогии о Галактическом Содружестве. Кроме того, перу Джулиан Мэй принадлежат еще две трилогии - «Миры-крепости» и «Северная Луна», «Географический справочник Гиборийского мира Конана» (1977, под псевдонимом Ли Фалконер), а также ряд новеллизаций популярных фантастических кинолент под псевдонимом Ян Торп: «Франкенштейн», «Дракула», «Человек-волк», «Мумия», «Существо из Черной лагуны», «Капля», «Оно явилось из космоса».

Но главной в творчестве Мэй остается, конечно же, семитомная сага, состоящая из двух циклов. И хотя ни один из романов саги не получил высших наград в жанре, история плиоцена и Галактического Содружества стала классикой жанра. По-настоящему многоцветным миром. А это стоит рекордных количественных показателей других авторов, которые как ни стараются убедительно раскрасить свои черно-белые миры, но, увы, не в состоянии...

Курсор

Курсор

☞ «Analog» и «Asimov's» назвали лучшие произведения, опубликованные на страницах этих мировых лидеров фантастической периодики в прошлом году. По результатам голосования читателей лауреатами премии Asimov's Readers' Award стали: повесть Кристин Кэтрин Раш «Становление с призраками», короткая повесть Аллена Стила «Император Марса», уже известная читателям «Если», рассказы Кэрол Эмшулер «Прекрасный уродец» и Майкла Суэнвика «Либертарианская Россия». Лауреатами Analog Analytical Laboratory Winners (Anlab) стали: повесть Ричарда Ловетта и Марка Ниманна-Росса «Фантомное чувство», короткая повесть Брэда Торгерсена «Бродяга», рассказ Кристин Кэтрин Раш «День красных писем». К моменту оглашения результатов голосования переводы всех этих произведений уже имелись в редакции «Если», и с рассказом Кристин Кэтрин Раш читатели смогут познакомиться в следующем номере.

📌 **Экранизация** культовой книги Уильяма Гибсона «Нейромант» после нескольких лет простоя наконец-то перешла в активную стадию. Съёмки фильма, которые проводит Винченцо Натали, создатель культового фильма «Куб», начнутся в будущем году, а сейчас идет работа над визуальными эффектами: классика киберпанка, похоже, явит зрителям весьма эффектный и неожиданный изобразительный ряд.

📌 **Франшиза «Горец»** будет перезапущена. Студии Summit Entertainment и RCR Media Group планируют заново переснять первоначальную серию саги, породившую несколько киносиквелов и популярный телесериал. Режиссером назначен Джастин Лин. Пока неясно, насколько дословно новая версия будет соотноситься с оригиналом; вполне вероятно, она положит начало отдельной сюжетной ветке популярной саги о приключениях бессмертных меченосцев в современном мире.

📌 **Премии «Небьюла»** вручались в этом году 22 мая в Вашингтоне на традиционном «Небьюла-банкете», тамадой которого выступал Майкл Суэнвик. Лауреатами стали: Кони Уиллис за дилогию «Блэкаут» и «Все чисто», Рэйчел Свирски за повесть «Леди, которая рвала красные цветы под окном у королевы», Эрик Джеймс Стоун (скорее, рассказ) «Этот Левиафан, которого Ты сотворил...», а также рассказы «Пони» Киджа Джонсона и «Как интересно: миниатюрный человечек» Харлана Эллисона. «Левиафан...» Эрика Джеймса Стоуна будет опубликован в следующем выпуске «Если». Также на банкете были вручены премии им. Рэя Брэдбери лучшему фильму («Начало») и им. Андре Нортон лучшей детской фантастике («Я должен носить на себе полночь» Терри Пратчетта).

📌 **Подростковый вариант** знаменитого «Дня сурка», но с элементами хоррора, готовится осуществить компания Gotham Group. Компания приобрела права на экранизацию детского ужастика знаменитого мастера жанра Роберта Лоуренса Стайна «Первый день в школе: Навсегда». Двенадцатилетний Артур переходит в новую школу, где и ученики, и учителя встречают его весьма недружелюбно. К тому же мальчик попадает в «петлю времени», и кошмарный первый день начинает повторяться снова и снова.

📌 **Фестиваль «Аэлита»** проходил в Екатеринбурге с 25 по 28 мая. Основные премии фестиваля вручались в необычном «двойном» формате. Так, «Аэлиты» достались Г.Л.Олди и Евгению Войскунскому, призы им. Ефремова - Борису Стругацкому и коллективу портала «Фантлаб». Однако довольно странным оказалось вручение премии

им. Бугрова за вклад в фантастиковедение: приз получило издательство «Снежный ком М», к фантастиковедению в общем-то никакого отношения не имеющее. Премию «Старт» за лучший дебют года вручили Виталию Абояну за книгу «Древо войны».

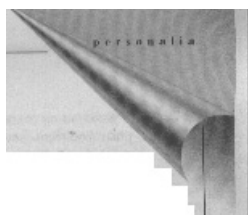
📌 **Студии** MGM и Screen Gems планируют заново экранизировать дебютный роман Стивена Кинга «Кэрри». Именно с этого произведения началось восхождение «короля ужасов». В книге рассказывалось о мести одноклассникам затравленной школьницы, у которой вдруг прорезались способности к телекинезу. В 1976 году состоялась первая экранизация, выполненная Брайаном де Пальмой, в 1999-м на экраны вышел сиквел, в 2002-м был снят телевизионный вариант истории. Сценарий нового фильма пишет Роберто Агирре-Сакаса.

📌 **Очередной «Интерпресскон»** прошел с 6 по 9 мая в пансионате «Морской прибой» под Санкт-Петербургом. На конвент съехались около сотни человек, которые получили возможность посетить традиционные семинары, литературные студии, концерты. Вручались премии как «демократические», за которые голосовали участники конвента, выбирая из номинационных списков (правда, номинационная комиссия почему-то не сочла достойными немало заметных текстов, например, новые романы Дивова, Громова, Лукьяненко и других известных авторов), так и «авторитарные», вроде «Бронзовой улитки» Б.Н. Стругацкого. Премию «Интерпресскон» в категории «крупная форма» получили: Марина и Сергей Дяченко за роман «Мигрант, или Brevi finietur»; в категории «средняя форма» - Святослав Логинов за повесть «Ось мира»; в «малой форме» лидировали Генри Лайон Олди с рассказом «Смех дракона» и Игорь Дорохин с миниатюрой «Ёлки и елки». Лучшей дебютной книгой назван «Остров Рай» Ники Батхен, критической работой - «Фантастика vs Боллитра: мир неизбежен» Дмитрия Лукина. Премии «Бронзовая улитка» были вручены Тиму Скоренко за роман «Сад Иеронима Босха», Алексею Лукьянову за повесть «Высокое давление»; Марии Галиной за рассказ «Добро пожаловать в прекрасную страну!»; Сергею Переслегину за публицистическую работу «Возвращение к звездам; Фантастика и эволюция».

📌 **Австралийские премии «Аурелис»** вручались в Сиднее 21 мая. Они интересны тем, что предполагают разделение по жанрам. Лауреатами стали: в номинации «Лучший НФ-роман» - «Трансформация космоса» Марианны де Пиерс; «Лучший НФ-рассказ» - «Сердце мыши» К.Дж.Бишоп; «Лучший фэнтези-роман» - «Сила и величие» Тэнси Рейнер Робертс; «Лучший фэнтези-рассказ» - «Февральский дракон» ЛЛ Ханнет & Анжелы Слэттер и «Йови» Торайи

Дайер; «Лучший хоррор-роман» - «Шахта Мэдигана» Кирстин Макдермот; «Лучший хоррор-рассказ» - «Страх» Ричарда Харланда; «Лучший подростковый роман» - «Страж мертвеца» Карен Хэли; «Лучший подростковый рассказ» - «Тысяча цветов» Марго Лэнаган.

Агентство F-пресс

personalia

ВИЛЬХЕЛЬМ Кейт (WILHELM, Kate)

Известная американская писательница и критик Кейт Вильхельм родилась в 1928 году в городе Толедо (штат Огайо) и сразу после окончания школы, не получив формального высшего образования, начала писать НФ-прозу. Позже вторым мужем Вильхельм стал известный писатель-фантаст и критик, ныне покойный Деймон Найт, вместе с которым она организовала Милфордскую конференцию фантастов (1963-1972) - прообраз Ассоциации американских писателей-фантастов, а также семинары молодых авторов «Кларион». Первый опубликованный рассказ Вильхельм - «Гений-с-пинту» (1957).

Кейт Вильхельм является автором более сотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили 10 сборников - «Звездолет длиной с милю» (1963), «Нижняя комната» (1968), «Коробка с бесконечностью» (1971) и другие, а также около четырех десятков романов. Наиболее известные - «Клон» (1965) и «Год Облака» (1970), написанные в соавторстве с Теодором Томасом, а также завоевавшая премию «Хьюго» утопия «Где допоздна так сладко пели птицы» (1976), действие которой разворачивается в коммуне телепатов, выжившей после глобальной катастрофы, и примыкающие к ней «Время можжевельника» (1979), «Добро пожаловать, Хаос!» (1983). Среди рассказов и повестей три произведения получили премию «Небьюла» и одно - Премию имени Джеймса Триптри-младшего. Кроме того, еще 13 произведений Вильхельм номинировались на премию «Небьюла», восемь - на премию «Хьюго», и по одному - на Всемирную премию

фэнтези и Премию имени Джона Кэмпбелла. В 2006 году премию «Хьюго» завоевала также документальная книга Вильгельм «Рассказчик. Уроки литературы и более 27 лет работы семинара «Кларион».

В последние два десятилетия писательница продолжала писать фантастику, одновременно осваивая пограничные жанры - мистической прозы, детектива, и других.

ГОРНОВ Николай Викторович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

Корр.: Прежде чем стать писателем, вы успели прославиться как создатель и автор самого популярного в отечественном фэндоме 1980-1990-х фэнзина «Страж-Птица». Ностальгируете по тем временам? Опыт специфической шутливой фэндомной журналистики наложил отпечаток на ваше творчество?

Н.Горнов: Я тут намеренно вживую пообщался со своим соавтором по «Страж-Птице» Сашей Диденко (сейчас мы видимся очень редко), и отчего-то нам вспомнились те «исторические» времена. В общем, соавтор меня категорически предостерегал от попыток принять посильное участие в жизни сегодняшнего фэндома. Если, мол, я и попытаюсь посетить какой-нибудь конвент, там меня будет ожидать незавидная участь старого пыльного комода, который плавно переходит из сегмента «рухлядь» в сегмент «антиквариат». А если серьезно, то по старым временам стараюсь не ностальгировать. Свой опыт любительской журналистики начала 1990-х я сумел переварить и уже несколько лет публикую в нашей газете еженедельную колонку «С особым цинизмом», где продолжаю славную традицию анархо-синдикализма и лапидарной публицистики. И эта авторская колонка, кстати, пользуется вполне устойчивым спросом. Только во времена «Страж-Птицы» мне имели что сказать при встрече и лидеры фэндвижения, и молодые писатели-фантасты (обойдемся без фамилий), а сегодня в списке «обиженных» - чиновники омской мэрии, областные министры и даже один заместитель председателя регионального правительства. От судьбы не уйдешь.

ЛУКИН Евгений Юрьевич

Фантаст, поэт и бард Евгений Лукин родился в 19,50 году в Оренбурге в актерской семье. После окончания филологического факультета Волгоградского педагогического института работал школьным учителем, а также в издательстве. Фантастическую прозу начал писать

в 1975 году в соавторстве с супругой Любовью Лукиной, а дебютом в печати стала их совместная повесть «Каникулы и фотограф» (1981).

В 1980-е годы Любовь и Евгений Лукины стали знаковыми фигурами, завоевав репутацию мастеров короткой фантастической новеллы. Их совместное творчество объединено в сборники «Когда отступают ангелы» (1990), «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1990), «Шерше ля бабушку» (1993), «Петлистые времена» (1996) и «Сокрушитель» (1997). Но с 1994-го супруга и соавтор отошла от литературной деятельности, а еще через два года ее не стало.

Сольная биография волгоградского писателя, продолжившего развитие иронической и социальной фантастики, оказалась не менее удачной. Сборник «Там, за Ахероном» (1995) сразу же завоевал читательское внимание. С появлением романа «Разбойничья злая луна» (1997), сюжетно и идейно пересекающегося с известной повестью 1980-х годов «Миссионеры», рассказчик Лукин стал активно выступать и в крупной форме. Книги «Катали мы ваше солнце» (1998), «Зона справедливости» (1998), «Чушь собачья» и другие становились событием в отечественной фантастической прозе. К этому списку необходимо добавить и несколько поэтических сборников Лукина, где фантаст предстал как яркий, самобытный поэт: «Дым Отечества» (1999), «Ой да...» (2001), «Фарфоровая речь» (2002) и «Чертова сова» (2004).

«Премиальный лист» Е.Лукина выглядит внушительно: писатель «полный кавалер» приза читательских симпатий «Сигма-Ф» (за роман, повесть и рассказ), лауреат премий «Аэлита», «Бронзовая улитка», «Интерпресскон», «Роскон», «Странник», «Золотой кадуцей»... Без награды не осталось ни одно произведение писателя. Но все рекорды побил повесть «Бытие наше дырчатое» (2006): в течение 2007 года она получила семь премий. В 2009-м писатель пошел «на новый рекорд», собрав в номинации «Повесть» абсолютно все существующие жанровые награды за «Лечиться будем» и «С нами бот», опубликованные в «Если» в 2008 году.

МОЛОКИН Алексей Валентинович

(Библиографические сведения об авторе см. в № 3 за этот год)

Корр.: Ваше творчество интонационно очень разнопланово: если один рассказ демонстрирует вас как мастера лихой, юмористической НФ, то уже в следующем вы вдруг представляете «чрезвычайно серьезным человеком», которому не до шуток... На самом-то деле вы какой, что вам ближе в творчестве: ирония или разговор с читателем по-взрослому?

А.Молокин: На самом деле я очень простой человек. И как простому

человеку мне кажется, что мои юмористические рассказы не менее серьезные, чем так называемые «истинно серьезные». У меня очень неплохая работа, которую я часто клянусь на чем свет стоит, но если у меня ее не станет, я, наверное, просто умру. Мне очень хотелось бы написать что-то теплое и человеческое, а вот получается это далеко не всегда. И все-таки я стараюсь. Но если никогда не смеяться, хотя бы над собой, то жить станет просто страшно.

**ПАКЕ Оливье
(PAQUET, Olivier)**

Французский писатель Оливье Паке, родился в Компьене в 1973 году, получил образование в Институте политических исследований в Гренобле, после чего блестяще защитил кандидатскую диссертацию. В молодости принимал участие в ролевых играх.

Первая публикация так и называлась - «Первое произведение»; рассказ появился во французском журнале «Галактика» в 1999 году. С тех пор в этом издании, а также в других журналах и антологиях автор опубликовал множество новелл. За одну из них, под названием «Синестезия», Оливье Паке был удостоен Гран-при l'Imaginaire в 2002 году. Первый роман «Структура Максима» вышел в 2001 году. Сейчас писатель работает над вторым романом.

**СЭНФОРД Джейсон
(SANFORD, Jason)**

Начинающий американский писатель-фантаст Джейсон Сэнфорд родился и вырос в сельской местности штата Алабама. Работал в археологических экспедициях, служил добровольцем в Корпусе мира, объездил свет, а потом осел на Среднем Западе, где и проживает в настоящее время с женой и двумя детьми, редактируя им же основанный литературный журнал «storySouth» (именно в такой орфографии).

На счету писателя-фантаста Сэнфорда пока всего три опубликованных произведения короткой формы.

**СТРАТМАНН Генри
(STRATMANN, H. C.)**

Американский врач-кардиолог и писатель-фантаст Генри Стратманн родился в 1960 году и провел детство в городке Ист-Каронделете

(штат Иллинойс) «с населением в 450 живых душ, если считать кошек и собак». Закончив Университет Сент-Луиса в соседнем штате Миссури с дипломом химика, он защитил диссертацию по медицине и биохимии в Университете Южного Иллинойса и в настоящее время продолжает работать по специальности - кардиологом. В научной фантастике дипломированный доктор медицины дебютировал в 1994 году - рассказом «Ангелочек» (в соавторстве с Давидом Нордли). С тех пор Стратманн опубликовал два десятка рассказов, треть которых составляет цикл «Нулевая вероятность». Ряд произведений короткой формы составил сборник «Симфония в минорном ключе», вышедшем в прошлом году. Сам писатель шутит, что занятия медициной очень помогают ему: «Если ко мне заглянет какой-нибудь Повелитель Времени или инопланетянин с необычными кардиологическими проблемами, я встречу его во всеоружии: вылечим, не извольте беспокоиться».

**ШТАЙНМЮЛЛЕР Анжела,
ШТАЙНМЮЛЛЕР Карлхайнц
(STEINMUELLER, Angela, STEINMUELLER, Karlheinz)**

Немецкие писатели-фантасты, супруги. Анжела родилась в 1941 году в Шмалькальдене, окончила математический факультет Университета имени Гумбольдта в Берлине. Карлхайнц родился в 1950-м в Клингентале, учился в Техническом институте Карл-Маркс-Штадта и получил диплом физика. Оба начали писать в конце 1970-х, а первое совместное произведение, роман «Эндимион», выпустили в 1982 году. В 1977-1982 годах будучи сотрудником Центрального института кибернетики и информационных процессов Академии наук ГДР Карлхайнц Штайнмюллер занимался моделированием экосистем и популяционной динамики. Позже являлся научным директором компании, занимающейся поиском перспективных направлений в науке и бизнесе.

Среди романов супружеской четы выделяются «Пуластер» (1986), «Мастер сновидений» (1990), «Время потепления» (1991). Произведения соавторов переведены на многие языки мира. Помимо литературных работ Карлхайнц Штайнмюллер выступает с прогностическими статьями и книгами, является одним из ведущих футурологов Германии.

В 1988 году творческий дуэт получил Prix Europeen de la Science-Fiction европейской ассоциации фантастов. На исходе существования Германской Демократической Республики супруги по результатам анкетирования всех КЛФ были признаны самыми популярными авторами. Позже в номинации «Рассказ» трижды завоевывали высшую

награду, вручаемую германоязычным фантастам, - премию имени Курда Лассвица.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2011 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 Форма № ПД-4 ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>
	ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small> в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small> БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small> КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2 Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>
Кассир	Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.
	ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small> ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small> в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small> БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small> КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2 Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>
Квитанция Кассир	Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810900000000767

БИК

№

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа:

_____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги

_____ руб. _____ коп.

Итого

_____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810900000000767

БИК

№

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Кассир	Сумма платежа:	_____ руб.	_____ коп.
	Сумма платы за услуги	_____ руб.	_____ коп.
	Итого	_____ руб.	_____ коп.

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. 000
«Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.
Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)
e-mail: sales@lubknlga.ru**

<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с

суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Стивена БАКСТЕРА
«ПРОЕКТ «ГАДЕС»**

РАССКАЗЫ

**Эрика Джеймса СТОУНА,
Кристин Кэтрин РАШ, Дарио ТОННАТИ,
Дэвида БАРНЕТТА**

ОЧЕРК

Вл. Гакова: самый «твердый» фантаст

ОПРОС НА САЙТЕ ЖУРНАЛА:

Дождемся ли светлого будущего?

**ЧИТАЙТЕ «ЕСЛИ»
В АВГУСТЕ**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.

Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей,
включая почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Стивена БАКСТЕРА
«ПРОЕКТ «ГАДЕС»**

РАССКАЗЫ

**Эрика Джеймса СТОУНА,
Кристин Кэтрин РАШ, Дарио ТОННАТИ,
Дэвида БАРНЕТТА**

ОЧЕРК Вл. Гакова: самый «твердый» фантаст

**ОПРОС НА САЙТЕ ЖУРНАЛА;
Дождемся ли светлого будущего?**

**ЧИТАЙТЕ «ЕСЛИ»
В АВГУСТЕ**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

